

The Collection of Humanitarian Studies. Electronic scientific journal

peer-reviewed * open access journal

ISSN 2500-3585

КОЛЛЕКЦИЯ ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Электронный научный журнал

3 (44) 2025

СОДЕРЖАНИЕ

СОЦИОЛОГИЯ

Омуралиев Н.А., Арбузова Н.Н., Надежина И.В., Дмитриук А.И. 6
ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИИ И АДАПТАЦИИ КОГНИТИВНО ОДАРЕННЫХ ДЕТЕЙ
ПОКОЛЕНИЯ АЛЬФА В ДОПОЛНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Оставная А.Н., Тарасова Л.В., Храпич А.Д. 16
МИГРАНТЫ В ГОРОДСКОЙ ТРАНСПОРТНОЙ СИСТЕМЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ
ТАКСОМОТОРНОГО ТРУДА

Олова Е.М., Снедкова Ю.П., Ковалева М.В. 25
КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ СЕМЬИ
В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Лампаров С.С. 35
СМЫСЛ КАК МЕДИАТОР СВЯЗИ ГРУППОВЫХ ПРОЦЕССОВ И ЛИЧНОСТНОГО
ПОТЕНЦИАЛА ВОЛОНТЕРОВ: ИНТЕГРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ
МОДЕЛЬ

Бакеева А.А. 49
СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ
ФАКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕШАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

Сорокоумова Е.А., Скрыбина Т.Н., Кобзев Е.А., Федоров О.Г., Виттенбек В.К. 62
ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ
СТУДЕНТОВ ВУЗА

Кузнецова А.А., Миракян К.Ф. 72
ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИИ И САМООЦЕНКИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ
АСПЕКТ

Председатель
редакционного совета
В.А. Лазаренко

Главный редактор
П.В. Ткаченко

Ответственный секретарь
Е.П. Непочатых

Технический секретарь
М.С. Филиппович

Адрес редакции:
305041
г. Курск, ул. К. Маркса, 3
E-mail: collegi@j-chr.com
<http://www.j-chr.com>

При перепечатке
ссылка на журнал
«Коллекция гуманитарных
исследований»
обязательна

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ

ЛАЗАРЕНКО Виктор Анатольевич
доктор медицинских наук, профессор, ректор Курского
государственного медицинского университета

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ПРЕДСЕДАТЕЛЯ

ТКАЧЕНКО Павел Владимирович
доктор медицинских наук, доцент, зав. кафедрой
нормальной физиологии Курского государственного
медицинского университета

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

НЕПОЧАТЫХ Елена Павловна
кандидат психологических наук, доцент кафедры
социальной работы и безопасности жизнедеятельности
Курского государственного медицинского университета

БОБЫНЦЕВ Игорь Иванович
доктор медицинских наук, профессор, зав. кафедрой
патологии Курского государственного медицинского
университета

ПЕРГАМЕНЩИК Леонид Абрамович
доктор психологических наук, профессор Белорусского
государственного педагогического университета

КАМЕНЕВА Татьяна Николаевна
доктор социологических наук, профессор департамента
социологии Финансового университета при Правительстве
РФ; Белгородский государственный национальный
исследовательский университет

КОГАЙ Евгения Анатольевна
доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой
социологии Курского государственного университета

ШУЛЬГИНА Татьяна Алексеевна
кандидат психологических наук, доцент, зав. кафедрой
социальной работы и безопасности жизнедеятельности
Курского государственного медицинского университета

РАЗУБАЕВА Татьяна Николаевна
доктор психологических наук, профессор, зав. кафедрой
общей и клинической психологии Белгородского
государственного университета

СОРОКОУМОВА Елена Александровна
доктор психологических наук, профессор Московского
педагогического университета

НИКИШИНА ВЕРА БОРИСОВНА
доктор психологических наук, профессор Россицкого
национального исследовательского медицинского
университета им. Н.И. Пирогова

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

Ткаченко П.В. д.м.н., доц.
(ФГБОУ ВО КГМУ, г. Курск)

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Абрамов А.П. д.с.н., доц.
(ФГБОУ ВО ЮЗГУ, г. Курск)
Бабинцев В.П. д.филос., проф.
(НИУ БелГУ, г. Белгород)
Бобынцев И.И. д.м.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Волкова О.А. д.с.н.
(ФГБОУ ВО МГЭУ, г. Москва)
Василенко Т.Д., д.псих.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Запесоцкая И.В. д.психол.н., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)
Зотов В.В. д.с.н., проф.
(ФГАОУ ВО МФТИ (НИУ), г. Москва)
Ильдарханова Ч.И.
(Академия наук Республики Татарстан, г. Казань)
Каменева Т.Н., д.соц.н., проф.
(Финансовый университет при Правительстве РФ,
г. Москва; Белгородский государственный национальный
исследовательский университет, г. Белгород)

Кашапов С.М. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)
Клюева Н.В. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО ЯрГУ им. П.Г. Демидова, г. Ярославль)
Когай Е.А. д.филос.н., проф.
(ФГБОУ ВО КГУ, г. Курск)
Лескова И.В. д.с.н., проф.
(ФГБОУ ВО РГСУ, г. Москва)
Молчанова Л.Н. д.псих.н.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)
Разуваева Т.Н. д.псих.н., проф.
(Белгородский государственный университет, г. Белгород)
Сорокоумова Е.А. д.психол.н., проф.
(ФГБОУ ВО МПГУ, г. Москва)
Симоненко И.А. д.псих., проф.
(РНИМУ им. Н.И. Пирогова, г. Москва)
Шульгина Т.А. к.псих.н., доц.
(ФГБОУ ВО КГМУ Минздрава России, г. Курск)

CONTENT

SOCIOLOGY

Omuraliev N.A., Arbuzova N.N., Nadezhina I.V., Dimitryuk A.I. 6
COMMUNICATION AND ADAPTATION PRACTICES FOR COGNITIVELY GIFTED ALPHA
GENERATION CHILDREN IN AUGMENTED SOCIAL REALITY

Ostavnaia A.N., Tarasova L.V., Khrapich A.D. 16
MIGRANTS IN THE URBAN TRANSPORT SYSTEM: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF TAXI
LABOR

Orlova E.M., Snedkova Yu.P., Kovaleva M.V. 25
THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF THE FAMILY IDEOLOGY
IN THE INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT

SOCIAL PSYCHOLOGY

Lamparov S.S. 35
MEANING AS A MEDIATOR BETWEEN GROUP PROCESSES AND PERSONAL POTENTIAL OF
VOLUNTEERS: AN INTEGRATIVE SOCIO-PSYCHOLOGICAL MODEL

Bakeeva A.A. 49
SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND INDIVIDUAL- PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ACADEMIC
PERFORMANCE AMONG MEDICAL STUDENTS

PEDAGOGICAL PSYCHOLOGY

Sorokoumova E.A., Scriabina T.N., Kobzev E.A., Fedorov O.G., Wittenbeck V.K. 62
THE STUDY OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND PEDAGOGICAL ABILITIES OF UNIVERSITY
STUDENTS

Kuznetsova A.A., Mirakyan K.F. 72
THE STUDY OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND PEDAGOGICAL ABILITIES OF UNIVERSITY
STUDENTS

Chairman
Editorial Board
V.A. Lazarenko

Editor-in-chief
P.V. Tkachenko

Executive Secretary
E.P. Nepochatykh

Technical Secretary
M.S. Filippovich

Editorial address:
305041
Kursk, st. Marx, 3
E-mail: collegi@j-chr.com
<http://www.j-chr.com>

EDITORIAL COUNCIL

CHAIRMAN

Dr. Victor Lazarenko
Honored Physician of the RF, MD, Full Professor, Rector of Kursk State Medical University, Russian Federation

VICE CHAIRMAN

Dr. Pavel Tkachenko
MD, Associate Professor, Head of Normal Physiology Department n.a. Professor Zavyalov of Kursk State Medical University, Russian Federation

EXECUTIVE SECRETARY

Dr. Elena Nepochatyh
Candidate of Sciences in Sociology, Associate Professor, Associate Professor of Social Work and Life Safety Department, Kursk State Medical University

Dr. Igor Bobyntsev
MD, Full Professor, Professor, Head of Pathophysiology Department, Kursk State Medical University, Russian Federation

Dr. Leonid Pergamenschik
PhD in Psychology, Full Professor, Belarus State Pedagogical University, Belarus

Dr. Tatiana Kameneva
PhD in Sociology, Professor, Professor of the Department of Sociology, Financial University under the Government of the Russian Federation, Belgorod State National Research University, Russian Federation

Dr. Elena Kogai
PhD in Philosophy, Full Professor, Head of Sociology Department, Kursk State University, Russian Federation

Dr. Tatiana Shulgina
PhD in Psychology, Associate Professor, Head of Social Work and Life Safety Department, Kursk State Medical University, Russian Federation

Dr. Tatiana Razuvaeva
PhD in Psychology, Full Professor, Belgorod State National Research University, Russian Federation

Dr. Elena Sorokoumova
PhD in Psychology, Full Professor, Moscow State Pedagogy University, Russian Federation

Dr. Vera Nikishina
PhD in Psychology, Full Professor, Moscow State National Research University named after N.I. Pirogov

EDITORIAL BOARD

EDITOR-IN-CHIEF

Tkachenko P.V. MD, Associate Professor
(Kursk State Medical University, Russian Federation)

EDITORIAL BOARD

Abramov A.P. PhD, Associate Professor
(The Southwest State University, Kursk)
Babyntsev V.P. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)
Volkova O.A. PhD (Moscow State University of Humanities and Economics, Moscow)
Zapesotskaya I.V. PhD, Associate Professor
(N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)
Zotov V.V. PhD, Full Professor
(Moscow Institute of Physics and Technology (National Research University), Moscow)
Ildarkhanova Ch.I. PhD
(Tatarstan Academy of Science, Kazan)
Kashapov M.M. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)
Kameneva T.N. PhD, Professor
(Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow; Belgorod State National Research University, Belgorod)

Klyuyeva N.V. PhD, Full Professor
(P.G. Demidov Yaroslavl State University, Yaroslavl)
Kogai E.A. PhD, Full Professor
(Kursk State University, Kursk)
Leskova I.V. PhD, Full Professor
(Russian State Social University, Moscow)
Molchanova L.N. PhD
(Kursk State Medical University, Kursk)
Pergamenschik L.A. PhD, Full professor
(Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank, Minsk, Belarus)
Razuvaeva T.N. PhD, Full Professor
(Belgorod State University, Belgorod)
Sorokoumova E.A. PhD, Professor
(Moscow Pedagogical State University, Moscow)
Shulgina T.A. Candidate of Psychology, associate Professor
(Kursk State Medical University, Kursk)
Vasilenko T.D. PhD, Full Professor (Kursk State Medical University, Kursk)
Simonenko I.A. PhD, associate Professor (N.I. Pirogov Russian National Research Medical University, Moscow)

DOI: 10.21626/j-chr/2025-3(44)/1
УДК: 316.334

Социология

ПРАКТИКИ КОММУНИКАЦИИ И АДАПТАЦИИ КОГНИТИВНО ОДАРЁННЫХ ДЕТЕЙ ПОКОЛЕНИЯ АЛЬФА В ДОПОЛНЕННОЙ СОЦИАЛЬНОЙ РЕАЛЬНОСТИ

© Н.А. Омуралиев, Н.Н. Арбузова, И.В. Надежина, А.И. Димитрюк

Омуралиев Н.А. – заведующий Центром социальных исследований Национальной Академии Наук Кыргызской Республики, доктор социологических наук, профессор

e-mail: nurbekcsr@mail.ru

Адрес: 720071, г. Бишкек, пр. Чуй, 265а, Кыргызская Республика

Арбузова Н.Н. – исполняющий обязанности проректора, ОГАОУ ДПО «Белгородский институт развития образования»

e-mail: arbuzowanatalya@yandex.ru

Адрес: 308007, г. Белгород, ул. Студенческая 14, кор. 4, Российская Федерация

Надежина И.В. – преподаватель кафедры оперативно-розыскной деятельности, ФГКОУВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина»

e-mail: lady.nadezhina2018@yandex.ru

Адрес: 308024, г. Белгород, ул. Горького, 71, Российская Федерация

Димитрюк А.И. – аспирант кафедры социологии и социальных технологий, ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

e-mail: alinadimitriuk@gmail.com

Адрес: 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Молдова

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Статья посвящена исследованию практик коммуникации и адаптации когнитивно одарённых детей поколения Альфа в условиях дополненной социальной реальности. Актуальность работы обусловлена стремительной цифровизацией общества и необходимостью осмысления новых форм адаптации детей с высокими когнитивными способностями, чьи коммуникативные стратегии формируются на стыке онлайн- и офлайн-взаимодействий. Несмотря на растущий интерес к цифровой трансформации, специфика адаптации когнитивно одарённых детей в дополненной социальной реальности остаётся малоизученной, что составляет научную проблему исследования.

Цель исследования: выявить особенности коммуникативных практик и адаптационных траекторий когнитивно одарённых детей в контексте дополненной социальной реальности, а также определить факторы, способствующие или препятствующие их успешной интеграции в гибридное социальное пространство. Методологическую основу составила теория дополненной социальной реальности, а эмпирическую базу дали материалы экспертных интервью с педагогами, психологами и специалистами по цифровой социализации из Белгородской и Московской областей (2025 г.). Обработка данных проводилась методом тематического анализа.

Результаты исследования выявили двойственное влияние дополненной социальной реальности на когнитивно одарённых детей: с одной стороны, цифровые платформы расширяют образовательные возможности и формируют альтернативные социальные круги, с другой стороны, провоцируют риски гиперспециализации интересов, цифровой перегрузки и эмоционального выгорания. Обнаружена региональная специфика: технологическое неравенство в Белгородской области и проблемы информационной перегрузки в Московской. Ключевыми барьерами адаптации стали алгоритмические «фильтрующие пузыри» и дефицит навыков офлайн-коммуникации.

Выводы работы подчёркивают необходимость разработки гибридных образовательных программ,

мер по снижению цифрового неравенства и создания инклюзивных сред, балансирующих онлайн- и офлайн-активности. Практическая значимость исследования заключается в предложении рамок для образовательной и социальной политики, направленных на поддержку когнитивно одаренных детей в условиях цифровой трансформации. Работа вносит вклад в развитие социологии детства и цифровых исследований, открывая перспективы для междисциплинарных исследований одаренности в эпоху дополненной социальной реальности.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: когнитивно одаренные дети; поколение Альфа; дополненная социальная реальность; цифровая социализация; коммуникативные практики; адаптационные стратегии; гибридное обучение; цифровое неравенство.

Современная эпоха цифровой трансформации радикально изменила ландшафт социализации подрастающего поколения, особенно когнитивно одаренных детей, чьи коммуникативные практики формируются на стыке онлайн- и офлайн-взаимодействий. Поколение Альфа, рожденное после 2010 г., с первых лет жизни погружено в цифровую среду, где дополненная социальная реальность становится неотъемлемой частью их повседневности [1].

Это явление, характеризующееся слиянием физического и виртуального пространств [2], создаёт уникальные условия для развития одаренности, но одновременно порождает новые вызовы, связанные с адаптацией, идентичностью и социальной интеграцией таких детей [3].

Актуальность исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, несмотря на все более растущий интерес к цифровой социализации несовершеннолетних [4], специфика коммуникации одаренных детей в условиях дополненной социальной реальности остаётся малоизученной. Во-вторых, существующие работы часто фокусируются либо на психологических аспектах одаренности [5], либо на технологических трендах [6], упуская из виду их социокультурное взаимодействие. В-третьих, управленческие решения в сфере образования и социальной политики [7] не всегда учитывают, как цифровые платформы трансформируют традиционные модели [8] поддержки одаренных детей, что приводит к дисбалансу между их потребностями и предлагаемыми ресурсами.

Научная проблема данного исследования заключается в отсутствии комплексного понимания того, как дополненная социальная реальность влияет на коммуникативные стратегии и адаптационные механизмы когнитивно одаренных детей, особенно в региональных контекстах, где доступ к технологиям и качеству их использования варьируется. Социальная проблема исследования проявляется в рисках маргинализации таких детей: с одной стороны, цифровые инструменты открывают им возможности для самореализации, с другой - алгоритмическая фильтрация контента и кластеризация онлайн-сообществ могут усугублять их изоляцию в офлайн-среде. Управленческая проблема этого исследования связана с несоответствием между динамикой технологических изменений и инерционностью образовательных систем, что требует новых подходов к проектированию инклюзивных сред.

Цель исследования: выявить особенности коммуникативных практик и адаптационных траекторий когнитивно одаренных детей поколения Альфа в условиях дополненной социальной реальности, а также путем экспертных оценок определить факторы, способствующие или препятствующие их успешной адаптации детей к гибридному социальному пространству.

Научная новизна работы заключается в следующем. Теоретически - в интеграции теории дополненной социальной реальности с социологией детства, что позволяет анализировать одаренность не как изолированный феномен, а как продукт взаимодействия цифровых и социальных структур. Методологически - в применении качественного анализа экспертных интервью для изучения региональной специфики (Белгородская и Московская области), что раскрывает вариативность адаптационных процессов.

Практически - в предложении рамок для демографической, образовательной и информационной политик, направленных на снижение цифрового неравенства и разработку персонализированных образовательных стратегий, учитывающих особенности дополненной социальной реальности.

Данное исследование носит поисковый характер и не только заполняет пробел в изучении когнитивной одарённости в контексте цифровой трансформации, но и предлагает инструменты для гармонизации взаимодействия между технологическими инновациями и социальными институтами, ответственными за поддержку таких детей. Последующие разделы статьи раскроют эмпирические данные, а также их интерпретацию через призму дополненной социальной реальности.

Методология исследования

В качестве методологического фундамента данной работы выступает теория дополненной социальной реальности (Д.В. Иванов) [9], интегрирующая цифровые и традиционные формы коммуникации людей в единое социальное пространство. Эта концепция позволяет анализировать, как когнитивно одарённые дети адаптируются к новой гибридной среде, где онлайн- и офлайн-взаимодействия переплетаются, формируя абсолютно новые паттерны поведения.

В данном исследовании ключевым аспектом методологии является рассмотрение социально-коммуникативных практик через призму их технологического дополнения. В отличие от классических подходов, акцентирующих либо психологические, либо сугубо технологические факторы, влияющие на коммуникации, данный ракурс подчёркивает именно взаимовлияние цифровых инструментов (соцсетей, электронных образовательных платформ, AR-приложений) и изменяющихся социальных норм.

Как отмечают теоретики в области социологии детства [10, 11], использование детьми интерактивных обучающих программ не просто расширяет их когнитивные возможности, но и трансформирует способы их интеграции в группы сверстников.

Применение теории дополненной социальной реальности (Д.В. Иванов) также раскрывает парадоксы современной социализации детей: с одной стороны, технологии стирают географические границы, облегчая поиск единомышленников (в частности, среди сверстников), с другой - усугубляют риски цифровой изоляции из-за алгоритмической фильтрации контента. Данная методология не только объясняет специфику коммуникации одарённых детей, но и предлагает инструменты для проектирования инклюзивных сред, где цифровые и социальные компоненты дополняют друг друга, а не конфликтуют между собой.

В основу данного исследования легли эмпирические материалы пилотного экспертного интервью, проведённого в 2025 г. среди 12 экспертов, представляющих профессиональное сообщество Белгородской и Московской областей. Пилотное исследование носило поисковый характер. Выбор качественной методологии обусловлен необходимостью глубокого анализа субъективных мнений специалистов, в настоящее время непосредственно работающих с когнитивно одарёнными детьми поколения Альфа в условиях цифровой трансформации социальных взаимодействий.

Отбор экспертов осуществлялся по критерию профессиональной релевантности, включая педагогов, психологов и специалистов по цифровой социализации, что в итоге позволило рассмотреть проблему через призму междисциплинарного подхода. Использование интервью обеспечило, с одной стороны, систематизацию данных вокруг ключевых тем (коммуникативных стратегий, барьеров адаптации и роли цифровых технологий), а с другой стороны, сохранило гибкость для выявления неочевидных аспектов, характерных для локального контекста исследуемых регионов.

Обработка и интерпретация данных проводилась методом тематического анализа с

акцентом на выявление повторяющихся паттернов и уникальных кейсов, которые были обнаружены в материалах интервью. Это позволило не только зафиксировать общие тенденции, такие как возрастающая зависимость социализации от образовательных платформ с элементами дополненной реальности, но и выделить региональную специфику.

Применение теории дополненной социальной реальности (Д.В. Иванов) при интерпретации результатов интервью экспертов дало возможность рассматривать эмпирические данные не как изолированные феномены, а как элементы динамической системы, где технологические инновации и социальные практики взаимно конструируют друг друга. Такой подход особенно важен для понимания того, как цифровые инструменты, первоначально воспринимавшиеся лишь как вспомогательные, трансформируют сами основы коммуникации когнитивно одарённых детей, создавая новые формы включённости и, одновременно, новые риски их маргинализации [12].

Ограничением исследования стал относительно небольшой объём выборки, однако её качественная насыщенность и разнообразие профессиональных позиций респондентов обеспечили достаточную глубину для формирования первичных теоретических обобщений, требующих дальнейшей верификации в рамках количественных исследований. Поисковый формат проведения интервью дает возможность поставить акценты на целесообразности изучения тематики, традиционно характерной для социологии детства.

Результаты и обсуждение

Проведённое социологическое исследование, основанное на материалах экспертных интервью, позволило выявить комплексную картину коммуникативных практик и адаптационных стратегий когнитивно одарённых детей поколения Альфа в условиях дополненной социальной реальности. Анализ данных интервью выявил ряд ключевых характеристик, отражающих как потенциал цифровых технологий в поддержке когнитивной одарённости, так и системные барьеры, с которыми сталкиваются дети, их родители и педагоги.

1. Цифровые платформы как инструмент адаптации и обучения когнитивно одарённых детей.

Большинство экспертов (9 из 12) отметили, что одарённые дети активно используют цифровые ресурсы для компенсации дефицита коммуникации в офлайн-среде. Как подчеркнули респонденты из Московской области, специализированные образовательные платформы с элементами дополненной реальности (например, интерактивные симуляторы или VR-лаборатории) не только расширяют их когнитивные возможности, но и постепенно формируют альтернативные социальные круги. «Дети, испытывающие трудности в традиционном классе из-за опережающего развития, относительно легко находят таких же, так называемых “своих“ в онлайн-группах, посвящённых серьёзным, сложным темам», — отметил педагог-психолог с 15-летним стажем.

Однако такая модель адаптации неоднозначна. По мнению экспертов из Белгородской области, чрезмерная ориентация на цифровые форматы может приводить к «гиперспециализации» интересов, сужая круг общения до узкопрофильных групп. Это, в свою очередь, ограничивает развитие социального интеллекта, необходимого для гибкого взаимодействия в современной поликонтекстной среде.

2. Региональная специфика доступа и использования технологий когнитивно одарёнными детьми.

Сравнительный анализ данных интервью выявил существенные различия между Белгородской и Московской областями. В Московском регионе, где доступ к высокотехнологичным ресурсам более обеспечен, когнитивно одарённые дети чаще вовлекаются в гибридные формы обучения (например, совмещение школьных уроков с онлайн-курсами МПТ). В Белгородской области, как отметили 4 эксперта, ключевой проблемой

остаётся цифровое неравенство. Например: «Даже талантливые дети из сельских школ сталкиваются с тем, что их потенциал остается вообще не раскрытым по совершенно банальной причине - отсутствию стабильного интернета», - пояснила учитель.

При этом в обоих регионах наблюдается парадоксальная ситуация: технологическая насыщенность среды не гарантирует успешной адаптации. Так, 7 экспертов указали на феномен «цифровой перегрузки», когда когнитивно одарённые дети, погружённые в многозадачность (одновременное участие в олимпиадах, онлайн-курсах и соцсетях), демонстрируют признаки эмоционального выгорания уже в своем возрасте.

3. Значимая роль социальных институтов (семьи, школы, сообществ по интересам).

Анализ интервью экспертов показал, что эффективность адаптации когнитивно одарённых детей в дополненной социальной реальности во многом зависит от согласованности действий ключевых институтов. Например, в семьях с высоким культурным капиталом цифровые практики детей чаще направляются в «конструктивное» русло - участие в научных событиях, создание бытовых условий для развития. В то же время, как отметили 5 экспертов, школы нередко сохраняют консервативный подход, игнорируя цифровые компетенции детей. Так: «Учителя воспринимают их увлечение программированием как какое-то непонятное хобби, даже как зависимость, а не как новую часть образовательного процесса», - констатировал IT-педагог.

Особого внимания заслуживает роль профессиональных сообществ (например, менторов из технопарков или цифровых добровольцев), которые, по данным исследования, становятся для части детей альтернативными агентами адаптации. «Эти дети очень часто чувствуют себя чужими среди сверстников, но, однако, они в буквальном смысле слова по-настоящему расцветают в общении с новыми наставниками, которые говорят с ними на одном языке», — поделилась наблюдением эксперт из сферы дополнительного образования для учителей.

4. Коммуникативные барьеры у когнитивно одаренных детей поколения Альфа в дополненной социальной реальности.

Несмотря на глобализацию цифровых технологий, дети поколения Альфа сталкиваются с новыми формами коммуникативных барьеров. Один из ключевых - «фильтрующие пузыри», создаваемые алгоритмами соцсетей. Эти системы формируют замкнутые информационные пространства, где когнитивно одаренный ребенок взаимодействует только с единомышленниками, при этом теряя способность к диалогу с теми, кто мыслит иначе.

Другой барьер - постепенно формируемая цифровая изоляция, усугубляемая сокращением живого общения. Виртуальная коммуникация часто заменяет личное взаимодействие, что ведёт к дефициту навыков персонального, устного речевого и невербального общения. Кроме того, развивающееся клиповое мышление, формируемое короткими контентом, в некоторой степени снижает способность детей к глубокому анализу и аргументированному диалогу. Все-таки, как отмечают эксперты, поколение Альфа в целом привыкает к мгновенному потреблению информации, что затрудняет восприятие сложных, многомерных точек зрения. Эти современные барьеры требуют осознанного преодоления, поскольку цифровая среда становится для детей основной площадкой для адаптации.

5. Стратегии преодоления коммуникативных барьеров.

Эксперты предлагают несколько эффективных стратегий для компенсации цифровых коммуникативных барьеров у когнитивно одаренных детей.

1. Самопрезентация через контент-креацию - создание условий, где дети объясняют наиболее сложные для возрастного восприятия концепты своим сверстникам. Это развивает не только предметные знания, но и навыки адаптации информации под разные

аудитории.

2. Геймификация коммуникации - использование игровых платформ (Minecraft, Roblox) для создания элементарных совместных проектов. Такие среды стимулируют командную работу, креативность и мягкие навыки, оставаясь при этом комфортными для поколения Альфа.

3. «Цифровые санации» - осознанные периоды отдыха от онлайн-среды, инициированные родителями и другими родственниками, учителями и воспитателями. Такие «разгрузочные» дни помогают детям восстановить когнитивные ресурсы и снизить зависимость от алгоритмизированного контента.

Анализ материалов экспертных интервью позволил определить направления совершенствования практик коммуникации и адаптации когнитивно несовершеннолетних изучаемой категории (таблица 1).

Предложенные направления основаны на анализе экспертных интервью и учитывают как технологические, так и социально-психологические аспекты адаптации одарённых

Таблица 1. Направления совершенствования практик коммуникации и адаптации когнитивно одарённых детей поколения Альфа в дополненной социальной реальности

Table 1. Directions for improving communication practices and adaptation of cognitively gifted Alpha generation children in augmented social reality

Направление Direction	Конкретные меры Specific measures	Ожидаемый эффект Expected effect
Развитие цифровой инфраструктуры Digital infrastructure development	1. Обеспечение равного доступа к высокоскоростному интернету и современным гаджетам в регионах. 2. Создание специализированных онлайн-платформ с элементами AR/VR для одарённых детей	Снижение цифрового неравенства, расширение возможностей для обучения и адаптации независимо от места проживания
Обновление образовательных программ Updating educational programs	1. Интеграция цифровых инструментов (геймификация, симуляторы) в школьные курсы. 2. Введение курсов по цифровой грамотности и медиабезопасности	Формирование гибких навыков, предотвращение цифровой перегрузки, повышение мотивации к школьному обучению
Поддержка родителей и педагогов Support for parents and teachers	1. Проведение тренингов по работе с цифровыми технологиями для родителей и учителей. 2. Создание методических рекомендаций по балансу онлайн/офлайн-активности	Усиление роли взрослых как навигаторов в цифровой среде, снижение рисков дезадаптации
Развитие инклюзивных сообществ Development of inclusive communities	1. Организация гибридных (онлайн + офлайн) клубов по интересам для когнитивно одарённых детей. 2. Поддержка менторских программ с участием профессионалов из цифровых отраслей	Преодоление изоляции, формирование социальных связей, ранняя профессиональная ориентация
Мониторинг и психологическая помощь Monitoring and psychological assistance	1. Внедрение систем раннего выявления перегрузки и эмоционального выгорания. 2. Развитие служб психологической поддержки	Своевременная помощь, сохранение психического здоровья, повышение устойчивости к стрессам
Алгоритмическая прозрачность Algorithmic transparency	1. Разработка этических стандартов для платформ, минимизирующих создание «фильтрующих пузырей». 2. Стимулирование создания разнообразного контента для когнитивно одарённых детей	Расширение кругозора, предотвращение информационной изоляции, развитие критического мышления

детей в условиях дополненной социальной реальности. Реализация этих мер требует междисциплинарного подхода и сотрудничества между образовательными учреждениями, социально-психологическими службами, учреждениями культуры, IT-компаниями и государственными органами управления.

Комплексная работа позволит минимизировать негативное влияние цифровых барьеров, сохраняя при этом преимущества глобальной сетевой коммуникации для детского развития. Ключевым аспектом работы учителей, воспитателей и родителей является установление баланса между онлайн- и офлайн-активностями, который помогает поколению Альфа развивать не только имеющуюся гибкость мышления, но и социальную адаптивность. А это особенно актуально для когнитивно одаренных детей, живущих в дополненной социальной реальности

Результаты проведенного экспертного интервью демонстрируют, что дополненная социальная реальность создаёт для когнитивно одарённых детей поколения Альфа одновременно и возможности, и риски. Согласно мнениям экспертов, к возможностям относятся: доступ к глобальным знаниям, альтернативные формы адаптации, персонализация обучения. К рискам - цифровое неравенство, интеллектуальная, физическая и психоэмоциональная перегрузка, алгоритмическая изоляция. И здесь ключевым фактором успешной адаптации становится не столько технологическая оснащённость, сколько способность институтов (семьи, школы, сообществ) гибко реагировать на меняющиеся потребности таких детей, интегрируя цифровые практики в систему поддержки без потери «человеческого» измерения.

Заключение

Исследование выявило ключевые особенности коммуникации и адаптации когнитивно одарённых детей поколения Альфа в условиях дополненной социальной реальности. Полученные экспертные данные свидетельствуют о двойственном влиянии цифровой среды на таких несовершеннолетних: с одной стороны, она расширяет образовательные возможности, с другой - создаёт новые риски детской социальной дезадаптации.

Основные выводы работы включают три аспекта. Во-первых, дополненная социальная реальность трансформирует саму природу когнитивной одарённости, делая её продуктом взаимодействия между интеллектуальными способностями, цифровыми ресурсами и оффлайн-средой. Во-вторых, в ходе анализа материалов интервью обнаружена значительная региональная специфика - от проблем цифровой перегрузки в Московской области до технологического неравенства в Белгородской. В-третьих, современные институты адаптации пока не готовы к полноценной поддержке таких детей в новой гибридной среде.

Практическая значимость исследования проявляется в трёх аспектах: для образования - необходимость разработки гибридных программ обучения; для семей - рекомендации по поддержанию медиабаланса и когнитивно-эмоциональной устойчивости; для органов управления - приоритеты региональной цифровой политики и развития когнитивно одаренных детей. Перспективными направлениями дальнейших исследований могут быть следующие: лонгитюдные исследования влияния дополненной социальной реальности на траектории взросления и переход к среднему подростковому возрасту; разработка диагностического инструментария компетенций педагогов по работе с когнитивно одаренными детьми.

Особого внимания требует этический аспект алгоритмизации образования, способной привести к социальной сегрегации когнитивно одарённых детей. Проведенное поисковое исследование открывает новые перспективы для междисциплинарного изучения когнитивной одарённости в цифровую эпоху, подчёркивая необходимость синтеза социологического, психологического и педагогического знания. Полученные

результаты свидетельствуют, что дополненная социальная реальность требует переосмысления традиционных подходов к работе с когнитивно одарёнными детьми в условиях технологической трансформации общества.

ЛИТЕРАТУРА

1. Иванов, Д.В. Дополненная современность: эффекты постглобализации и поствиртуализации / Д.В. Иванов // Социологические исследования. – 2020. – № 5. – С. 44–55. - Текст : непосредственный.
2. Иванов, Д.В. Новый подход к оценке социального развития / Д.В. Иванов // Социологические исследования. – 2021. – № 1. – С. 50–62. - Текст : непосредственный.
3. Mufazalov, T. Why do parents in the Republic of Tatarstan choose to send their gifted children to single-sex boarding schools? / T. Mufazalov, Ja. C. Bansell, Sh. Sheymardanov // Education and Self-Development. – 2025. – Vol. 20, No. 1. – P. 42-53. – DOI 10.26907/esd.20.1.04. - Text : direct.
4. Майорова-Щеглова, С.Н. Взросление детей с разным уровнем здоровья: социологический анализ событийности / С. Н. Майорова-Щеглова, О. В. Бессчетнова, А. Ю. Губанова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. – 2024. – Т. 24, № 4. – С. 992-1012. – DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-4-992-1012. - Текст : непосредственный.
5. Айтышова, Ж. Т. Особенности развития и проблемы одаренных детей / Ж.Т. Айтышова // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2024. – № 5-2(92). – С. 35-37. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-5-2-35-37. - Текст : непосредственный.
6. Филипова, А.Г. Образовательные видеоблоги: анализ количественных характеристик / А. Г. Филипова, В.Р. Малахова // Цифровое общество: социологическое измерение настоящего и будущего: сборник материалов конференции. – Москва: РОС, 2024. – С. 485-490. - Текст : непосредственный.
7. Ананченкова, П.И. Проблемы обеспечения качества образования в условиях современных социально-экономических вызовов / П.И. Ананченкова, О. А. Волкова, Е. М. Ефимова // Труд и социальные отношения. – 2021. – Т. 32, № 3. – С. 88-102. – DOI 10.20410/2073-7815-2021-32-3-88-103. Текст : непосредственный. - Текст : непосредственный.
8. Липай Т. П. Средства массовой информации в формировании ценностей и стигм у старшеклассников / Т. П. Липай, О.А. Волкова, О.А. Жиленкова // Социология образования. – 2015. – № 10. – С. 71-75. - Текст : непосредственный.
9. Иванов, Д. В. Третья интегративная волна в развитии социологии. Часть 2. Теории и методы для дополненной социальной реальности / Д.В. Иванов // Социологические исследования. – 2024. – № 7. – С. 23-36. - Текст : непосредственный.
10. Майорова-Щеглова, С. Н. К вопросу об инициативности, самостоятельности, активности детей в современной России / С. Н. Майорова-Щеглова, С. В. Тетерский // Социологические исследования. – 2025. – № 4. – С. 117-122. – DOI 10.31857/S0132162525040104. - Текст : непосредственный.
11. Филипова, А. Г. Образовательный видеоблогинг глазами школьников и педагогов: анализ эмпирических данных с использованием ПО MAXQDA / А. Г. Филипова, И. Н. Бухтиярова // Социология. – 2023. – № 5. – С. 71-77. - Текст : непосредственный.
12. Волкова, О.А. Проблемы профессиональной идентичности и маргинальности индивидов и социальных групп / О. А. Волкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2007. – № 3(21). – С. 45-48. EDN KCLHUJ. – Текст : непосредственный.

Получена: 30.06.2025 г.

Принята к публикации: 26.09.2025 г.

COMMUNICATION AND ADAPTATION PRACTICES FOR COGNITIVELY GIFTED ALPHA GENERATION CHILDREN IN AUGMENTED SOCIAL REALITY

© Nurbek A. Omuraliev, Natalia N. Arbuzova,
Inna V. Nadezhina, Alina I. Dimitryuk

Nurbek A. Omuraliev – Doctor of Sociology, Head of the Center for social research at the National Academy of Sciences of the Kyrgyz Republic

e-mail: nurbekcsr@mail.ru

Address: 265a Chui Avenue, Bishkek, 720071, Kyrgyz Republic

Natalia N. Arbuzova – acting vice-rector of Belgorod Institute of education development

e-mail: arbuzowanatalya@yandex.ru

Address: 308007, 14, Building 4, Studencheskaya Street, Belgorod, Russian Federation

Inna V. Nadezhina – Lecturer at the Department of operational investigative activities, Belgorod Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after I.D. Putilin

e-mail: lady.nadezhina2018@yandex.ru

Address: 308024, 71 Gorky Street, Belgorod, Russian Federation

Alina I. Dimitryuk – postgraduate student of the Department of sociology and social technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University

e-mail: alinadimitriuk@gmail.com

Address: 347250, 128 October St., Tiraspol, Moldova

14

ABSTRACT

Relevance. The article examines communication practices and adaptation strategies of cognitively gifted Alpha generation children in augmented social reality. The relevance of the study stems from rapid digitalization and the need to understand new adaptation forms for children with high cognitive abilities, whose communication strategies emerge at the intersection of online and offline interactions. Despite growing interest in digital transformation, the specifics of gifted children's adaptation in augmented social reality remain understudied, constituting the research problem.

Purpose is to identify features of communication practices and adaptation trajectories of cognitively gifted children in augmented social reality, while determining factors that facilitate or hinder their successful integration into hybrid social spaces. The methodological framework employs augmented social reality theory, with empirical data drawn from expert interviews with educators, psychologists, and digital socialization specialists from Belgorod and Moscow regions (2025). Thematic analysis was applied for data processing.

Results reveal dual effects of augmented social reality: digital platforms expand educational opportunities and create alternative social circles, yet simultaneously risk hyper-specialization of interests, digital overload, and emotional burnout. Regional disparities were identified – technological inequality in Belgorod versus information overload in Moscow. Key adaptation barriers include algorithmic "filter bubbles" and deficits in offline communication skills.

Conclusions emphasize the need for hybrid educational programs, measures to reduce digital inequality, and inclusive environments balancing online/offline activities. The study's practical significance lies in proposing frameworks for educational and social policies supporting gifted children amid digital transformation. This research contributes to childhood sociology and digital studies while opening avenues for interdisciplinary investigations of giftedness in the era of augmented social reality.

KEYWORDS: cognitively gifted children; Alpha generation; augmented social reality; digital socialization; communication practices; adaptation strategies; hybrid learning; digital inequality.

REFERENCES

1. Ivanov, D.V. Augmented Modernity: The Effects of Post-Globalization and Post-Virtualization / D.V. Ivanov // Sociological Research. – 2020. – No. 5. – Pp. 44–55. Text : direct.
2. Ivanov, D.V. A New Approach to Assessing Social Development / D.V. Ivanov // Sociological Research. – 2021. – No. 1. – Pp. 50–62. Text : direct.

3. Mufazalov T. Why do parents in the Republic of Tatarstan choose to send their gifted children to single-sex boarding schools? / T. Mufazalov, Ja. C. Bansell, Sh. Sheymardanov // Education and Self-Development. – 2025. – Vol. 20, No. 1. – P. 42-53. – DOI 10.26907/esd.20.1.04. Text : direct.
4. Mayorova-Shcheglova, S. N. Growing Up of Children with Different Health Levels: A Sociological Analysis of Events / S. N. Mayorova-Shcheglova, O. V. Besschetnova, and A. Yu. Gubanova // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Sociology. – 2024. – Vol. 24, No. 4. – Pp. 992-1012. – DOI 10.22363/2313-2272-2024-24-4-992-1012. Text: direct.
5. Aityshova, Zh. T. Features of Development and Problems of Gifted Children / Zh.T. Aityshova // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2024. – No. 5-2(92). – Pp. 35-37. – DOI 10.24412/2500-1000-2024-5-2-35-37.
6. Filipova, A. G. Malakhova V.R. Educational Vloggers: Analysis of Quantitative Characteristics / A. G. Filipova, V.R. Malakhova // Digital Society: Sociological Measurement of the Present and Future: Collection of Conference Materials. – Moscow: ROS, 2024. – Pp. 485-490. Text: direct.
7. Ananchenkova, P.I. Problems of Ensuring the Quality of Education in the Context of Modern Socio-Economic Challenges / P.I. Ananchenkova, O.A. Volkova, E.M. Efimova // Labor and Social Relations. – 2021. – Vol. 32, No. 3. – Pp. 88-102. – DOI 10.20410/2073-7815-2021-32-3-88-103. Text : direct. Text : direct.
8. Lipai T. P. Mass Media in the Formation of Values and Stigmas among High School Students / T. P. Lipai, O. A. Volkova, O. A. Zhilenkova // Sociological Studies.
9. Ivanov, D. V. The Third Integrative Wave in the Development of Sociology. Part 2. Theories and Methods for Augmented Social Reality / D. V. Ivanov // Sociological Research. – 2024. – No. 7. – Pp. 23-36.
10. Mayorova-Shcheglova, S. N. On the Initiative, Independence, and Activity of Children in Modern Russia / S. N. Mayorova-Shcheglova, S. V. Tetersky // Sociological Research. – 2025. – No. 4. – Pp. 117-122. – DOI 10.31857/S0132162525040104.
11. Filippova, A. G. Educational Vlogging through the Eyes of Schoolchildren and Teachers: Analysis of Empirical Data Using MAXQDA Software / A. G. Filippova, I. N. Bukhtiyarova // Sociology. – 2023. – No. 5. – Pp. 71-77. Text : direct.
12. Volkova, O. A. Problems of Professional Identity and Marginality of Individuals and Social Groups / O. A. Volkova // Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University. – 2007. – No. 3(21). – Pp. 45-48. EDN KCLHUJ. – Text: direct.

Received: 30.06.2025

Accepted: 26.09.2025

DOI: 10.21626/j-chr/2025-3(44)/2
УДК: 316.334

Социология

ОСОБЕННОСТИ СТРУКТУРНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК МЕЖЛИЧНОСТНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ «ВЫГОРАЮЩИХ» ВОЛОНТЕРОВ В УСЛОВИЯХ ЭКСТРЕМИЗАЦИИ ПРОФЕССИОНАЛЬНО- ОРИЕНТИРОВАННОЙ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

© А.Н. Оставная, Л.В. Тарасова, А.Д. Храпич

Оставная А.Н. – кандидат социологических наук, и.о. заведующего кафедрой социологии и социальных технологий, ГОУ «Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко»

e-mail: alaost@rambler.ru

Адрес: 3300, г. Тирасполь, ул. 25 Октября, 128, Приднестровская Молдавская Республика, Республика Молдова

Тарасова Л.В. – кандидат социологических наук, преподаватель кафедры обеспечения безопасности на объектах транспорта, ФГКОУВО «Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д.

Путилина»

e-mail: mila_vt@mail.ru

Адрес: 308024, Белгород, ул. Горького, 71, Российская Федерация

Храпич А.Д. – аспирант кафедры экономики и социологии здравоохранения, ФГБНУ «Национальный НИИ общественного здоровья имени Н.А. Семашко»

e-mail: ahrapich@mail.ru

Адрес: 105064, Москва, ул. Воронцово поле, д.12, строение 1, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Статья посвящена социологическому анализу трудовой деятельности мигрантов в городской транспортной системе на примере таксомоторного сектора. Научная проблема заключается в недостаточной изученности специфики занятости мигрантов-автоводителей в условиях сегментированного рынка труда, нередко сосредоточенных в относительно низкостатусных и менее социально защищённых сегментах, сталкиваясь с институциональными и культурными барьерами.

Цель исследования: проанализировать восприятие и оценку мигрантов-водителей представителями контролирующих органов, выявить ключевые трудности их адаптации и определить потенциал для формирования эффективных регуляторных и адаптационных практик.

Материалы и методы. В Эмпирическая база построена на пилотных глубинных интервью с сотрудниками ГИБДД Белгородской и Московской областей, непосредственно взаимодействующими с таксистами-мигрантами. Использование полуструктурированного формата позволило зафиксировать не только формализованные аспекты взаимодействия, но и нюансы повседневной профессиональной практики, не отражённые в официальной документации.

Результаты. Тематический анализ интервью выявил неоднородность мигрантской группы по уровню профессиональной компетентности, мотивации и адаптации, а также обозначил институциональные и языковые барьеры, препятствующие полноценному включению в транспортную систему города. Зафиксированы и позитивные примеры интеграции, связанные с высокой клиентской оценкой и выстраиванием доверительных отношений с контролирующими структурами.

Выводы. Анализ экспертных оценок позволил выявить их комплексный характер, сочетающей формальные и субъективные, критические и позитивные элементы. Практическая значимость работы

заключается в возможности использования результатов для совершенствования системы допуска к профессии, разработки профилактических программ языковой и профессиональной подготовки, формирования сбалансированных мер контроля и поддержки. Перспективы дальнейших исследований связаны с расширением выборки, включением в социологический анализ мнений пассажиров и работодателей, сравнением ситуации в разных регионах.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: мигранты, таксомоторный труд, городская транспортная система, адаптация, интеграция, экспертное интервью, социальная мобильность, регуляторная политика.

Актуальность исследования обусловлена устойчивым присутствием трудовых мигрантов на российском рынке труда [6], в том числе, в сфере таксомоторных перевозок, что придает данному сегменту городской транспортной системы особое социальное, экономическое и управленческое значение. В условиях роста спроса на услуги такси [11] и высокой текучести кадров именно мигранты [9, 14] становятся ключевым ресурсом поддержания ритма перевозок, одновременно вызывая необходимость комплексной оценки их компетентности [2], профессиональной и социальной адаптации [10, 15, 17]. Несмотря на значимость этой группы работников, в научном дискурсе до сих пор недостаточно изучены механизмы их включения в профессиональную среду, маргинальные проявления [5] специфика функционирования в условиях сегментированного рынка труда [3, 12], где сосуществуют формальные регламенты и неформальные практики [7, 16].

Научная проблема данного исследования заключается в выявлении траекторий адаптации мигрантов-водителей, а также в понимании того, каким образом институциональные, культурные и языковые барьеры влияют на их взаимодействие с принимающим обществом и регуляторными структурами. Социальная и управленческая проблема исследования состоит в поиске баланса между необходимостью контроля за деятельностью мигрантов и созданием позитивных условий для их эффективной адаптации, способствующей минимизации рисков и повышению качества предоставляемых транспортных услуг.

Научная новизна работы заключается в том, что исследование опирается на экспертные оценки сотрудников ГИБДД, непосредственно вовлечённых в контроль и взаимодействие с мигрантами-таксистами. Такой ракурс позволяет реконструировать картину трудовой занятости с точки зрения институциональных акторов, фиксируя не только формализованные аспекты, но и элементы повседневной практики, часто ускользающие от статистического и документального анализа. В результате формируется основа для выработки более взвешенных решений, объединяющих научный подход, социальную значимость и управленческую эффективность.

Методы и материалы

В методологическую основу исследования заложена теория сегментированного рынка труда [4, 8]. Она объясняет, почему мигранты часто сосредоточены в относительно низкостатусных, низкооплачиваемых и все-таки менее защищённых сегментах занятости (например, такси), при этом они зачастую сталкиваются с ограниченной мобильностью внутри профессии [1].

Эта теория позволяет анализировать влияние на мигрантов-таксистов комплекса формальных и неформальных правил, дискриминационных барьеров и структурных неравенств. Теория даёт возможность связать макроуровневые факторы (государственная политика, экономическая конъюнктура) с микроуровневыми практиками (индивидуальные стратегии мигрантов и работодателей таксопарков) [13, 18].

Эмпирическая база исследования сформирована на основе пилотного качественного интервьюирования сотрудников ГИБДД, чья профессиональная деятельность непосредственно связана с контролем таксомоторных перевозок и регистрацией нарушений в данной сфере. В выборку вошли 15 респондентов, работающих в подразделениях Белгородской и Московской областей, что позволило соотнести опыт регионального и

столичного уровней регулирования. Интервью проводились в 2024 году в очном формате, с использованием полуструктурированного гайда, включавшего блоки вопросов о специфике взаимодействия с таксистами-мигрантами, восприятии их профессиональной компетентности и оценке возникающих проблемных ситуаций.

Сбор данных предполагал гибкое варьирование формулировок вопросов, что обеспечивало более полное раскрытие индивидуальных наблюдений и профессиональных экспертных оценок участников. Применение пилотного формата было обусловлено необходимостью уточнения концептуальных рамок исследования и проверки релевантности выбранных индикаторов. В ходе работы особое внимание уделялось деталям служебной практики, не всегда фиксируемым в официальных документах, но значимым для понимания реальных механизмов адаптации мигрантов в городской транспортной системе. Полученные интервью транскрибировались и подвергались тематическому анализу, что позволило выявить устойчивые паттерны восприятия и типичные сценарии взаимодействия, служащие основой для последующего расширенного социологического исследования.

Результаты и обсуждение

Обобщение и интерпретация данных, полученных в ходе пилотного интервьюирования сотрудников ГИБДД, позволили реконструировать целостную картину восприятия и оценки таксомоторного труда мигрантов через призму профессионального опыта самих служащих и контролирующих органов.

Попытаемся структурировать ключевые результаты пилотного интервью с экспертами и отразить основные темы, выявленные в ходе проведенного социологического анализа (таблица 1).

Таблица 1. Ключевые результаты экспертных интервью о трудовой деятельности мигрантов в таксомоторной сфере

Table 1. Key results of expert interviews on the employment of migrants in the taxi industry

Тематический блок Thematic block	Содержание экспертных наблюдений The content of expert observations	Примеры из интервью Examples from interviews	Социологические интерпретации Sociological interpretations
Профессиональная компетентность Professional competence	Различия в уровне знания ПДД, навыках вождения и ориентации в городе; наличие как слабых, так и высококвалифицированных водителей	«Некоторые знают маршруты лучше местных, другие путаются даже в навигаторе»	Сегментированность группы по опыту работы
Мотивация и тип занятости Motivation and type of employment	Деление на временных и долгосрочных работников; связь мотивации с поведением на дороге и отношением к правилам	«Кто планирует остаться, стараются наладить контакт с пассажирами»	Различные траектории интеграции в профессию
Институциональные барьеры Institutional barriers	Сложности с получением разрешений, отсутствие поддержки со стороны работодателей	«Оформить все документы сложно, особенно новичкам»	Усиление зависимости от неформальных практик
Регуляторная политика Regulatory policy	Критика избыточной формальности, предложение учитывать реальный опыт	«Важно смотреть не на бумаги, а и на умение работать»	Необходимость реформирования системы допуска
Языковая компетенция Language competence	Недостаточное знание русского языка как источник конфликтов и недопонимания	«Спор из-за того, что водитель просто не понял»	Языковая интеграция как условие профессиональной
Позитивные примеры адаптации Positive examples of adaptation	Истории успешной адаптации и роста профессионального статуса	«Есть такие, что клиенты просят только их»	Потенциал для развития интеграционных программ

В исследовании уже на первом уровне анализа стало очевидно, что экспертные мнения формируются в сложном переплетении формальных регламентов и повседневных наблюдений, где личный опыт и институциональные предписания не всегда совпадают. Респонденты, сравнивая поведение мигрантов-водителей с практиками российских таксистов, отмечали как очевидные различия в стиле вождения и знании городского пространства, так и наличие общих черт, продиктованных требованиями самой профессии.

Важным аспектом, выявленным в материалах интервью, стала неоднородность самой группы мигрантов. Эксперты подчеркивали, что в их восприятии существует условное разделение между водителями, рассматривающими работу в такси как временную и вынужденную меру, и теми, для кого эта деятельность становится долгосрочной адаптационной стратегией трудовой занятости. Такая градация, по мнению экспертов, напрямую связана с уровнем социальной и профессиональной адаптации: первые, как правило, демонстрируют более низкую заинтересованность в соблюдении новых локальных норм (правил принимающей страны), тогда как вторые стремятся на микроуровне выстраивать отношения с пассажирами, работодателями и представителями надзорных структур.

Вместе с тем эксперты отмечали, что специфика мигрантской занятости в таксомоторной сфере тесно сопряжена с особенностями сегментированного рынка труда. Ограниченные возможности карьерного роста, отсутствие системной поддержки со стороны таксопарков и сложности в получении некоторых официальных разрешений формируют ситуацию, при которой значительная часть мигрантов вынуждена балансировать между легальными и полунегальными практиками. Эта двойственность, как отмечалось в интервью, создает дополнительные поводы для административного контроля и даже в некоторой степени усиливает предвзятое отношение к водителям-мигрантам со стороны части инспекторов.

Наряду с этим, в ответах экспертов прослеживалась и критическая рефлексия по поводу существующих регуляторных мер. Некоторые эксперты указывали на необходимость более гибкой системы допуска к работе в такси, которая учитывала бы реальный профессиональный опыт водителей в принимающей стране, а не только формальные документы. По их мнению, подобная корректировка могла бы снизить количество нарушений и повысить уровень доверия между мигрантами-автоводителями и контролирующими органами. В этом контексте подчеркивалась и важность именно языковой подготовки, поскольку недостаточный уровень владения русским языком становился одной из причин недопонимания и конфликтных ситуаций при общении с пассажирами и при проверках.

Интересным оказался и тот факт, что, несмотря на наличие специфических устойчивых стереотипов, значительная часть экспертов демонстрировала явную готовность рассматривать мигрантов не только как объект контроля, но и как полноправных участников городской транспортной системы. В их рассказах звучали примеры успешной адаптации, когда водители, прибывшие из других стран, со временем становились вполне востребованными специалистами, повышали свой рейтинг, завоевывали постоянную клиентуру и выстраивали позитивные отношения с представителями ГИБДД. Эти истории, по словам экспертов, служили аргументом в пользу того, что интеграционные процессы в таксомоторной отрасли имеют потенциал для развития при условии институционального сопровождения, адекватного современности и региональным особенностям городов. Приведем распределение оценок, которые дали опрошенные нами эксперты (таблица 2).

Обобщая ответы респондентов, можно отметить, что их позиции по ключевым вопросам (начиная от профессиональной компетентности мигрантов до оценки существующих регуляторных практик) формируются на стыке личных впечатлений,

Таблица 2. Сравнение экспертных оценок в Белгородской и Московской областях
Table 2. Comparison of expert assessments in the Belgorod and Moscow regions

Параметр Parameter	Белгородская область Belgorod region	Московская область Moscow region
Общий уровень адаптации мигрантов The general level of adaptation of migrants	Выше у тех, кто работает в регионе более года	Более широкий спектр адаптированности: от новичков до высококвалифицированных
Основные проблемы The main problems	Недостаток опыта работы в городских условиях, слабое знание ПДД РФ	Конкуренция, перегруженность дорожной сети
Взаимодействие с ГИБДД Interaction with the traffic police	Часто основано на личном опыте и репутации водителя	Более формализованное, акцент на проверке документов
Языковой барьер The language barrier	Выражен слабее, так как часть мигрантов работает длительное время в регионе	Выражен сильнее, особенно у новичков и сезонных работников
Позитивные примеры адаптации Positive examples of adaptation	Связаны с длительным пребыванием и тесным общением с местными жителями	Связаны с высокой клиентской оценкой и рекомендациями в сервисах заказа такси

накопленного опыта и системных ограничений профессиональных отраслей. При этом наблюдается определенное единодушие в признании значимости мигрантов для поддержания функционирования городской транспортной сети, особенно в условиях высокой текучести кадров и роста спроса на таксомоторные услуги в крупных городах. Вместе с тем сохраняются и противоречия, связанные с восприятием данной группы автоводителей как людей с повышенным риском нарушений, что требует дальнейшего изучения в рамках более масштабных социологических исследований.

Анализ результатов пилотного интервью показал, что экспертная оценка мигрантов в сфере таксомоторного труда имеет комплексный характер, сочетающий элементы критики, признания вклада и поиска оптимальных регуляторных решений. Перспективы интеграции мигрантов в городскую транспортную систему зависят не только от усилий самих водителей, но и от готовности институций к гибкому и взвешенному взаимодействию, ориентированному на баланс контроля и поддержки.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить ключевые особенности трудовой

деятельности мигрантов в таксомоторной сфере, отразившие взаимосвязь между структурными ограничениями сегментированного рынка труда и индивидуальными стратегиями адаптации водителей. Экспертные интервью показали, что восприятие мигрантов формируется на пересечении формальных регламентов, институциональных ожиданий и непосредственного профессионального опыта инспекторов ГИБДД. При всем разнообразии оценок прослеживается признание значимости этой группы работников для поддержания функционирования городской транспортной системы, особенно в условиях дефицита кадров и растущего спроса на услуги такси.

Практическая значимость работы заключается в том, что полученные данные могут быть использованы для корректировки регуляторных подходов, совершенствования системы допуска к профессии, внедрения программ профилактической языковой и профессиональной подготовки мигрантов. Учет выявленных факторов способен способствовать снижению числа нарушений, повышению уровня доверия между водителями, пассажирами и контролирующими органами, а также более гармоничному включению мигрантов-автоводителей в городское сообщество.

Направления дальнейших исследований видятся в расширении выборки и включении мнений самих мигрантов, пассажиров и работодателей, что позволит получить многоуровневое представление о динамике адаптационных процессов. Перспективным представляется и сравнительный анализ ситуации в разных регионах с учетом социально-экономических, культурных и инфраструктурных различий. Такой подход создаст более комплексную картину взаимодействия автоводителей-мигрантов и принимающего общества в пространстве городского транспорта, позволяя разрабатывать адресные меры поддержки и регулирования отрасли.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафшин, М.М. Формирование системы центров временного размещения мигрантов в транзитных регионах Европы / М.М. Агафшин, С.А. Горохов, Р.В. Дмитриев // География и природные ресурсы. – 2024. – Т. 45, № 4. – С. 158-167. – DOI 10.15372/GIPR20240416. Текст : непосредственный.
2. Ананченкова, П.И. Проблемы обеспечения качества образования в условиях современных социально-экономических вызовов / П.И. Ананченкова, О. А. Волкова, Е. М. Ефимова // Труд и социальные отношения. – 2021. – Т. 32, № 3. – С. 88-102. – DOI 10.20410/2073-7815-2021-32-3-88-103. Текст : непосредственный.
3. Что определяет миграционные намерения горожан: результаты опросов населения, проведенных в 10 регионах России в 2018-2023 гг. / М. О. Балабан, О. А. Родина, К. О. Чертенков, Е. А. Шарепина // Демографическое обозрение. – 2024. – Т. 11, № 4. – С. 136-167. – DOI 10.17323/demreview.v11i4.24294. Текст : непосредственный.
4. Бычкова, А.А. Оценка и прогнозирование пространственной миграции с учетом транспортной специфики / А.А. Бычкова // Ars Administrandi (Искусство управления). – 2024. – Т. 16, № 3. – С. 498-512. – DOI 10.17072/2218-9173-2024-3-498-512. Текст : непосредственный.
5. Волкова, О.А. Проблемы профессиональной идентичности и маргинальности индивидов и социальных групп / О. А. Волкова // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2007. № 3(21). С. 45-48. Текст : непосредственный.
6. Интеграционные процессы в Евразийском экономическом союзе: социально-демографические аспекты. К 10-летию ЕАЭС / Г.И. Осадчая, М.Л. Вартанова, О.А. Волкова [и др.]. – М.: ФНИСЦ РАН, 2025. – 383 с. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024. Текст : непосредственный.

7. Лялина, А.В. Миграционная типология прибрежных эксклавов мира / А.В. Лялина, А.П. Плотникова // Балтийский регион. – 2024. – Т. 16, № 4. – С. 161-185. – DOI 10.5922/2079-8555-2024-4-8. Текст : непосредственный.
8. Мухаметов, Р.С. Влияние институциональной среды на процессы международной трудовой миграции в регионы Российской Федерации / Р.С. Мухаметов // Регионология. – 2025. – Т. 33, № 2(131). – С. 257-270. – DOI 10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270. Текст : непосредственный.
9. Непочатых, Е.П. Практика социальной работы с мигрантами в условиях современного региона / Е.П. Непочатых, А.С. Завелицкая // Технологии социальной работы в различных сферах жизнедеятельности : Материалы IX Международной научно-практической конференции. – Махачкала: ДФИЦ РАН, 2024. – С. 194-197. – DOI 10.26159/tsr24.2024.9.1.041. – Текст : непосредственный.
10. Babkin, R.A. Review of Russian Approaches to Assessing Commuting Labor Migration / R. A. Babkin // Regional Research of Russia. – 2024. – Vol. 14, No. 2. – P. 160-169. – DOI 10.1134/S2079970524600057. Text : electronic.
11. Doeringer, P. B., Piore, M. J. Internal labor markets and manpower analysis. – Lexington, MA: Heath Lexington Books, 1971. – 218 p. – Text: direct.
12. Gicquel, L., Ordonneau P., Blot E., Toillon C., Ingrand P., Romo L. Description of various factors contributing to traffic accidents in youth and measures proposed to alleviate recurrence. *Frontiers in Psychiatry*. 2017. Vol. 8. P. 94-104. DOI: 10.3389/fpsyt.2017.00094. Text : electronic.
13. Gomes-Franco, K., Rivera-Izquierdo M., Martín-delos-Reyes L.M., Jiménez-Mejías E., Martínez-Ruiz V. Explaining the association between driver's age and the risk of causing a road crash through mediation analysis. *Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17 (23). P. 9041-9054. DOI: 10.3390/ijerph17239041. Text : electronic.
14. Legal factors influencing social integration of labour migrants from Central Asia / U. Askarov, M. Sultanova, E. Akbar Kyzy [et al.] // *Social Legal Studios*. – 2024. – Vol. 7, No. 3. – P. 44-54. – DOI 10.32518/sals3.2024.44. Text : electronic.
15. Migrant Social Integration: Key Obstacles and Pathways to Effective Adaptation / O. Biletskyi, R. Velykyi, V. Hrytsaniuk [et al.] // *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*. – 2025. – No. 88. – P. 38-54. – DOI 10.33788/rcis.88.3. Text : electronic.
16. Migration-related intentions of secondary school graduates. The example of youth from the cities of the Świętokrzyskie Voivodeship / W. Kamińska, I. Kiniorska, P. Brambert [et al.] // *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*. – 2025. – No. 67. – P. 23-39. – DOI 10.12775/bgss-2025-0002. Text : electronic.
17. Srujana, B. Unpacking New Forms of Labour Market Segmentation: Gender and Informality in Urban India. *Forum for Development Studies*, 2025. P. 1–27. <https://doi.org/10.1080/08039410.2025.2504501>. Text : electronic.
18. The Impact of the Integration of International Immigrants on the Cost of Labor in the Labor Market / V. Ismayilov, A. Valiyev, S. Khanlarzadeh, G. Jafarova // *Journal of Lifestyle and SDGs Review*. – 2025. – Vol. 5, No. 2. – P. e03869. – DOI 10.47172/2965-730x.sdgreview.v5.n02.pe03869. Text : electronic.

Получена: 21.07.2025 г.

Принята к публикации: 26.09.2025 г.

MIGRANTS IN THE URBAN TRANSPORT SYSTEM: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF TAXI LABOR

© Alla N. Ostavnaia, Lyudmila V. Tarasova, Anton D. Khrapich

Alla N. Ostavnaia – candidate of Sociological sciences, Acting Head of the Department of sociology and social technologies, Shevchenko Pridnestrovian State University

e-mail: alaost@rambler.ru

Address: 347250, 128 October St., Tiraspol, Moldova

Lyudmila V. Tarasova – candidate of Sociological sciences, lecturer of the Department of safety at transport facilities, Belgorod law Institute

e-mail: mila_vt@mail.ru

Address: 308024, 71 Gorky Street, Belgorod, Russian Federation

Anton D. Khrapich – postgraduate student at the Department of economics and sociology of health, N.A. Semashko National research institute of public health

e-mail: ahrapich@mail.ru

Address: 105064, 12-1 Vorontsovo Pole str., Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The article is devoted to the sociological analysis of migrant labor in the urban transport system, using the taxicab sector as a case study. The scientific problem lies in the insufficient study of the specifics of migrant drivers' employment in the context of a segmented labor market, where they are often concentrated in relatively low-status and less socially protected segments, facing institutional and cultural barriers. The purpose of the study is to analyze the perception and evaluation of migrant drivers by representatives of regulatory bodies, to identify the key challenges of their adaptation, and to determine the potential for developing effective regulatory and adaptive practices.

Materials and Methods. The empirical basis of the study is built on pilot in-depth interviews with officers of the State Traffic Safety Inspectorate (GIBDD) in the Belgorod and Moscow regions, who directly interact with migrant taxi drivers. The use of a semi-structured interview format made it possible to capture not only the formalized aspects of interaction but also the nuances of everyday professional practice that are not reflected in official documentation.

Results. The thematic analysis of interviews revealed the heterogeneity of the migrant group in terms of professional competence, motivation, and adaptation, as well as identified institutional and language barriers hindering their full integration into the city's transport system. Positive examples of integration were also recorded, associated with high customer ratings and the establishment of trust-based relationships with regulatory authorities.

Conclusion. The analysis of expert evaluations revealed their complex nature, combining formal and subjective, critical and positive elements. The practical significance of the study lies in the possibility of using its results to improve the system of professional access, to develop preventive programs for language and professional training, and to establish balanced measures of control and support. Prospects for further research include expanding the sample, incorporating passengers' and employers' opinions into the sociological analysis, and comparing the situation across different regions.

KEYWORDS: migrants, taxicab labor, urban transport system, adaptation, integration, expert interview, State Traffic Safety Inspectorate, social mobility, regulatory policy.

REFERENCES

1. Agafoshin, M.M. Formation of a System of Temporary Accommodation Centers for Migrants in the Transit Regions of Europe / M.M. Agafoshin, S.A. Gorokhov, and R.V. Dmitriev // Geography and Natural Resources. – 2024. – Vol. 45 (4). – pp. 158-167. – DOI 10.15372/GIPR20240416. Text : direct. (In Russ.).
2. Ananchenkova, P.I. Problems of Ensuring the Quality of Education in the Context of Modern Socio-Economic Challenges / P. I. Ananchenkova, O.A. Volkova, E. M. Efimova // Labor and Social Relations. – 2021. – Vol. 32, No. 3. – pp. 88-102. – DOI 10.20410/2073-7815-2021-32-3-88-103. Text : direct. (In Russ.).
3. What Determines the Migration Intentions of Urban Residents: Results of Population Surveys Conducted in 10 Russian Regions in 2018-2023 / M. O. Balaban, O. A. Rodina, K. O. Chertenkov, and E. A. Sharepina // Demographic Review. – 2024. – Vol. 11 (4). – pp. 136-167. – DOI 10.17323/demreview.v11i4.24294. Text : direct. (In Russ.).

4. Bychkova, A.A. Assessment and Forecasting of Spatial Migration Taking into Account Transport Specific Features / A.A. Bychkova // *Ars Administrandi*. – 2024. – Vol. 16 (3). – pp. 498-512. – DOI 10.17072/2218-9173-2024-3-498-512. Text : direct. (In Russ.).
5. Volkova, O.A. Problems of professional identity and marginality of individuals and social groups / O.A. Volkova // *Izvestiya of the Volgograd State Pedagogical University*. 2007. Vol. 3(21). pp. 45-48. – Text : direct. (In Russ.).
6. Integration Processes in the Eurasian Economic Union: Socio-Demographic Aspects. On the 10th Anniversary of the EAEU / G.I. Osadchaya, M.L. Vartanova, O.A. Volkova [et al.]. – Moscow: FNISTS RAS, 2025. – 383 p. DOI 10.19181/monogr.978-5-89697-440-6.2024. Text : direct. (In Russ.).
7. Lyalina, A.V. Migration Typology of the World's Coastal Exclaves / A.V. Lyalina, A.P. Plotnikova // *Baltic Region*. – 2024. – Vol. 16 (4). – pp. 161-185. – DOI 10.5922/2079-8555-2024-4-8. Text : direct. (In Russ.).
8. Mukhametov, R.S. The Influence of the Institutional Environment on the Processes of International Labor Migration to the Regions of the Russian Federation / R.S. Mukhametov // *Regionology*. – 2025. – Vol. 33 (2-131). – pp. 257-270. – DOI 10.15507/2413-1407.129.033.202502.257-270. Text : direct. (In Russ.).
9. Nepochatykh, E. P. The Practice of Social Work with Migrants in the Modern Region / E. P. Nepochatykh, A. S. Zavelitskaya // *Technologies of Social Work in Various Spheres of Life: Materials of the IX International Scientific and Practical Conference*. – Makhachkala: DFIZ RAS, 2024. – pp. 194-197. – DOI 10.26159/tsr24.2024.9.1.041. – Text: direct
10. Babkin, R.A. Review of Russian Approaches to Assessing Commuting Labor Migration / R. A. Babkin // *Regional Research of Russia*. – 2024. – Vol. 14, No. 2. – pp. 160-169. – DOI 10.1134/S2079970524600057. Text : electronic.
11. Doeringer, P. B., Piore, M. J. Internal labor markets and manpower analysis. – Lexington, MA: Heath Lexington Books, 1971. – 218 p. – Text: direct.
12. Gicquel, L., Ordonneau P., Blot E., Toillon C., Ingrand P., Romo L. Description of various factors contributing to traffic accidents in youth and measures proposed to alleviate recurrence. *Frontiers in Psychiatry*. 2017. Vol. 8. pp. 94-104. DOI: 10.3389/fpsy.2017.00094. Text : electronic.
13. Gomes-Franco, K., Rivera-Izquierdo M., Martín-delos-Reyes L.M., Jiménez-Mejías E., Martínez-Ruiz V. Explaining the association between driver's age and the risk of causing a road crash through mediation analysis. *Journal of Environmental Research and Public Health*. 2020. Vol. 17 (23). pp. 9041-9054. DOI: 10.3390/ijerph17239041. Text : electronic.
14. Legal factors influencing social integration of labour migrants from Central Asia / U. Askarov, M. Sultanova, E. Akbar Kyzy [et al.] // *Social Legal Studios*. – 2024. – Vol. 7 (3). – pp. 44-54. – DOI 10.32518/sals3.2024.44. Text : electronic.
15. Migrant Social Integration: Key Obstacles and Pathways to Effective Adaptation / O. Biletskyi, R. Velykyi, V. Hrytsaniuk [et al.] // *Revista de Cercetare si Interventie Sociala*. – 2025. – Vol. 88. – pp. 38-54. – DOI 10.33788/rcis.88.3. Text : electronic.
16. Migration-related intentions of secondary school graduates. The example of youth from the cities of the Świętokrzyskie Voivodeship / W. Kamińska, I. Kiniorska, P. Brambert [et al.] // *Bulletin of Geography. Socio-Economic Series*. – 2025. – Vol. 67. – pp. 23-39. – DOI 10.12775/bgss-2025-0002. Text : electronic.
17. Srujana, B. Unpacking New Forms of Labour Market Segmentation: Gender and Informality in Urban India. *Forum for Development Studies*, 2025. pp. 1–27. <https://doi.org/10.1080/08039410.2025.2504501>. Text : electronic.
18. The Impact of the Integration of International Immigrants on the Cost of Labor in the Labor Market / V. Ismayilov, A. Valiyev, S. Khanlarzadeh, G. Jafarova // *Journal of Lifestyle and SDGs Review*. – 2025. – Vol. 5 (2). – pp. e03869. – DOI 10.47172/2965-730x.sdgsreview.v5.n02.pe03869. Text : electronic.

Received: 21.07.2025

Accepted: 26.09.2025

DOI: 10.21626/j-chr/2025-3(44)/3
УДК: 316.3: 316.356.2

Социология

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЕ ОСНОВАНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ИДЕОЛОГЕМЫ СЕМЬИ В ИНФОРМАЦИОННО- КОММУНИКАЦИОННОЙ СРЕДЕ

© Е.М. Орлова, Ю.П. Снедкова, М.В. Ковалёва

25

Орлова Е.М. – кандидат философских наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и права, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»

e-mail: family.orlova@yandex.ru

Снедкова Ю.П. – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного муниципального управления и права, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»

Ковалёва М.В. – кандидат философских наук, доцент, кафедра философии, социально-правовых и естественнонаучных дисциплин, ГОАУ ВО Курской области «Курская академия государственной и муниципальной службы»

Адрес: 305044, Курск, ул. Станционная, 9, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Под влиянием масс-медиа в информационную модель мира был вписан новый образ семьи. Главная цель масс-медиа – это конструирование социальной реальности, которая, на наш взгляд, является доминирующей. Масс-медиа вынуждены порождать известную информацию, чтобы иметь возможность время от времени так разнообразить ее, чтобы включившийся в систему коммуникаций индивид мог принять новую информацию.

Цель исследования – выявить основания формирования идеологии семьи в масс-медиа

Материалы и методы. В рамках исследования использовались методы теоретического анализа работ зарубежных и отечественных исследователей по вопросам, связанным с идеологией семьи, ценностные установки, а также применялись общенаучные методы: индукция и дедукция и системный подход, которые позволили сформулировать структурное понимание идеологии семьи в масс-медиа.

Выводы. Требуется серьезная и продуманная работа масс-медиа по целенаправленному формированию имиджа семьи для молодежной аудитории. Имидж, сформированный масс-медиа, во многом определяет позицию, которую занимает общество по отношению к тому или иному типу семьи, той или иной функции семьи. Выбирая газету или журнал, радио или телевизионную передачу, посещая интернет-страничку определенной социальной направленности, молодой человек нередко потенциально готов согласиться с той точкой зрения о функциональном назначении семьи, которая будет предложена средствами масс-медиа или социальных медиа.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: идеология семьи; масс-медиа; культивирование; информационно-коммуникационная среда; культивация.

Под влиянием масс-медиа в информационную модель мира был вписан новый образ семьи – гибкий, инклюзивный, либеральный. Главная цель масс-медиа – это конструирование социальной реальности, которая, на наш взгляд, является доминирующей – реальность индивидуализированного, потребительски ориентированного и медиатизированного общества, где ценности самореализации, личного выбора и визуальной репрезентации превалируют над коллективными, традиционными или институциональными нормами. В этом контексте мы рассматриваем медиа-конструируемую реальность посттрадиционного общества как доминирующую социальную реальность, где семья становится проекцией личных предпочтений, трендов и может приобретать нестабильность, как следствие подверженности потребления. Неслучайно Н. Луман пишет, что цель функционирования масс-медиа в обществе состоит в непрерывном порождении и переработке социальной информации, а не в умножении познания, социализации или прививании нормативного конформизма [8]. Именно благодаря этому и существует общество. В первую очередь, масс-медиа вынуждены порождать известную информацию, чтобы иметь возможность время от времени так разнообразить ее, чтобы включившийся в систему коммуникаций индивид мог принять новую информацию. Масс-медиа не просто является каналом, посредством которого меняются культурные приоритеты и задаются новые образы, а они являются медиумом, в котором существуют эти образы [4, 18].

Материалы и методы. В рамках исследования использовались методы теоретического анализа работ зарубежных и отечественных исследователей по вопросам, связанным с идеологемой семьи, ценностные установки, а также применялись общенаучные методы: индукция и дедукция и системный подход, которые позволили сформулировать структурное понимание идеологемы семьи в масс-медиа.

На наш взгляд, проникнуть в сущность проблемы масс-медийного образа семьи можно отталкиваясь от теории культивирования (или гипотезы культивации) [19], которая исследует то, как экстенсивное, многократное воздействие масс-медиа (в первую очередь телевидения) на протяжении продолжительного времени постепенно меняет наше представление о мире и социальной реальности [20]. Культивация представляет собой непрерывный, динамический процесс взаимодействия между медийными сообщениями и жизненными обстоятельствами. В этом процессе зритель занимает активную позицию, вступая во взаимодействие со средствами массовой информации, а не просто подвергаясь их влиянию [9, 23]. Однако взгляды аудитории и медиapersпектива могут расходиться, в результате чего восприятие реальности зрителем постепенно начинает соответствовать медийной картине мира. Важнейшим положением теории культивации является идея унификации – стремление направить разнообразные представления людей о социальной действительности в общее русло. Этот процесс унификации реализуется через механизм конструирования: зрители формируют свои представления о реальности, опираясь на образы, транслируемые в телевизионных программах. Когда медийная реальность совпадает с личным жизненным опытом, возникает эффект резонанса, что усиливает влияние культивации. В современном обществе люди все чаще ориентируются на модели поведения, демонстрируемые масс-медиа. Особенно это касается принятия семейных и брачных установок, которые подаются как социально одобряемые.

Исследователи отмечают, что восприятие мира у активных телезрителей во многом совпадает с образом, транслируемым телевидением. Те, кто регулярно смотрит программы с насильственным содержанием, склонны воспринимать окружающую действительность как более опасную и жестокую – испытывают так называемый «синдром злого мира» [21]. Напротив, среди зрителей, которые обращаются к телевидению редко, сохраняется большее разнообразие мнений. Это указывает на то, что частый просмотр телепередач ведет к сглаживанию различий в восприятии – к усреднению взглядов. Процесс уни-

фикации способствует возвращению крайних позиций к общему знаменателю. Часто ролевыми моделями становятся медийные личности – известные актеры, певцы, телеведущие, режиссеры, спортсмены, регулярно присутствующие в информационном поле. Их образ жизни, особенно семейные отношения, демонстрируемые через масс-медиа, становятся эталоном для многих. Однако при этом средства массовой информации нередко представляют личную жизнь уважаемых публичных фигур в коммерческом ключе – как совокупность стратегий и приемов достижения успеха и материального благополучия. В этом контексте брак и семейные отношения выглядят скорее как средство саморекламы и инструмент самоутверждения в прагматичной и циничной эпохе.

Существуют методологические и теоретические проблемы в отношении конкретных проявлений процесса культивирования [11-16]. Например, масс-медиа демонстрируют ролевые модели семейного поведения, которые наблюдаются и имитируются аудиторией. Но масс-медиа передают как реальный, так и желаемый образ семьи. Чтобы снять эту проблему, ряд специалистов по-новому интерпретируют теорию культивирования, согласуя ее с тем, что зритель сознательно использует масс-медиа, чтобы удовлетворить свои потребности. Например, А.М. Рубин [25, 26] и Е.М. Пёрс [24] делают акцент на активную ментальную деятельность зрителя при просмотре телепередач. Отметим, что именно в теории культивирования информационный аспект получил свое максимальное выражение. Хотя какое бы культивирование в действительности ни имело место, в основе его будет лежать активная обработка информации зрителем и конструирование им реальности. В настоящее время современное общество переживает кризис социальной идентичности. Люди не прикрепляются намертво к определенным культурным образцам и традициям, а свободно меняют их, подобно маскам, в зависимости от конкретной ситуации. В результате весь процесс, в целом, приобретает стихийный, непредсказуемый характер.

Таким образом, актуальной задачей становится создание эффективного механизма применения потенциала средств массовой информации в сфере семейной политики. Требуется формирование устойчивой системы семейных ценностей, определение приемлемых моделей семейного поведения, а также решение вопросов, связанных с социальной идентификацией семьи и процессом социализации детей и подростков. В этом контекст масс-медиа способны сыграть важную роль, формируя в общественном сознании представления об оптимальных образцах семейной жизни.

Сегодняшние масс-медиа только формируют имидж семьи (как правило, отрицательный) [1], в определенной мере меняют стереотипы, но еще не затронули архетип семьи. Хотя начинают очень активно его использовать в рекламной продукции. Поэтому на государственном уровне необходимо задуматься об информационной поддержке семейной политики и приступить к формированию идеологемы семьи [17]. Идеологема – это идейная установка, совокупность идей относительно какого-то явления социальной жизни, призывающих к конкретному действию, образу жизни и мышления, транслируемая индивиду посредством масс-медиа. Она используется в тех случаях, когда явления или события жизни человека не укладываются в рамки формально-логического и абстрактного изображения.

Идеологема всегда маркирована, то есть эмоционально окрашена. Целенаправленное использование идеологем является действенным средством управления массовым сознанием – идеологема легко запоминается и создает иллюзию понимания. Идеологемы транслируются различным образом: в литературе – через женские романы, в телепродукции – через сериалы и рекламные ролики, в живописи – через семейные портреты. Но в современных идеологемах, транслируемых в системе масс-медиа, семья выглядит несколько по-иному. Поэтому важно установить, во что в итоге трансфор-

мируется интерес к семейным ценностям в масс-медийной продукции. В связи с этим исследование формирования идеологемы семьи в информационно-коммуникационной среде приобретает актуальное значение.

Россия находится на стадии формирования национальных духовно-нравственных ценностей. В этих условиях семейные ценности нуждаются в серьезной поддержке государства и общественности. Решение глобальных проблем семьи как социального института должно корениться в реализации государственной семейной политики, стратегической целью которой должно стать укрепление семьи как социального института. Данная цель, более полно, выражается в упрочении семейного образа жизни и требует переориентации всей социальной жизнедеятельности от интересов индивидов-одиночек к интересам людей, живущих в семье. Деятельность государства должна быть тесно скоординирована в рамках согласованной и общепринятой стратегии государственной семейной политики. Одним из ключевых элементов социальной деятельности с семьей представляется формирование модели семьи, отвечающей экономическим и политическим реалиям [3, 6, 10]. Воздействие на модель семьи предполагает согласованное взаимодействие законодательных и исполнительных органов власти, гражданского общества и широкой общественности.

Результаты и их обсуждение

Семейная политика как важнейшее условие разрешения острейшего кризиса семьи имеет несколько уровней реализации. Мы признаем достаточно хорошую проработку федерального компонента данного направления социальной политики Российской Федерации. Однако, учитывая пространственную протяженность нашей страны и традиции ее управления, необходимо учитывать, что важнейшим инструментом реализации государственной семейной политики является семейная политика на уровне региона. Без осуществления практической деятельности по социально-правовому и экономическому регулированию деятельности современной семьи невозможно осуществление общегосударственной концепции семейной политики. Но понимание необходимости поддержания семьи как объекта социальной защиты в условиях системного кризиса семейных отношений наталкивается на ряд препятствий именно на уровне региона.

Становление региональной семейной политики как самостоятельного направления государственной деятельности только начинается. Она не сложилась еще в стройную систему и представляет собой иногда разрозненные технологии и методы поддержки и защиты семьи. Крайне важно в процессе становления региональной семейной политики учесть достижения как нашей страны, так и тех государств, где успешно функционируют методики защиты и поддержки семьи. К последним может относиться методы анализа социально-демографических процессов, мониторинг эффективности социально ориентированных программ и проектов и так далее.

В зависимости от фокуса семейной политики и степени ответственности, принимаемой государством за семейное благополучие, Л. Хантрайз и Л.Ф. Хардинг [22] выделяют три типа семейной политики: имплицитный, негативный и эксплицитный. Имплицитная семейная политика принимает во внимание проблемы семьи, но при этом отдельная сфера семейной политики не создается. Предпринимаемые меры довольно избирательны. Негативная политика отвергает вмешательство в дела семьи, поэтому обосновывает отсутствие семейной политики, в то же время предпринимаются действия, которые в значительной степени влияют на семью. Явная (эксплицитная) семейная политика представляет собой отдельное направление в структуре социальной политики, включающее конкретные меры, непосредственно ориентированные на поддержку семьи и сфокусированные на обеспечении социальной защиты при решении различных семейных проблем, основываясь на принципе перераспределения ресурсов, эта политика харак-

теризуется высоким уровнем социального и политического контроля над положением семьи. Именно такой подход к реализации семейной политики наиболее актуален для современных региональных сообществ.

Тип семейной политики формируется на основе согласования идеологических и концептуальных установок, которыми государство руководствуется при выстраивании взаимоотношений с семьей, и тех практических шагов, которые предпринимают участники социальной политики для обеспечения эффективного функционирования семейных институтов. Основной задачей государства является разработка идеологии семейной политики, опирающейся на разумные и гуманистические принципы, учитывающие исторические, национальные и культурные особенности страны.

При разработке рекомендаций по совершенствованию семейной политики в Российской Федерации целесообразно учитывать зарубежный опыт, где трансформации семейной структуры за последние десятилетия сопровождались соответствующими изменениями в подходах к семейной политике. В западных странах, особенно в европейских социальных государствах, степень и форма государственного вмешательства в семейные вопросы различаются, как и цели такого вмешательства. Общей тенденцией стала ориентация на более индивидуализированное понимание семьи и ограничение задач семейной политики преимущественно прагматическими целями. На этом фоне российская модель семейной политики, в том виде, в каком она формируется сегодня, представляет собой более масштабное и инновационное социальное явление с широким спектром задач и подходов.

В последние годы прослеживается тенденция выделения семейной политики в качестве относительно самостоятельного направления социальной политики, имеющего свою идеологию, структуры управления, основные формы, механизмы реализации, законодательную, кадровую, научную и информационную основы. Таким образом, семейная политика – всестороннее решение задач укрепления семьи, сохранения и продолжения семейных ценностей, обеспечения ее разнообразных интересов в процессе общественного развития. При этом семейная политика включает два направления: 1) формирование и развитие внутреннего потенциала семьи; 2) защиту тех семей, члены которых не могут самостоятельно обеспечивать свое социальное благополучие.

В рамках первого направления государственной семейной политики центральной задачей является выявление закономерностей формирования и изменения семейных ценностей, ориентация личности на брак и семью, образ родителей у детей (А.И. Антонов, С.И. Сорокин [2]). Поэтому именно масс-медиа должны систематически освещать вопросы, связанные с формированием и закреплением в общественном сознании семейных ценностей. При этом необходимо для скорейшего осознания всеми гражданами проблемы кризиса института семьи не только качественно информировать, но и интерпретировать, и разъяснять информацию, касающуюся демографической проблемы, взаимоотношений в семье. Для наиболее полного выполнения функций журналистики в данном процессе нужно создавать площадку для открытого диалога государства и общества. И основная задача лежит на плечах масс-медиа, поскольку только конструктивное сотрудничество власти, масс-медиа и гражданского общества обеспечит лучший результат.

В современный период развития российского общества успешная реализация государственной семейной политики все больше зависит от такого субъективного фактора, как идеологема семьи. Важно акцентировать внимание общественного мнения на проблемах семьи и на поиске путей изменения этих тенденций при активном участии мощного идеологического потенциала современных масс-медиа, включая социальные. Достижение идентичности массового стереотипа семьи и ее медийного имиджа позволяет формировать конструктивно настроенное общественное мнение. Для этого требуется

теоретическое, концептуальное решение и разработка эффективных технологий, адекватных объективным медийным кодам масс-медиа.

Сегодня представители политики, масс-медиа и социальных наук переводят практические схемы в эксплицитные категории конструирования социального мира, что в контексте семейной политики означает формирование образа семьи будущего. Только подлинное изменение ценностных ориентаций в сторону фамелизма (семьецентризма) ведет к эффективной реализации демографической политики.

Представляется, что семейная политика будет более эффективной, если удастся обнаружить и запустить механизм перестройки ценностно-мотивационной структуры населения. Идеологическая составляющая семейной политики в настоящий момент признается слабой, но реализуемой [7, 12]. На государственном уровне необходимо задуматься об информационной поддержке семейной политики через формирование идеологии семьи. Можно отчасти согласиться со следующими рекомендациями А.В. Коротковой [5] по снижению отрицательного влияния масс-медиа на ценности семьи и брака:

- на законодательном уровне ограничить деятельность масс-медиа, которые ведут антисемейную пропаганду;
- подвергать обязательной цензуре рекламные материалы с целью оценки влияния на формирование ценностей семьи и брака;
- увеличить объем социальной рекламы просемейного характера;
- использовать масс-медиа для пропаганды семейных ценностей и популяризации семейного образа жизни.

Выводы

На наш взгляд, ни жесткая ограничительная цензура, ни изменение сетки вещания радио и телевидения (особенно молодежного) в этом случае не будет способствовать обеспечению информационной поддержки семейной политики. Требуется серьезная и продуманная работа масс-медиа по целенаправленному формированию имиджа семьи для молодежной аудитории. Имидж, сформированный масс-медиа, во многом определяет позицию, которую занимает общество по отношению к тому или иному типу семьи, той или иной функции семьи. Выбирая газету или журнал, радио или телевизионную передачу, посещая интернет-страничку определенной социальной направленности, молодой человек нередко потенциально готов согласиться с той точкой зрения о функциональном назначении семьи, которая будет предложена данным средствами масс-медиа или социальных медиа. Поэтому данные меры должны быть дополнены формированием у населения системы ценностей семейного образа жизни и позитивного «просемейного» общественного мнения. Для чего представляется целесообразным следующий комплекс мер:

- разработка системы образовательных и просветительских мероприятий, направленных на формирование семейного образа жизни, с широким их освещением в средствах масс-медиа;
- подготовка тематических программ в масс-медиа, направленных на формирование семейных ценностных ориентаций.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адилова, Л. Ф. Образ семьи и семейные ценности в российских СМИ / Л. Ф. Адилова, В. А. Мищенко // Вестник РГГУ. Серия «Философия. Социология. Искусствоведение». 2014. - № 4 (126). - С. 108-116. – Текст : непосредственный.
2. Антонов, А. И. Судьба семьи в России XXI века. Размышления о семейной политике, о возможности противодействия упадку семьи и депопуляции / А. И. Антонов,

- С. А. Сорокин. – М.: Издательский Дом «Грааль», 2000. – 416 с. – Текст : непосредственный.
3. Волохова, Н. В. «Невыносимая легкость» одиночества в новых реалиях цифровой среды / Н. В. Волохова, Ю. С. Филиппович // Известия Юго-Западного государственного университета. Серия: Экономика. Социология. Менеджмент. – 2022. – Т. 12, № 3. – С. 260-270. – DOI 10.21869/2223-1552-2022-12-3-260-270. – EDN JKGBAI – Текст : непосредственный.
4. Гэллоуэй, А.Р. Экскоммуникация. Три эссе о медиа и медиации / А.Р. Гэллоуэй, М. Уорк, Ю. Такер; пер. с англ. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. – 256 с. – Текст : непосредственный.
5. Короткова, А.В. Формирование имиджа семьи под влиянием средств массовой информации (социологический аспект): специальность 22.00.04 «Социальная структура, социальные институты и процессы» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук / Короткова Анна Васильевна; Московский государственный университет сервиса. – М., 2007. – 24 с. – Текст : непосредственный.
6. Леньшина, Н.П. Потребление цифровой информации представителями поколения Z / Н.П. Леньшина // Молодежная наука и современность : сб. материалов 86-ой Междунар. науч. конф. студентов и молодых ученых, посвящ. 86-летию КГМУ (Курск, 22–23 апреля 2021 г.). В 3-х томах. – Том III. – Курск: КГМУ, 2021. – С. 111-113. – EDN IFERFW. – Текст : непосредственный.
7. Ловцова, Н. И. «Здоровая, благополучная семья — опора государства»? Гендерный анализ семейной социальной политики // ЖИСП. 2003. №3-4. С.323-339
8. Луман, Н. Реальность массмедиа / Н. Луман; пер. с нем. А.Ю. Антоновского. – М.: Праксис, 2005. – 256 с. – ISBN 5-901574-46-X. – Текст : непосредственный.
9. Ноэль-Нойман, Э. Общественное мнение. Открытие спирали молчания / Э. Ноэль-Нойман. – М. : Прогресс-Академия, 1996. — 352 с. – ISBN 5-85864-035-4. – Текст : непосредственный.
10. Орлова, Е.М. Потенциал основных социокультурных институтов в формировании и распространении идеологемы семьи / Е.М. Орлова, Ю.П. Шаповалова. – Текст : электронный // Коллекция гуманитарных исследований. – 2022. – № 3 (32). – С. 26-32. – URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/251> (дата обращения : 22.03.2025)
11. Осмоловская, С.М. Массовая культура и медиа как универсалии современного общества / С.М. Осмоловская. – Текст : электронный // Коммуникология. – 2023. – Т.11, № 2. – С. 63-75. – URL : Массовая культура и медиа как универсалии современного общества | Осмоловская | Коммуникология (дата обращения : 22.03.2025)
12. Петрякова О. А. К вопросу анализа семейно-репродуктивных ценностей россиян как основы демографической политики / О. А. Петрякова // Демографическая и семейная политика в контексте целей устойчивого развития: сборник статей IX Уральского демографического форума: в 2-х томах. — Том II. — Екатеринбург : Институт экономики УрО РАН, 2018. — С. 377-390.
13. Семишова, Е. П., Семина В. С. Средства массовой информации в культурном процессе современности / Е. П. Семишова, В. С. Семина // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. – 2009. – № 2. – С. 74-80. – Текст : непосредственный.
14. Филиппович, Ю. С. Мотивация к переменам, или необходимость разговора с самим собой / Ю. С. Филиппович, М. С. Филиппович // Ценностно-смысловые основания воспитания свободного человека : сб. статей Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 75-летию М.И. Рожкова (Ярославль, 09–10 сентября 2021 г.). – Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К.Д. Ушинского, 2021. – С. 109-112. – EDN IMYXOS. – Текст : непосредственный.

15. Филиппович, М. С. «Интеллектуальная надежность» Райна Бирли / М. С. Филиппович // Психология здоровья и болезни: клинико-психологический подход (с использованием дистанционных технологий) : сб. материалов XI Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (Курск, 02–03 декабря 2021 г.). – Курск: КГМУ, 2021. – С. 115–118. – EDN FGVJYR. – Текст : непосредственный.
16. Филиппович, Ю. С. Профессиональное выгорание: опыт культурно-философского осмысления / Ю. С. Филиппович // Этюды культуры. Культурный код : Материалы Международной молодежной научно-практической конференции, посвященной 30-летию Института искусств и культуры Томского государственного университета, Томск, 28–29 ноября 2024 года. – Томск: Национальный исследовательский Томский государственный университет, 2025. – С. 87–90.
17. Хмелевская, И.Г. Фамилистическая идеологема как инструмент формирования культуры брачно-семейных отношений / И. Г. Хмелевская, Е. М. Орлова. – Текст : электронный // Коллекция гуманитарных исследований. – 2024. – № 4(41). – С. 103–110. – DOI 10.21626/j-chr/2024-4(41)/10 – URL : Фамилистическая идеологема как инструмент формирования культуры брачно-семейных отношений | Хмелевская | Электронный научный журнал "Коллекция гуманитарных исследований" (дата обращения : 22.03.2025)
18. Цилински, З. Археология медиа / З. Цилински; пер. с нем. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2019. – 384 с. – Текст : непосредственный.
19. Цукерман, Э. Новые соединения. Цифровые космополиты в коммуникативную эпоху / Э. Цукерман. – М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. – 336 с. – Текст : непосредственный.
20. Gerbner G. Cultivation analysis: An overview. *Mass Communication and Society*, 3/4. 1998. – Pp. 175–194
21. Gerbner G., Gross L., Signorielli N., Morgan M. Television Violence, Victimization, and Power. *American Behavioral Scientist*, 23(5). 1980. – Pp. 705–716. <https://doi.org/10.1177/000276428002300506>
22. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. The “Mainstreaming” of America: Violence Profile No. 11, *Journal of Communication*, Volume 30, Issue 3, September 1980, Pages 10–29, <https://doi.org/10.1111/j.1460-2466.1980.tb01987.x>
23. Hantrais L. *Social Policy in the European Union*. London; New York: Macmillan, 1995, 251p. ; Harding L. F. *Family, State and Social Policy*. London; New York: Macmillan, 1996. 276p.
24. Klapper J.T. *The effects of mass communications*. Free Press of Glencoe. 1960. 302 p.
25. Perse E. M. Soap opera viewing patterns of college students and cultivation. *Journal of Broadcasting & Electronic Media*. 1986. 30, 175–193
26. Rubin A. M., Perse E. M. Audience activity and soap opera involvement: A uses and effects investigation. *Human Communication Research*. 1987. 14(2), 246–268 <https://doi.org/10.1111/j.1468-2958.1987.tb00129.x>
27. Rubin A. M., Perse E. M. Audience activity and television news gratifications. *Communication Research*. 1987. 14(1), 58–84. <https://doi.org/10.1177/009365087014001004>

Получена: 11.06.2025 г.

Принята к публикации: 26.09.2025 г.

THE CONCEPTUAL FOUNDATIONS OF THE FORMATION OF THE FAMILY IDEOLOGY IN THE INFORMATION AND COMMUNICATION ENVIRONMENT

© Elena M. Orlova, Yulia P. Snedkova, Marina V. Kovaleva

Elena M. Orlova – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of State and Municipal Administration and Law, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Kursk Region "Kursk Academy of State and Municipal Service"
e-mail: family.orlova@yandex.ru

Yulia P. Snedkova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration and Law, State Autonomous Educational Institution of Higher Education of the Kursk Region "Kursk Academy of State and Municipal Service"

Marina V. Kovaleva – Candidate of Sciences in Philosophy, Associate Professor, Department of Philosophy, Social, Legal and Natural Sciences, Kursk Academy of Public and Municipal Service

Address: 305044, Kursk, Stantsionnaya St., 9, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Under the influence of the mass media, a new image of the family was integrated into the information model of the world. The main goal of mass media is to construct a social reality, which, in our opinion, is dominant. Mass media are forced to generate known information in order to be able to diversify it from time to time so that an individual who joins the communication system can accept new information.

The purpose of the study is to identify the grounds for the formation of the family ideology in the mass media.

Materials and methods. The research used methods of theoretical analysis of the work of foreign and domestic researchers on issues related to the ideologeme of the family, value orientations, as well as the following methods: induction and deduction and a systematic approach, which allowed to formulate a structural understanding of the ideologeme of the family in the mass media.

Conclusions. Serious and thoughtful work of the mass media is required to purposefully create the image of the family for the youth audience. The image formed by the mass media largely determines the position that society takes in relation to a particular type of family, a particular function of the family. When choosing a newspaper or magazine, radio or television program, or visiting an Internet page of a certain social orientation, a young person is often potentially ready to agree with the point of view about the functional purpose of the family that will be offered by these media or social media.

KEYWORDS: family ideology; mass media; cultivation; information and communication environment; cultivation.

REFERENCES

1. Adilova, L. F. Obraz sem'i i semejnye cennosti v rossijskikh SMI / L. F. Adilova, V. A. Mishchenko // Vestnik RGGU. Seriya «Filosofiya. Sociologiya. Iskusstvovedenie». 2014. - № 4 (126). - S. 108-116. – Tekst : neposredstvennyj.
2. Antonov, A. I. Sud'ba sem'i v Rossii XXI veka. Razmyshleniya o semejnoy politike, o vozmozhnosti protivodejstviya upadku sem'i i depopulyacii / A. I. Antonov, S. A. Sorokin. – M.: Izdatel'skij Dom «Graal», 2000. – 416 s. – Tekst : neposredstvennyj.
3. Volohova, N. V. «Nevynosimaya legkost'» odinochestva v novyh realiyah cifrovoj sredy / N. V. Volohova, YU. S. Filippovich // Izvestiya YUgo-Zapadnogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Ekonomika. Sociologiya. Menedzhment. – 2022. – T. 12, № 3. – S. 260-270. – DOI 10.21869/2223-1552-2022-12-3-260-270. – EDN JKGBAI – Tekst : neposredstvennyj.
4. Gellouej, A.R. Ekskommunikaciya. Tri esse o media i mediacii / A.R. Gellouej, M. Uork, YU. Taker; per. s angl. – M.: Ad Marginem Press, 2022. – 256 s. – Tekst : neposredstvennyj.
5. Korotkova, A.V. Formirovanie imidzha sem'i pod vliyaniem sredstv massovoj informacii (sociologicheskij aspekt): special'nost' 22.00.04 «Social'naya struktura, social'nye instituty i processy» : avtoreferat dissertacii na soiskanie uchenoj stepeni kandidata sociologicheskikh nauk / Korotkova Anna Vasil'evna; Moskovskij

gosudarstvennyj universitet servisa. - M., 2007. - 24 s. - Tekst : neposredstvennyj.

6. Len'shina, N.P. Potreblenie cifrovoj informacii predstavitel'yami pokoleniya Z / N.P. Len'shina // Molodezhnaya nauka i sovremennost' : sb. materialov 86-oj Mezhdunar. nauch. konf. studentov i molodyh uchenyh, posvyashch. 86-letiyu KGMU (Kursk, 22–23 aprelya 2021 g.). V 3-h tomah. - Tom III. - Kursk: KGMU, 2021. - S. 111-113. - EDN IFEFPW. - Tekst : neposredstvennyj.

7. Lovcova, N. I. «Zdorovaya, blagopoluchnaya sem'ya — opora gosudarstva»? Gendernyj analiz semejnoy social'noj politiki // ZHISP. 2003. №3-4. С.323-339

8. Luman, N. Real'nost' massmedia / N. Luman; per. s nem. A.YU. Antonovskogo. - M.: Praksis, 2005. - 256 s. - ISBN 5-901574-46-H. - Tekst : neposredstvennyj.

9. Noel'-Nojman, E. Obshchestvennoe mnenie. Otkrytie spirali molchaniya / E. Noel'-Nojman. - M. : Progress-Akademiya, 1996. — 352 s. - ISBN 5-85864-035-4. - Tekst : neposredstvennyj.

10. Orlova, E.M. Potencial osnovnyh sociokul'turnyh institutov v formirovanii i rasprostranении ideologemy sem'i / E.M. Orlova, YU.P. SHapovalova. - Tekst : elektronnyj // Kollekcija gumanitarnyh issledovaniy. - 2022. - № 3 (32). - S. 26-32.

11. Osmolovskaya, S.M. Massovaya kul'tura i media kak universalii sovremennogo obshchestva / S.M. Osmolovskaya. - Tekst : elektronnyj // Kommunikologiya. - 2023. - T.11, № 2. - S. 63-75.

12. Petryakova O. L. K voprosu analiza semejno-reproduktivnyh cennostej rossiiyan kak osnovy demograficheskoy politiki / O. L. Petryakova // Demograficheskaya i semejnaya politika v kontekste celej ustojchivogo razvitiya: sbornik statej IX Ural'skogo demograficheskogo foruma: v 2-h tomah. — Tom II. — Ekaterinburg : Institut ekonomiki UrO RAN, 2018. — S. 377-390.

13. Semishova, E. P., Semina V. S. Sredstva massovoj informacii v kul'turnom processe sovremennosti / E. P. Semishova, V. S. Semina // Vestnik Tambovskogo universiteta. Seriya: Gumanitarnye nauki. - 2009. - № 2. - S. 74-80. - Tekst : neposredstvennyj.

14. Filippovich, YU. S. Motivaciya k peremenam, ili neobходimost' razgovora s samim soboj / YU. S. Filippovich, M. S. Filippovich // Cennostno-smyslovye osnovaniya vospitaniya svobodnogo cheloveka : sb. statej Mezhdunar. nauch.-prakt. konf., posvyashch. 75-letiyu M.I. Rozhkova (YAroslavl', 09–10 sentyabrya 2021 g.). - YAroslavl': YAroslavskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet im. K.D. Ushinskogo, 2021. - S. 109-112. - EDN IMYXOS. - Tekst : neposredstvennyj.

15. Filippovich, M. S. «lntellektual'naya nadezhnost'» Rajna Birli / M. S. Filippovich // Psihologiya zdorov'ya i bolezni: kliniko-psihologicheskij podhod (s ispol'zovaniem distancionnyh tekhnologij) : sb. materialov XI Vseros. nauch.-prakt. konf. s mezhdunar. uchastiem (Kursk, 02–03 dekabrya 2021 g.). - Kursk: KGMU, 2021. - S. 115-118. - EDN FGVJYR. - Tekst : neposredstvennyj.

16. Filippovich, YU. S. Professional'noe vygoranie: opyt kul'turnofilosofskogo osmysleniya / YU. S. Filippovich // Etyudy kul'tury. Kul'turnyj kod : Materialy Mezhdunarodnoj molodezhnoj nauchno-prakticheskoy konferencii, posvyashchennoj 30-letiyu Instituta iskusstv i kul'tury Tomskogo gosudarstvennogo universiteta, Tomsk, 28–29 noyabrya 2024 goda. - Tomsk: Nacional'nyj issledovatel'skij Tomskij gosudarstvennyj universitet, 2025. - S. 87-90.

17. Hmelevskaya, I.G. Familisticheskaya ideologema kak instrument formirovaniya kul'tury brachno-semejnyh otnoshenij / I. G. Hmelevskaya, E. M. Orlova. - Tekst : elektronnyj // Kollekcija gumanitarnyh issledovaniy. - 2024. - № 4(41). - S. 103-110. - DOI 10.21626/j-chr/2024-4(41)/10

18. Cilinski, Z. Arheologiya media / Z. Cilinski; per. s nem. - M.: Ad Marginem Press, 2019. - 384 s. - Tekst : neposredstvennyj.

19. Cukerman, E. Novye soedineniya. Cifrovye kosmopolity v kommunikativnuyu epohu / E. Cukerman. - M.: Ad Marginem Press, 2015. - 336 s. - Tekst : neposredstvennyj.

20. Gerbner G. Cultivation analysis: An overview. Mass Communication and Society, 3/4. 1998. - Pp. 175–194

21. Gerbner G., Gross L., Signorielli N., Morgan M. Television Violence, Victimization, and Power. American Behavioral Scientist, 23(5). 1980. - Pp. 705–716. <https://doi.org/10.1177/000276428002300506>

22. Gerbner G., Gross L., Morgan M., Signorielli N. The "Mainstreaming" of America: Violence Profile No. 11, Journal of Communication, Volume 30, Issue 3, September 1980, Pages 10–29,

23. Hantrais L. Social Policy in the European Union. London; New York: Macmillan, 1995, 251p. ; Harding L. F. Family, State and Social Policy. London; New York: Macmillan, 1996. 276p.

24. Klapper J.T. The effects of mass communications. Free Press of Glencoe. 1960. 302 p.

25. Perse E. M. Soap opera viewing patterns of college students and cultivation. Journal of Broadcasting & Electronic Media. 1986. 30, 175-193

26. Rubin A. M., Perse E. M. Audience activity and soap opera involvement: A uses and effects investigation. Human Communication Research. 1987. 14(2), 246–268

27. Rubin A. M., Perse E. M. Audience activity and television news gratifications. Communication Research. 1987. 14(1), 58–84.

DOI: 10.21626/j-chr/2025-3(44)/4
УДК: 316.6

Социальная психология

СМЫСЛ КАК МЕДИАТОР СВЯЗИ ГРУППОВЫХ ПРОЦЕССОВ И ЛИЧНОСТНОГО ПОТЕНЦИАЛА ВОЛОНТЕРОВ: ИНТЕГРАТИВНАЯ СОЦИАЛЬНО ПСИХОЛОГИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ

35

© С.С. Лампаров

Лампаров С.С. – аспирант Института педагогики и психологии, Московский педагогический государственный университет

e-mail: lamparov12@gmail.com

Адрес: 127051, Москва, Малый Сухаревский пер., д. 6., Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность исследования определяется социальной значимостью волонтерства как массового движения и потребностью в понимании механизмов личностного роста в групповой среде. Опираясь на концепцию личностного потенциала Д. А. Леонтьева и современные разработки социальной психологии, авторы рассматривают смысл как ключевой медиатор, опосредующий влияние групповых процессов на развитие внутренних ресурсов личности. Вначале раскрывается понятие личностного потенциала и его ресурсно-функциональная структура, включающая три группы психологических ресурсов (самоопределения, достижения и сохранения). Далее волонтерская группа анализируется как особая среда смыслообразования, обеспечивающая ценностное единство и «мы-идентичность» участников. Показаны многофункциональные роли личностного смысла – целеобразования, поддержания саморегуляции, укрепления жизнестойкости – в процессах личностного роста волонтеров. Основное внимание уделено описанию двухконтурной модели: выделяются «смысловой» и «регуляторный» контуры развития, связанные коммуникативно-просоциальным каналом. Определены узловые переменные-медиаторы (смысловая включенность, коллективная эффективность, доверие/идентичность) и пять ключевых психологических механизмов группового влияния (интериоризация смысла, аффективная ко-регуляция, калибровка эффективности, нормативная интеграция навыков, коммуникативная трансдукция опыта). Сформулированы теоретические положения и гипотезы модели, отражающие ведущую роль смысла в опосредовании «группа – личность».

Сделан **вывод** о том, что представленная модель расширяет понимание развития личности в группе и может служить основой для дальнейших эмпирических исследований и практических программ сопровождения волонтерских объединений.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: личностный потенциал; волонтерская деятельность; групповые процессы; личностный смысл; групповая идентичность; психологические ресурсы; социально-психологическая модель.

Волонтерство сегодня выступает неотъемлемой частью гражданского общества и массовой социальной практикой [23]. Участие миллионов людей в добровольческой деятельности актуализирует научный интерес к её личностным эффектам. Волонтерство традиционно понимается как общественно полезная активность, осуществляемая на безвозмездной основе и сопряжённая с альтруистическими ценностями. Однако добровольчество значимо не только с социальной, но и с психологической точки зрения: оно создаёт условия для самореализации и личностного роста участников. Е. С. Азарова подчёркивает, что добровольческая деятельность представляет собой особый тип социально одобряемого бескорыстного поведения, соединяющий стремление помочь другим с развитием собственной личности [1]. Таким образом, волонтерство обладает двойной природой – альтруистической и развивающей, – благодаря чему становится благодатной моделью для изучения взаимодействия групповых процессов и личностного потенциала.

В психологической науке личностный рост в группе часто связывается с процессом смыслообразования. Совместная социально значимая деятельность обеспечивает участников не только новым опытом, но и новым смыслом, который они придают своей активности. Для волонтеров вопрос о том, «зачем я это делаю», обычно имеет выраженный ценностный ответ – ради помощи людям, ради общего блага – и одновременно отражает их стремление к самоуважению и самореализации. Иными словами, участие в волонтерской группе насыщено для личности глубоким смысловым содержанием, что способно придать её действиям особую внутреннюю мотивацию. В групповой среде этот индивидуальный смысл подкрепляется социальным признанием: волонтер видит общественную значимость своего вклада и получает эмоциональную поддержку единомышленников, что усиливает субъективную значимость деятельности [25]. Следовательно, личностный смысл можно рассматривать как критический посредник, через который группа влияет на личность волонтера. Данная работа посвящена развитию этой идеи и представлению модели, интегрирующей групповую и личностный уровни анализа через призму смысла.

Целью исследования является теоретическое обоснование и описание интегративной социально-психологической модели, объясняющей, каким образом групповые процессы в волонтерских объединениях способствуют развитию личностного потенциала их участников посредством формирования и актуализации смыслов. Модель опирается на концепцию личностного потенциала как интегральной характеристики личности и современные представления о том, что ценностно-смысловая сфера личности играет системообразующую роль в саморегуляции и развитии (В. Франкл, Д. А. Леонтьев и др.) [15; 6]. В рамках предлагаемого подхода личностный потенциал волонтера трактуется как способность действовать на основе внутренних ценностей и смыслов в условиях совместной деятельности и изменений среды. Группа при этом выступает не пассивным фоном, а активным фактором развития: она задаёт социально-психологический контекст, в котором происходит обогащение ресурсов личности и смыслообразование [3]. Ниже подробно рассматриваются ключевые компоненты и механизмы этой модели.

Концепция личностного потенциала и его ресурсно-функциональная структура.

Понятие личностного потенциала вводится для обозначения интегральных возможностей личности к саморазвитию, самореализации и самостоятельному построению жизни. По определению Д. А. Леонтьева, личностный потенциал – это базовая характеристика, отражающая зрелость личности, её «внутренний стержень» и способность действовать «надситуативно», прокладывая собственный путь на основе внутренних ценностей и смыслов [5]. Иными словами, личностный потенциал указывает на степень субъектности человека – способность быть автором своей жизнедеятельности, опираясь прежде всего на собственные ресурсы и смыслы. Важно подчеркнуть, что личностный

потенциал выполняет роль своеобразного метаресурса личности – системы управления своими внутренними ресурсами. При высоком личностном потенциале человек эффективно распоряжается своими способностями, знаниями, чертами характера, направляя их на достижение значимых целей и преодоление препятствий. Наоборот, при низком потенциале даже богатый арсенал качеств может оставаться нереализованным [6]. Таким образом, личностный потенциал выражает интегративную способность личности мобилизовать свои психологические ресурсы для продуктивной самореализации.

Структурно личностный потенциал можно представить через совокупность внутренних психологических ресурсов – свойств и состояний, помогающих личности достигать целей, сохранять благополучие и расти над обстоятельствами [17].

С точки зрения выполняемых задач все ресурсы личности можно разделить на несколько функциональных групп. На основе анализа литературы выделяются три ключевые группы ресурсов, соответствующие основным психологическим функциям: ресурсы самоопределения, ресурсы достижения и ресурсы сохранения [14; 12; 10; 19].

Все три указанные группы ресурсов – самоопределения, достижения, сохранения – являются необходимыми компонентами личностного потенциала. Только их сбалансированное развитие обеспечивает целостную зрелость личности, при которой человек способен одновременно быть автономным автором своей жизни, успешным реализатором целей и устойчивым к внешним ударам.

Следует отметить особую роль метаресурсов – высших механизмов, организующих использование отдельных ресурсов. К метаресурсам личности относят рефлексивность, субъектность (агентность) и способность к смысловой интеграции опыта. Эти свойства занимают верхний уровень иерархии ресурсов и координируют работу всех остальных, задавая ценностно-смысловой контекст деятельности. Таким образом, личностный потенциал имеет сложную ресурсно-функциональную структуру, включающую базовые (функциональные) ресурсы трёх направлений и метаресурсы как их интеграторы. Эта структура обеспечивает личности способность к устойчивому саморазвитию даже в изменчивой и стрессогенной среде.

Волонтерство как групповая среда смыслообразования.

Волонтерская группа представляет собой малую социальную группу, объединённую просоциальными целями и совместной деятельностью на благо других. В такой группе возникает особая атмосфера сотрудничества, поддержки и общих ценностей, благодаря которой она становится благоприятной средой для формирования и передачи смыслов. Групповая динамика волонтерских объединений имеет выраженную ценностно-нормативную основу: в отличие от деловых коллективов, здесь ядром сплочения выступают гуманистические идеалы – милосердие, взаимопомощь, справедливость [8].

Социально-психологические исследования отмечают, что включённость индивида в волонтерское сообщество сопровождается интериоризацией групповых ценностей и норм. Через участие в совместных делах внешние изначально ценности (альтруизм, ответственность перед обществом) превращаются во внутренние убеждения каждого добровольца [1]. По мере накопления опыта происходит идентификация личности с группой: волонтер начинает определять себя через принадлежность к движению, разделяя чувство общего долга и миссии. М. В. Певная отмечает формирование ценностно-ориентационного единства волонтерской общности, когда базовые ценности и установки совпадают у большинства её членов [8]. Группа создаёт для личности новую социальную идентичность – идентичность «Мы – волонтеры», которая дополняет и обогащает её личностную идентичность. Эта коллективная идентичность обычно очень устойчива: даже вне конкретных проектов волонтеры продолжают ассоциировать себя с сообществом, что поддерживает их мотивацию и длительное участие.

Параллельно с идентификацией происходит формирование групповых норм и ценностных рамок, которые направляют поведение участников. В любом устойчивом добровольческом объединении со временем вырабатываются свои правила, традиции, групповая культура, поддерживающие порядок и сплочённость. Соблюдение этих норм не только упорядочивает взаимодействия, но и придаёт волонтерам чувство причастности к чему-то большему, чем они сами. Внутригрупповое доверие служит своего рода психологическим «клеем», скрепляющим коллектив: когда люди уверены друг в друге, они свободнее обмениваются информацией, оказывают поддержку и совместно преодолевают трудности. Эмпирически показано, что высокий уровень межличностного доверия и эмоционально благоприятный климат уменьшают напряжённость и выгорание среди добровольцев [22]. Таким образом, ценностное единство, групповая идентичность и доверие образуют тот социально-психологический контекст, в котором личность волонтера может безопасно пробовать новые роли, учиться и находить подтверждение своим идеалам.

Далее мы подробнее рассмотрим, какую роль при этом играет личностный смысл как регулятор роста и каким образом групповые воздействия трансформируются во внутренние изменения волонтера.

Функции смысла как регулятора личностного роста волонтеров.

Смысл занимает центральное место в ценностно-мотивационной сфере личности и выполняет интегрирующую роль между её «хочу» и «надо». В концепции личностного потенциала смысловой компонент рассматривается как связующее звено между ценностями и регулятивными процессами поведения. Д. А. Леонтьев отмечает, что ядро личности образуют именно ценностно-смысловые образования и механизмы самодетерминации – они позволяют человеку определить смысл своих целей и действий, соотнося их с устойчивыми ценностями [6]. Проникновение мотивационной сферы ценностями придаёт деятельности личностный смысл, повышая её субъективную значимость. Говоря метафорически, смысл направляет активность личности в русло значимых ценностей и освещает будущий результат, делая его внутренне притягательным. Благодаря этому цели приобретают автономную мотивационную силу, а не воспринимаются как навязанные извне.

Смысл выступает для волонтера своеобразным инструментальным ресурсом: придавая личностную значимость выполняемой деятельности, он поддерживает мотивацию и волевую саморегуляцию, особенно в трудных условиях. Известно, что добровольцы демонстрируют ряд отличий по параметрам личностного потенциала по сравнению с людьми, не вовлечёнными в волонтерство. У волонтеров, как правило, выше уровень осмысленности жизни, выраженного оптимизма, внутренней свободы и жизнестойкости [1; 24]. Так, в исследовании У. П. Кретовой показано, что молодые люди с опытом добровольчества отличаются более высокой наполненностью жизни смыслом и ценностями, нежели их сверстники, не участвующие в такой активности [4]. Эти результаты свидетельствуют: смысловая насыщенность волонтерской деятельности действительно выполняет роль ресурса, укрепляющего личностный потенциал и позволяющего человеку эффективнее реализовывать свои ценности в поведении.

Обобщённо можно сказать, что личностный смысл волонтерской деятельности является системообразующим фактором, связывающим воедино ценности личности, её мотивационно-волевую сферу и эмоциональную устойчивость. Через смыслы реализуется внутренний диалог человека с самим собой относительно целей и результатов – формируется то самое самодетерминированное отношение к своей активности, которое отличает субъектную, зрелую личность. Для волонтера обладание чётким смыслом своего труда означает готовность преодолевать трудности, не теряя внутреннего удовлетворения и веры

в дело. В контексте групповой работы смысловая ориентированность выполняет также интегративную функцию – она объединяет участников вокруг общей миссии, повышает сплочённость и устойчивость группы в целом. Именно поэтому смысл выступает в нашей модели центральным медиатором: он опосредует влияние просоциальной ценностной атмосферы группы на такие показатели личностного потенциала, как саморегуляция, жизнестойкость и ориентация на помощь. Ниже, в описании модели, эта идея будет конкретизирована в виде отдельного контура (смыслового) и ряда механизмов.

Двухконтурная модель развития личностного потенциала в группе волонтеров.

Разработанная интегративно-динамическая модель личностного потенциала волонтера (ИДМ-ЛПВ) исходит из принципа, что развитие личности происходит в непрерывном взаимодействии с социальным окружением. Методологической базой модели выступают: субъектный подход (личность как активный субъект деятельности), культурно-исторический подход (развитие через совместную деятельность и общение), ценностно-смысловой подход (ведущая роль внутреннего смысла), а также системно-динамический и салютогенетический подходы [3; 2; 5; 15]. В рамках субъектного взгляда личностный потенциал понимается как способность действовать, исходя из внутренних критериев (ценностей, смыслов), сохраняя автономность даже под внешним давлением [9]. Культурно-историческая традиция (Л. С. Выготский, А. Г. Асмолов и др.) подчеркивает, что личность развивается в пространстве общения: групповая деятельность не внешнее условие, а необходимый фактор формирования личностных качеств [3]. Современные исследования подтверждают, что включённость в значимую социальную группу стимулирует надситуативную активность и смысловую самодетерминацию личности [21]. Отсюда первое положение: групповые процессы способны инициировать приращение личностного потенциала волонтера, выступая своего рода «триггерами» личностных изменений. Однако, как мы уже установили, это влияние не является прямым – оно опосредовано личностными смыслами. Таким образом, центральная идея модели: смысл выполняет функцию главного медиатора между групповой динамикой и ростом ресурсов личности волонтера. Группа влияет на развитие индивида преимущественно посредством повышения личностно значимого смысла участия – смысловой включённости волонтера, которая побуждает его активнее развиваться и использовать свои ресурсы. Это теоретическое положение обозначено как Р1. Оно согласуется с субъектно-смысловым подходом, согласно которому принятие человеком внутреннего смысла является условием его личностных изменений [15].

Следующим ключевым компонентом модели является представление о двух параллельных контурах развития – быстром (ситуативном) и медленном (структурном). Личностный потенциал трактуется как открытая нелинейная система, изменения в которой происходят на разных временных масштабах. Быстрые, микроситуативные изменения касаются эмоциональных состояний, текущей мотивации, выбора копинг-стратегий; они обратимы и могут колебаться от ситуации к ситуации. Медленные, макроструктурные изменения затрагивают глубинные ценности, устойчивые цели, навыки и черты личности; они накапливаются постепенно и ведут к долгосрочному росту потенциала. Наша модель учитывает эту «двухскоростную» динамику: предполагается, что смысловая включённость волонтера сочетает в себе ситуативный компонент (колеблющийся от события к событию) и стабильный компонент (общая ценностная направленность личности). Первый действует как оперативный медиатор текущей активности, второй – как структурная основа потенциала, обеспечивающая долговременную устойчивость к кризисам. Теоретически это отражено в положении Р5: смысловая включённость – двухкомпонентная переменная, объединяющая быстрые и медленные аспекты. Важное следствие такой перспективы – возможность пороговых эффектов. В нелинейной

системе небольшие накопления изменений могут привести при достижении порога к качественному скачку. Для смысловой сферы это выражается в гипотезе Р6 о «критическом пороге осмысленности», преодоление которого запускает самоусиливающийся виток развития (восходящую спираль ресурсов). Если волонтер достигает очень высокого уровня смысловой вовлеченности (например, воспринимает добровольчество как дело своей жизни), далее наблюдается лавинообразный рост его регуляторных качеств, жизнестойкости, просоциальной активности. И наоборот, длительное пребывание ниже некоторого порога осмысленности повышает риски негативных исходов – выгорания, утраты мотивации и ухода из группы. Эта гипотеза пока носит рабочий характер и требует эмпирической проверки, однако она согласуется с концепцией В. Франкла об экзистенциальном вакууме как факторе невротизации личности [15]. Включение идеи нелинейности развития через смысловой порог представляет собой один из теоретических вкладов нашей модели в сравнение с существующими линейными подходами.

Центральной частью модели является структурная схема взаимосвязей между групповыми факторами, медиаторами и личностными результатами. На рис. 1 показана упрощенная схема ИДМ-ЛПВ, включающая два основных контура влияния: смысловой контур и регуляторно-процедурный контур. Оба контура действуют одновременно, связывая левую часть схемы (группу) с правой (личностный потенциал волонтера).

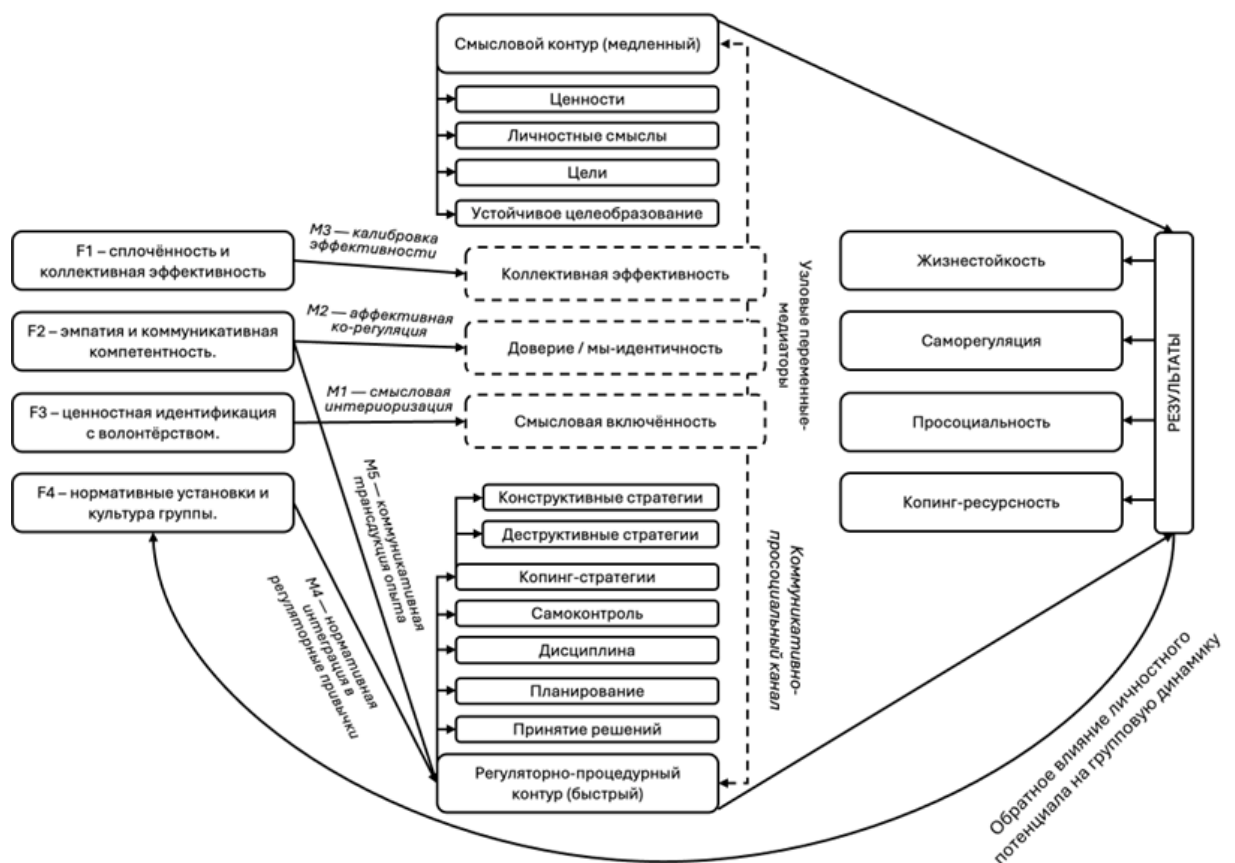

Рисунок 1.

Смысловой контур отражает передачу ценностей и смыслов от группы к личности. Групповые ценности, нормы, коллективная миссия через коммуникацию интериоризируются волонтером, превращаясь в его личные смыслы и мотивы (механизм M1 – смысловая интериоризация). Этот контур задействует ценностную идентификацию волонтера с группой (фактор F3): если человек психологически причастен к коллективу, он быстрее принимает его идеалы как свои собственные [11]. Результатом работы смыслового контура является рост смысловой включенности личности в деятельность – т.е.

повышение степени, в которой участие воспринимается ей как личностно значимое, осмысленное. Смысловая включённость выступает в модели одной из узловых переменных-медиаторов: это центральный показатель, через который опосредуется влияние ценностной атмосферы группы на развитие личностного потенциала волонтера. По мере усиления смысловой включённости у волонтера формируется всё более устойчивое внутреннее целеобразование – он уже не нуждается во внешних указаниях, сам ставит себе цели, созвучные коллективной миссии. Данный процесс приводит к увеличению глубины мотивации и длительной лояльности группе. Таким образом, смысловой контур объясняет, как группа «передает» личности ценности, превращая их в личностный ресурс – внутренний смысл.

Регуляторно-процедурный (поведенческий) контур описывает трансляцию навыков, опыта и установок из групповой деятельности в индивидуальные привычки и способности волонтера. В совместной работе вырабатываются определённые режимы и правила – дисциплина, планирование, этические стандарты, подходы к решению задач. Волонтер, многократно выполняя эти групповые требования, постепенно формирует соответствующие личные навыки и саморегуляторные привычки (механизм М4 – нормативная интеграция). Например, следуя правилу «приходить вовремя на мероприятия», доброволец со временем развивает общую пунктуальность и ответственность за время. Через регулярное участие в совместном решении проблем волонтеры учатся эффективным стратегиям действий, которые затем становятся частью их индивидуального репертуара (механизм М5 – коммуникативная трансдукция опыта). Значимую роль в этом контуре играет коллективная эффективность – уверенность группы в способности добиться успеха (фактор F1). Высокая вера команды в общее дело «заражает» новичков и повышает их личную самооценку, что ведёт к укреплению волевых качеств, самоконтроля и настойчивости. Данный эффект иллюстрирует механизм М3 – эффективность через коллектив: сплочённая, вдохновляющая группа поднимает веру каждого в себя, тем самым улучшая его саморегуляцию [12]. Регуляторный контур, таким образом, объясняет, как группа «передает» личности опыт: совместная деятельность и поддерживающий климат превращаются во внутренние умения, привычки совладания со стрессом и дисциплинарные качества индивида.

Оба контура действуют не изолированно, а во взаимодействии, благодаря коммуникативно-просоциальному каналу. Этот канал – совокупность живых взаимодействий, эмоциональных связей и совместных обсуждений в группе – обеспечивает параллельную передачу и ценностей, и практических навыков. Так, доверительная поддержка в группе (высокий уровень сплочённости и эмпатии, факторы F1 и F2) одновременно усиливает и усвоение ценностей (через создание атмосферы единства, облегчающей интериоризацию, M1), и обучение на опыте (через активный обмен знаниями, M5). Коммуникация выступает универсальным механизмом, связывающим оба контура: обсуждая проблемы, волонтеры не только эмоционально разгружаются (ко-регуляция, M2), но и совместно формируют значения происходящего (смыслообразование, M1). В результате групповое общение становится каналом как трансляции ценностей, так и коллективной рефлексии опыта. Это положение отражает культурно-исторический принцип: личность развивается через интериоризацию социального взаимодействия (Л. С. Выготский). В волонтерской группе общение пронизано просоциальным смыслом, что особенно эффективно для личностного роста: помогая и обсуждая помощь, человек одновременно обогащает свою ценностную сферу и репертуар действий.

Важно подчеркнуть, что в модели выделены три узловых переменные-медиатора, расположенные на стыке групповых и личностных блоков. Это: (1) смысловая включённость (индивидуальный смысл участия, показатель насыщенности мотивации цен-

ностями); (2) коллективная эффективность («мы можем», коллективная уверенность, сопровождаемая ростом самооэффективности личности); (3) психологический климат доверия/«мы-идентичность» (субъективное ощущение сплочённости, поддержки и единения с группой). Они названы узловыми потому, что связывают между собой контуры модели. Так, смысловая включённость напрямую зависит от степени ценностной идентификации (F3) и качества коммуникации (F2) в группе, с одной стороны, и определяет уровень мотивации и жизнестойкости личности – с другой. Коллективная эффективность (элемент F1) связана с эмоциональной поддержкой (F2) и приводит к усилению саморегуляции через рост самооэффективности (результатирующая переменная). Доверие и «мы-идентичность» являются итогом высоких F1 и F3, формируя благоприятный фон для работы смыслового канала; одновременно они сами зависят от личностных качеств волонтеров – например, от их эмпатийности и готовности поддерживать других. Таким образом, узловые переменные играют роль «мостов» между группой и личностью, на которых сходятся влияния разных факторов. Они же служат индикаторами эффективности группового воздействия: по уровню смысловой включённости, коллективной уверенности и идентичности можно судить, насколько успешно волонтерская группа стимулирует развитие своих членов.

Наконец, правая часть схемы модели включает результирующие показатели личностного потенциала волонтера. Исходя из концепции личностного потенциала и проведенного теоретического анализа, к основным показателям отнесены: жизнестойкость (психологическая устойчивость к стрессу), способности саморегуляции (волевые навыки, самоорганизация), копинг-ресурсность (репертуар продуктивных стратегий совладания, преобладание проблемно-ориентированных копингов) и просоциальность (ценностная ориентация на помощь, гуманистическая направленность личности) [18]. Эти четыре блока соответствуют ядру ресурсной структуры личностного потенциала, описанной ранее (сохранение, достижение, совладание, самоопределение). Предполагается, что именно они претерпевают положительные изменения под влиянием групповых процессов. Слева на схеме представлены групповые факторы (входы), выделенные на основе анализа волонтерской группы: F1 – сплочённость / «мы-эффективность», F2 – эмпатийная коммуникация и поддержка, F3 – ценностная идентификация, F4 – нормативная культура и организованность группы. Эти факторы можно рассматривать как обобщение основных социально-психологических характеристик благополучной добровольческой общности. Они воздействуют на личность косвенно – через описанные механизмы M1–M5 и узловые медиаторы – и приводят к приращению личностных ресурсов (выходы модели). При этом рост личностного потенциала сам по себе способен оказывать обратное влияние на группу, повышая её сплочённость и эффективность (рекурсивная связь P7). Например, волонтеры с высокоразвитыми компетенциями и стойкостью становятся неформальными лидерами, которые поддерживают групповые ритуалы признания, помогают новичкам и тем самым укрепляют коллектив. Наша модель учитывает эту цикличность: улучшение личностных показателей у отдельных добровольцев может позитивно сказываться на всей микросреде, создавая эффект восходящей спирали «ресурсы → группа → ресурсы». Например, рост жизнестойкости и энтузиазма у активистов способствует формированию более поддерживающего климата, что затем помогает другим участникам лучше справляться со стрессом.

Таким образом, ИДМ-ЛПВ представляет собой двухконтурную интегративную модель, в которой смысловой и регуляторный контуры описывают два основных пути влияния группы на личность волонтера. Модель носит многоуровневый характер (учитывает индивидуальный, межличностно-групповой и организационный уровни), динамический характер (учитывает различные временные циклы – от микро-событий до макро-траек-

торий развития), а также рекурсивный характер (предусматривает обратные эффекты от личности к группе). Она вписывается в классические представления психологии развития о человеке как саморазвивающейся системе, чьё развитие происходит в общности с другими. Особый акцент делается на ценностно-смысловой проблематике, что отражает новизну предлагаемого подхода. Ниже приведены основные теоретические положения (P1–P8), вытекающие из данной модели и отражающие её оригинальные аспекты.

Таблица 1. Ключевые теоретические положения P1–P8, вытекающие из предложенной модели ИДМ-ЛПВ и отражающие её научную новизну.

Table 1. Key theoretical provisions P1–P8 arising from the proposed IDM-LPV model and reflecting its scientific novelty.

P1	В условиях волонтерской деятельности смысл выполняет функцию главного медиатора, опосредующего влияние групповых процессов на приращение ресурсов личности. Иными словами, именно через повышение личностно значимого смысла участия (смысловую включённость) группа воздействует на развитие волонтера — на показатели ЛП (устойчивость, саморегуляция; прирост процедурного контура выражается в более сильной интегральной шкале копинга (G_Coping) и доминировании ветви конструктивного копинга (Task) над деструктивным (Avoid). Просоциальность может рассматриваться как теоретическое следствие (уровень ценностей и практик), но в данной эмпирике напрямую не тестируется. Данный вывод согласуется с субъектно-смысловым подходом, согласно которому принятие внутреннего смысла выступает условием личностных изменений
P2	Влияние групповой сплочённости и коллективной эффективности (фактор F1) на развитие саморегуляции личности носит опосредованный характер. Решающее значение имеют совместные ожидания успеха — феномен «мы эффективности» — и вызванный ими рост личной самооэффективности волонтеров. Иначе говоря, сплочённая, вдохновляющая группа повышает веру человека в собственные силы (через коллективную эффективность), что приводит к укреплению его саморегуляции (индекс Саморегуляции), а также к приросту ресурса процедурного контура (рост G_Coping и смещение к Task ветви)
P3	Ценностно мотивационная идентификация с группой (фактор F3) существенно повышает вероятность интериоризации волонтером групповых норм и ценностей (механизм M1). Если доброволец ощущает психологическую причастность к коллективу и разделяет его миссию, он быстрее принимает групповые ценности как свои и перенимает общую идею деятельности. В результате формируется устойчивое внутреннее целеобразование: волонтер сам мотивирует себя целями, созвучными коллективной миссии. Напротив, при низкой идентификации ценности группы остаются для человека внешними требованиями, их интериоризация затруднена — что снижает долгосрочную вовлечённость [16].
P4	Социально коммуникативная компетентность и эмпатия (фактор F2) усиливают личностный потенциал волонтера через влияние на эмоциональные и когнитивные групповые процессы. Высокая эмпатийность и поддержка в среде ведут к эффективной аффективной ко регуляции (M2), снижая стресс реактивность и препятствуя выгоранию добровольцев. Активная коммуникация и обмен историями (M5) обогащают репертуар копинг стратегий каждого. F2 усиливает общий фактор G_Coping и ветвь Task, одновременно снижая Avoid; при этом F2 выступает модератором эффективности канала совместного осмысления (усиливает путь F3→Смысл и/или Смысл→ЛП). В высокоэмпатичной группе волонтеры меньше подвержены эмоциональному выгоранию и обладают более широкими способами совладания с трудностями [20].
P5	Смысловая включённость волонтера является «двухскоростной» переменной, сочетающей быстрый и медленный компоненты. С одной стороны, она колеблется от ситуации к ситуации (ситуативный смысл может усиливаться или ослабевать под влиянием текущих событий). С другой — обладает стабильным «несущим» уровнем (жизненная смысловая направленность, ценностная ориентация личности). Первый аспект — ситуативная смысловая включённость — выступает операциональным медиатором текущего состояния мотивации. Второй аспект — устойчивая ценностно смысловая ориентация — служит структурной основой ЛП, обеспечивая долгосрочную устойчивость к кризисам. Волонтер с прочным жизненным смыслом существенно менее подвержен выгоранию, нежели тот, чья мотивация держится лишь на кратковременном энтузиазме [19]. Отсюда следует, что оценивать развитие ЛП важно не только по текущей мотивации, но и по глубине сформированности личностных смыслов и ценностей у волонтера.
P6	Предполагается существование критического порога осмысленности, преодоление которого запускает нелинейные восходящие спирали ресурсного развития. Эта гипотеза отражает пороговый эффект: если волонтер достигает достаточно высокого уровня смысловой включённости (например, начинает воспринимать волонтерство как дело своей жизни), то далее наблюдается самоусиливающийся рост его регуляторных качеств, жизнестойкости, просоциальной активности.

P7	Обратная связь «личностный потенциал → группа» имеет не менее важное значение, чем прямая связь «группа → ЛП». Волонтеры с высокоразвитым ЛП (высокой жизнестойкостью, зрелой саморегуляцией, сильными просоциальными ценностями) становятся агентами изменения в своих сообществах: беря на себя роли неформальных лидеров и наставников, они приносят новые нормы и практики, поддерживают ритуалы признания, инициируют совместные рефлексии. Тем самым такие волонтеры повышают групповые показатели F1 и F4 — укрепляют сплоченность и совершенствуют нормативную культуру коллектива [4; 5]. Модель учитывает эту рекурсивность: развитие отдельных личностей способно трансформировать микросреду всей группы, что затем положительно сказывается и на других её членах.
P8	Разработанная модель ИДМ-ЛПВ носит инвариантный характер по отношению к типу волонтерского объединения на уровне своих узлов и контуров, однако при этом чувствительна к контексту. Предполагается, что описанные структурные элементы (ценностно-смысловой и процедурный контуры, коммуникативный канал, ключевые механизмы M1–M5) в целом применимы как для локальных добровольческих отрядов (например, поисково-спасательных команд или групп милосердия), так и для корпоративных волонтерских объединений, и даже для распределённых онлайн-сообществ волонтеров. Базовые психологические процессы (интериоризация ценностей, ко-регуляция эмоций, коллективная эффективность и пр.) универсальны для взаимодействия людей. Вместе с тем, модель учитывает, что внешние модераторы контекста могут влиять на работу тех или иных механизмов.

В таблице представлены ключевые пропозиции модели ИДМ-ЛПВ: центральная медиаторная роль смысла (P1), опосредованный характер влияния сплоченности на саморегуляцию через коллективную эффективность (P2), значение ценностной идентификации для интериоризации норм (P3), влияние эмпатийной коммуникации на стрессоустойчивость и обогащение копинга (P4), двухкомпонентность смысловой включенности (P5), гипотеза о пороге осмысленности и нелинейных эффектах (P6), рекурсивное воздействие личностного потенциала на группу (P7), инвариантность структуры модели для разных типов волонтерских объединений (P8).

Заключение

Предложенная интегративная модель демонстрирует, каким образом групповая среда волонтерства способствует развитию личностного потенциала через опосредующее влияние смысловой сферы. Теоретический анализ позволил соединить воедино ценностно-смысловой и деятельностно-регуляторный аспекты развития личности в малой группе. Смысл выступает в модели системным медиатором, который «связывает» влияние группы на ключевые ресурсы личности — жизнестойкость, саморегуляцию, мотивационно-ценностные установки. Благодаря включению смыслового контура, модель объясняет феномен личностного роста волонтеров не сводя его ни к одним групповым факторам (например, поддержке или научению), ни к индивидуальным предрасположенностям, а рассматривая их во взаимодействии. Новизна модели состоит также в учёте динамических (временных) характеристик: введены понятия быстрого и медленного контуров изменений, пороговых эффектов осмысленности, рекурсивных циклов «личность — группа». Это расширяет классические представления социальной психологии о влиянии малых групп, показывая, что группы способны не только формировать установки своих членов, но и стимулировать их личностное развитие через сложные опосредованные процессы.

В будущем данная модель будет подвергнута эмпирической проверке. Уже сейчас можно отметить, что она согласуется с общей логикой исследований личности в социальной психологии: ценности и смыслы задают направление поведения, группа создаёт условия для их реализации, а личность, в свою очередь, способна влиять на группу. Описанная модель интегрирует эти принципиальные идеи в единую систему. Тем самым достигается более целостное понимание феномена: личностный потенциал волонтера развивается во взаимодействии двух контуров — ценностно-смыслового и процедурного — при активном посредничестве коммуникации и групповой идентичности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азарова Е.С. Психологические детерминанты и эффекты добровольческой деятельности: монография / Е.С. Азарова. – Хабаровск: ОАО Беловский полиграфист, 2008. – 287 с. Текст : непосредственный
2. Асмолов А.Г. Психология личности: принципы общепсихологического анализа. – М.: Смысл; Академия, 2002. – 416 с.
3. Выготский Л.С. Собрание сочинений: в 6 т. Т. 2: Проблемы общей психологии. – М.: Педагогика, 1982. – 504 с. Текст : непосредственный
4. Кретьова У.П. Психологические особенности мотивационно-смысловой сферы лиц, включенных в волонтерскую деятельность // Вестник КРАУНЦ. Гуманитарные науки. – 2015. – № 1(25). – С. 44–50. Текст : непосредственный
5. Леонтьев, Д.А. Личностный потенциал: структура и диагностика / Д.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 2011. – 680 с. Текст : непосредственный
6. Леонтьев Д.А. Саморегуляция, ресурсы и личностный потенциал / Д.А. Леонтьев // Сибирский психологический журнал. – 2016. – № 62. – С. 18–37. Текст : непосредственный
7. Леонтьев, Д.А. Личностный потенциал: оптика психологии / Д.А. Леонтьев. - Текст : электронный // Психологическая газета. – 2025. – 28 июля. - : psy.su/feed/13174/ (дата обращения: 10.08.2025).
8. Певная, М.В. Управление волонтерством: международный опыт и локальные практики: монография / М.В. Певная; под науч. ред. Г.Е. Зборовского. – 2-е изд. – М.: Изд-во Юрайт; Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2019. – 433 с. Текст : непосредственный
9. Рубинштейн С.А. Основы общей психологии / С.А. Рубинштейн. – СПб.: Питер, 1999. – 720 с. Текст : непосредственный
10. Antonovsky A. Unraveling the Mystery of Health: How People Manage Stress and Stay Well. – San Francisco: Jossey-Bass, 1987. – 218 p.
11. Ashforth B.E., Mael F. Social identity theory and the organization // Academy of Management Review. – 1989. – Vol. 14, no. 1. – P. 20–39.
12. Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control. – New York: W. H. Freeman, 1997. – 604 p.
13. Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Copeland J., Stukas A.A., Haugen J., Miene P. Understanding and assessing the motivations of volunteers: a functional approach // Journal of Personality and Social Psychology. – 1998. – Vol. 74, no. 6. – P. 1516–1530.
14. Deci E.L., Ryan R.M. The “what” and “why” of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. – 2000. – Vol. 11, no. 4. – P. 227–268.
15. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla (Человек в поисках смысла). – Moscow: Progress, 1990. – 372 p. (In Russ.)
16. Grube J.A., Piliavin J.A. Role identity, organizational experiences, and volunteer performance // Personality and Social Psychology Bulletin. – 2000. – Vol. 26, no. 9. – P. 1108–1119.
17. Hobfoll S.E. Conservation of resources: A new attempt at conceptualizing stress // American Psychologist. – 1989. – Vol. 44, no. 3. – P. 513–524.
18. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. – New York: Springer, 1984. – 445 p.
19. Maddi S.R. Hardiness: The courage to grow from stresses // Journal of Positive Psychology. – 2006. – Vol. 1, no. 3. – P. 160–168.
20. Nichol B., Wilson R., Rodrigues A., Haighton C. Exploring the effects of volunteering on the social, mental, and physical health and well-being of volunteers: an umbrella review // Voluntas. – 2023. – P. 1–32.
21. Omoto A.M., Snyder M. Sustained helping without obligation: Motivation, longevity

of service, and perceived attitude change among AIDS volunteers // Journal of Personality and Social Psychology. – 1995. – Vol. 68, no. 4. – P. 671–686.

22. Penner L.A. Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: an interactionist perspective // Journal of Social Issues. – 2002. – Vol. 58, no. 3. – P. 447–467.

23. Putnam R.D. Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community. – New York: Simon & Schuster, 2000. – 544 p.

24. Thoits P.A., Hewitt L.N. Volunteer work and well-being // Journal of Health and Social Behavior. – 2001. – Vol. 42, no. 2. – P. 115–131.

25. Wilson J. Volunteering // Annual Review of Sociology. – 2000. – Vol. 26. – P. 215–240.

Получена: 29.07.2025 г.

Принята к публикации: 26.09.2025 г.

MEANING AS A MEDIATOR BETWEEN GROUP PROCESSES AND PERSONAL POTENTIAL OF VOLUNTEERS: AN INTEGRATIVE SOCIO-PSYCHOLOGICAL MODEL

© Sergey S. Lamparov

Sergey S. Lamparov – PhD student, Institute of Pedagogy and Psychology, Moscow Pedagogical State University

E-mail: lamparov12@gmail.com

Address: 127051, 6 Maly Sukharevsky Lane, Moscow, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance of the study stems from the social significance of volunteerism as a mass movement and the need to understand the mechanisms of personal growth in a group context.

Purpose. Based on D. A. Leontiev's concept of personal potential and current advances in social psychology, we propose a model that considers meaning as a key mediator linking group processes to the development of individual psychological resources.

Results. We first clarify the concept of personal potential and its resource-functional structure, which includes three groups of psychological resources (self-determination, achievement, and preservation). Next, a volunteer group is analyzed as a special meaning-making environment that provides value cohesion and a "we-identity" among members. We highlight the multifaceted functions of personal meaning – goal-setting, support of self-regulation, and resilience – in volunteers' personal growth. The core of the paper describes a dual-circuit model comprising "meaning" and "regulatory" developmental circuits connected by a communicative-prosocial channel. Key mediating variables (meaningful involvement, collective efficacy, and trust/identity) and five socio-psychological mechanisms of group influence (meaning interiorization, affective co-regulation, efficacy calibration, normative habit integration, and communicative transduction of experience) are identified. We formulate the theoretical propositions and hypotheses of the model, underscoring the central mediating role of meaning in the "group – individual" linkage.

Conclusions. The proposed model expands the understanding of personality development in group settings and can serve as a basis for further empirical research and practical programs for supporting volunteer communities.

KEYWORDS: personal potential; volunteer activity; group processes; personal meaning; group identity; psychological resources; socio-psychological model.

REFERENCES

1. Azarova E.S. Psikhologicheskie determinanty i efekty dobrovol'cheskoi deyatel'nosti: monografiya [Psychological determinants and effects of volunteer activity: Monograph]. Khabarovsk: OAO Belovskiy poligrafist, 2008. 287 p. (In Russ.)
2. Asmolov A.G. Psikhologiya lichnosti: printsipy obshchepsikhologicheskogo analiza [Psychology of personality: principles of general psychological analysis]. Moscow: Smysl; Akademiya, 2002. 416 p. (In Russ.)
3. Vygotskii L.S. Sobranie sochinenii: v 6 t. T. 2: Problemy obshchei psikhologii [Collected works: in 6 volumes. Vol. 2: Problems of general psychology]. Moscow: Pedagogika, 1982. 504 p. (In Russ.)
4. Kretova U.P. Psikhologicheskie osobennosti motivatsionno-smyslovoi sfery lits, vklyuchennykh v volonterskuyu deyatel'nost' [Psychological characteristics of the motivational-meaning sphere of individuals involved in volunteer activity]. Vestnik KRAUNC. Gumanitarnye nauki, 2015, no. 1(25), pp. 44–50. (In Russ.)
5. Leont'ev D.A. (Ed.) Lichnostnyi potentsial: struktura i diagnostika [Personal potential: structure and diagnostics]. Moscow: Smysl, 2011. 680 p. (In Russ.)
6. Leont'ev D.A. Samoregulyatsiya, resursy i lichnostnyi potentsial [Self-regulation, resources and personal potential]. Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal, 2016, no. 62, pp. 18–37. (In Russ.)
7. Leont'ev D.A. Lichnostnyi potentsial: optika psikhologii [Personal potential: the optics of psychology]. Psikhologicheskaya gazeta, 28 July 2025. Available at: psy.su/feed/13174/ (Accessed 10.08.2025). (In Russ.)
8. Pevnaya M.V. Upravlenie volonterstvom: mezhdunarodnyi opyt i lokal'nye praktiki: monografiya [Volunteerism management: international experience and local practices: Monograph]. 2nd ed. Moscow: Yurait; Ekaterinburg: Ural Univ. Press, 2019. 433 p. (In Russ.)
9. Rubinshtein S.L. Osnovy obshchei psikhologii [Fundamentals of general psychology]. St. Petersburg: Piter, 1999. 720 p. (In Russ.)

10. Antonovsky A. Unraveling the Mystery of Health: How People Manage Stress and Stay Well. San Francisco: Jossey-Bass, 1987. 218 p.
11. Ashforth B.E., Mael F. Social identity theory and the organization. *Academy of Management Review*, 1989, vol. 14, no. 1, pp. 20–39.
12. Bandura A. Self-Efficacy: The Exercise of Control. New York: W.H. Freeman, 1997. 604 p.
13. Clary E.G., Snyder M., Ridge R.D., Copeland J., Stukas A.A., Haugen J., Miene P. Understanding and assessing the motivations of volunteers: a functional approach. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1998, vol. 74, no. 6, pp. 1516–1530.
14. Deci E.L., Ryan R.M. The “what” and “why” of goal pursuits: human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, vol. 11, no. 4, pp. 227–268.
15. Frankl V. Chelovek v poiskakh smysla [Man’s Search for Meaning]. Moscow: Progress, 1990. 372 p. (In Russ.)
16. Grube J.A., Piliavin J.A. Role identity, organizational experiences, and volunteer performance. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 2000, vol. 26, no. 9, pp. 1108–1119.
17. Hobfoll S.E. Conservation of resources: a new attempt at conceptualizing stress. *American Psychologist*, 1989, vol. 44, no. 3, pp. 513–524.
18. Lazarus R.S., Folkman S. Stress, Appraisal, and Coping. New York: Springer, 1984. 445 p.
19. Maddi S.R. Hardiness: the courage to grow from stresses. *Journal of Positive Psychology*, 2006, vol. 1, no. 3, pp. 160–168.
20. Nichol B., Wilson R., Rodrigues A., Haighton C. Exploring the effects of volunteering on the social, mental, and physical health and well-being of volunteers: an umbrella review. *Voluntas*, 2023, pp. 1–32.
21. Omoto A.M., Snyder M. Sustained helping without obligation: motivation, longevity of service, and perceived attitude change among AIDS volunteers. *Journal of Personality and Social Psychology*, 1995, vol. 68, no. 4, pp. 671–686.
22. Penner L.A. Dispositional and organizational influences on sustained volunteerism: an interactionist perspective. *Journal of Social Issues*, 2002, vol. 58, no. 3, pp. 447–467.
23. Putnam R.D. *Bowling Alone: The Collapse and Revival of American Community*. New York: Simon & Schuster, 2000. 544 p.
24. Thoits P.A., Hewitt L.N. Volunteer work and well-being. *Journal of Health and Social Behavior*, 2001, vol. 42, no. 2, pp. 115–131.
25. Wilson J. Volunteering. *Annual Review of Sociology*, 2000, vol. 26, pp. 215–240.

DOI: 10.21626/j-chr/2025-3(44)/5
УДК: 159.9

Социальная психология

СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ФАКТОРЫ АКАДЕМИЧЕСКОЙ УСПЕВАЕМОСТИ СТУДЕНТОВ МЕДИЦИНСКОГО ВУЗА

49

© А.А. Бакеева

Бакеева А.А. — Начальник управления по работе с абитуриентами, Российский национальный исследовательский медицинский университет имени Н.И. Пирогова

e-mail: chubko_aa@rsmu.ru

Адрес: 117513, Москва, ул. Островитянова, дом 1, строение 6, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Современное образование предъявляет высокие требования к самостоятельности, самоорганизации и ответственности студентов. Умение эффективно управлять своими действиями (саморегуляция) становится ключевым фактором успешного обучения.

Цель. Изучение взаимосвязи академической успеваемости с организованностью учебной группы (выступающей в качестве социально-психологического фактора), стилем саморегуляции поведения и учебной мотивацией (выступающих в качестве индивидуально-психологических факторов) студентов медицинского вуза

Материалы и методы. Общий объем исследовательской выборки составил 427 человек в возрасте 18-22 года, обучающиеся в медицинском вузе. Исследование осуществлялось с использованием аппаратурной методики «Арка» (А.С. Чернышев, С.В. Сарычев), опросника ССПМ (В.И. Моросановой), опросника академической мотивации ШАМ (авторы — О.А. Гордеева и соавт.).

Результат и выводы. В качестве социально-психологического фактора выступает организованность группы, в которой обучается студент – в группах с высоким уровнем организованности академическая успеваемость значительно выше, нежели в группах с низким уровнем организованности. В качестве индивидуально-психологических факторов выступают учебная мотивация и саморегуляция.

Выявленные статистически значимые взаимосвязи между показателями академической успеваемости и общим уровнем саморегуляции, а также между общим уровнем саморегуляции и мотивацией достижения, свидетельствуют о том, что в качестве цели, на которую ориентирована мотивация достижения, выступает высокий уровень академической успеваемости («хорошо учиться и получать хорошие оценки»).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: организованность группы; академическая успеваемость; саморегуляция; учебная мотивация.

№3 (44) 2025
www.j-chr.com

В современных условиях высшего образования, характеризующихся динамикой и применением новых технологий, актуальность изучения факторов, влияющих на успеваемость студентов, возрастает. Организованность учебной группы, характеризующая социально-психологические факторы, а также индивидуально-личностные особенности, такие как стиль саморегуляции и учебной мотивации, определяют эффективность обучения и, как следствие, академическую успеваемость студентов в целом. Анализ публикационной активности показал не стабильный, волнообразный интерес к исследуемой проблематике в период 2015–2024 гг., что отражается в увеличении количества публикаций в зарубежных базах данных (Lens). Это свидетельствует о нарастании актуальности темы в образовательной и академической среде.

Современное образование предъявляет высокие требования к самостоятельности, самоорганизации и ответственности студентов. Умение эффективно управлять своими действиями (саморегуляция) становится ключевым фактором успешного обучения. В условиях постоянно меняющейся образовательной среды и требовательного рынка труда, умение студентов адаптироваться, регулировать свои действия и поддерживать мотивацию становятся ключевыми для успеха в будущем. Развитие навыков саморегуляции – это не только инструмент достижения академических успехов, но и важнейший фактор личностного развития. Понимание влияния саморегуляции на мотивацию к обучению позволит разработать эффективную стратегию развития этих навыков у студентов медицинского вуза.

Актуальность исследования обусловлена несколькими аспектами.

Во-первых, рост объема дистанционного и смешанного обучения – новые образовательные форматы предъявляют повышенные требования к самоорганизации студентов и группы. Изучение взаимосвязи организованности группы, стиля саморегуляции и учебной мотивации с успеваемостью становится критически важным для оптимизации учебного процесса в новых условиях.

Во-вторых, увеличение нагрузки и стресса: высокий уровень учебной нагрузки и связанного с ней стресса может негативно сказываться на академической успеваемости студентов. Организованная учебная группа способна снизить уровень стресса и создать поддерживающую атмосферу, способствуя более эффективному усвоению материала и достижения лучших результатов.

В-третьих, недостаток методологических разработок: несмотря на значимость организованности учебной группы, а также таких индивидуально-психологических особенностей, как стиль саморегуляции и учебная мотивация, недостаточно представлены в результатах эмпирических исследований, посвященных этой взаимосвязи в условиях современных реалий.

В-четвертых, потребность в практических рекомендациях: результаты проведенного исследования выступают в качестве основания разработки практических рекомендаций для организации образовательного процесса. Понимание исследуемых взаимосвязей поможет формировать более эффективные образовательные стратегии, способствующие как повышению успеваемости, так и формированию умений и навыков самоорганизации и саморегуляции студентов.

В-пятых, формирование навыков самоорганизации: изучение организованности группы, а также стиля саморегуляции и учебной мотивации, могут составить основание для развития навыков самоорганизации у студентов, что будет полезно не только в образовательной сфере, но и в дальнейшем профессиональном пути.

Методологическими основаниями представляемого исследования выступают положения параметрической теории малых групп и коллективов Л.И. Уманского и А.С. Чернышева; положения теории самодетерминации Э. Деси, Р. Райана; а также положения

теории саморегуляции поведения В.И. Моросановой.

Л.И. Уманский и А.С. Чернышев описали структуру малых групп и коллективов. Они выделяют три блока социальной группы, связанных с влиянием на психологию группы общественной идеологии, личностных особенностей членов группы и социально-психологических общих качеств, возникающих в результате взаимодействия и взаимоотношений индивидов между собой, со своей и другими группами. Структура социальной группы: общественный блок (подструктуры социальной направленности, организованности и подготовленности, отражающими соответственно идеологическую, управленческую и профессионально-деловую сферы групповой жизнедеятельности); личностный блок (подструктуры интеллектуальной, эмоциональной и волевой коммуникативности, отражающими три стороны сознания входящих в группу личностей и соответствующих сфер жизнедеятельности группы); блок социально-психологических общих качеств (подструктуры интегративность, микроклимат, референтность, лидерство, интрагрупповая активность, интергрупповая активность). Сущность организованности группы состоит в реальной, эффективной способности группы к самоуправлению – групповой самоуправляемости (А.С. Чернышев). Являясь управленческой сферой группового сознания, организованность характеризуется через общие качества: организационную интеграцию управленческих функций членов группы, их организационную сплоченность; организационную эталонность, референтность группы для ее членов; организационный микроклимат – эмоциональную комфортность, удовлетворенность членов группы ее организованностью; способность группы активизировать своих членов в организационном отношении, в самоуправлении группой; организационное лидерство; организационную активность по отношению к другим группам в более широкой общности.

В рамках настоящего исследования саморегуляция рассматривается как интегративное качество личности, обеспечивающее целенаправленное и осознанное управление учебной деятельностью (В.И. Моросанова). Согласно содержательно и методологически с положениями теории В.И. Моросановой, теория внутренней мотивации и самодетерминации Э. Деси и Р. Райана указывает на то, что фактором успешной деятельности является внутренняя мотивация, которая основывается на врожденных потребностях в компетентности и самодетерминации. Субъект рассматривается как активный, осознанный и целенаправленный участник деятельности, для которого важны личностная автономия, внутренняя мотивация и способность к самоуправлению. Оба подхода подчеркивают роль внутренних ресурсов личности в регуляции поведения и достижении целей, а также признают значимость среды как поддерживающего или фрустрирующего фактора

Целью исследования является изучение взаимосвязи академической успеваемости с организованностью учебной группы (выступающей в качестве социально-психологического фактора), стилем саморегуляции поведения и учебной мотивацией (выступающих в качестве индивидуально-психологических факторов) студентов медицинского вуза.

Материалы и методы. Общий объем исследовательской выборки составил 427 человек мужского и женского пола (319 девушек и 108 юношей) в возрасте 18-22 года (средний возраст составил $20,3 \pm 1,86$ лет). Все респонденты являлись учащимися медицинского вуза. Участие в исследовании осуществлялось на условиях письменного информированного согласия.

Организация исследования реализовывалась последовательно в четыре этапа. Задачей первого этапа являлась оценка организованности учебных студенческих групп. На данном этапе приняли участие 20 студенческих групп численностью 18-24 человека с использованием аппаратной методики «Арка» (А.С. Чернышев, С.В. Сарычев), позволяющей оценить такие параметры, как коэффициент организованности группы и

среднее время выполнения задания.

На втором этапе решалась задача оценки стиля саморегуляции, а также учебной мотивации. Решение поставленной задачи осуществлялось с использованием опросника ССПМ (В.И. Моросановой), отражающий структуру саморегуляционного процесса; опросник академической мотивации ШАМ (авторы — О.А. Гордеева и соавт.), адаптированный к российскому контексту, который базируется на теории самодетерминации.

На третьем этапе решалась эмпирическая задача оценки академической успеваемости студентов медицинского вуза с использованием архивного метода. Расчет показателей академической успеваемости осуществлялся как среднее арифметическое значения академического рейтинга каждого студента за последнюю сессию (рейтинг по каждой дисциплине рассчитывался исходя из 100-балльной шкалы).

Задачей четвертого этапа являлась оценка взаимосвязей показателей академической успеваемости с организованностью учебной группы (выступающей в качестве социально-психологического фактора), стилем саморегуляции поведения и учебной мотивацией (выступающих в качестве индивидуально-психологических факторов) студентов медицинского вуза.

Количественная оценка осуществлялась с использованием методов описательной (среднее арифметическое; дисперсия; стандартное отклонение; мода; медиана; размах; межквартильный размах), сравнительной (непараметрический U-критерий Манна-Уитни, $p < 0,05$) и корреляционной (г-критерий ранговой корреляции Спирмена) статистики.

Результаты и их обсуждение.

Решая задачу оценки организованности учебных студенческих групп с использованием аппаратной методики «Арка», для каждой группы нами были зафиксированы два показателя: коэффициент организованности учебной студенческой группы и время выполнения задания (таблица 1).

Таблица 1. Показатели средних тенденций организованности группы студентов медицинского вуза
Table 1. Indicators of average trends in the organization of a group of students at a medical university

Показатели	Ср.	М	Md	R	Qr	d	std
L — коэффициент состояния организованности	0,31	0,32	0,34	0,21	0,07	0,003	0,05
T — время выполнения задачи (сек)	63,55	59,29	56,62	44,1	14,99	136,94	11,7

Примечание. ср. — среднее арифметическое; d — дисперсия; std — стандартное отклонение; Md — мода; M — медиана; R — размах; Qr — межквартильный размах.

На основании полученных результатов в зависимости от выявленного уровня организованности группы были сформированы три исследовательские выборки: группы с высоким уровнем организованности — 5; группы со средним уровнем организованности — 12; группы с низким уровнем организованности — 3.

Далее, на следующем этапе, осуществлялась оценка показателей саморегуляции и академической мотивации по группам студентов с разным уровнем организованности. В результате достоверно установлено, что у студентов наиболее развиты такие компоненты саморегуляции, как программирование действий и гибкость, тогда как самостоятельность является наименее выраженным и наиболее вариативным показателем. Большинство студентов демонстрируют средний уровень общего саморегуляционного потенциала, но присутствует и доля с низкими значениями.

Анализируя показатели саморегуляции у студентов медицинского вуза, обучающихся в учебных группах с разным уровнем организованности, достоверно установлено, что студенты, обучающиеся в группах с высоким уровнем организованности, характеризуются более высокими показателями саморегуляции в сравнении со студентами, обучающимися в группах со средним и низким уровнем организованности на уровне средних тенденций (таблица 2).

Минимальные показатели саморегуляции выявлены у студентов, обучающихся в ме-

Таблица 2. Показатели средних тенденций компонентов саморегуляции студентов медицинского вуза, обучающихся в группах с разным уровнем организованности

Table 2. Indicators of average trends of self-regulation components of medical university students studying in groups with different levels of organization

Показатели	Ср.	М	Md	R	Qr	d	std
Группы с высоким уровнем организованности							
Планирование	6,51	7	8	7	3	3,22	1,79
Моделирование	6,82	7	7	7	4	3,33	1,82
Программирование	6,57	7	8	4	2	1,32	1,15
Оценивание результатов	6,89	7	7	5	2	1,51	1,23
Гибкость	6,95	8	8	6	3	3,36	1,83
Самостоятельность	5,02	4	4	9	5	4,22	2,05
Общий уровень саморегуляции	32	31	26	20	10	22,71	4,77
Группы со средним уровнем организованности							
Планирование	5,81	6	8	7	3	3,39	1,84
Моделирование	5,85	6	7	7	4	4,13	2,03
Программирование	6,41	7	7	4	1	1,64	1,28
Оценивание результатов	6,07	6	6	5	2	1,99	1,41
Гибкость	6,37	7	8	6	3	3,40	1,84
Самостоятельность	4,04	3	3	8	4	5,27	2,30
Общий уровень саморегуляции	30	30	25	19	9	24,85	4,98
Группы с низким уровнем организованности							
Планирование	4,97	5	7	6	2	2,16	1,47
Моделирование	5,85	5	6	6	3	3,11	1,77
Программирование	6,41	6	6	3	1	1,18	1,09
Оценивание результатов	6,07	5	5	4	1	1,24	1,11
Гибкость	6,37	6	7	5	2	2,31	1,52
Самостоятельность	4,04	2	2	7	3	2,12	1,46
Общий уровень саморегуляции	27	27	22	17	8	22,15	4,71

Примечание. ср. — среднее арифметическое; d — дисперсия; std — стандартное отклонение; Md — мода; М — медиана; R — размах; Qr — межквартильный размах.

дицинском вузе в учебных группах с низкой организованностью. В результате оценки значимости различий с использованием критерия Манна-Уитни через процедуру парного сравнения (с учетом поправки Бонферрони) статистически значимых различий ни по одному из исследуемых параметров саморегуляции выявлено не было.

Отсутствие статистически значимых различий показателей саморегуляции у студентов, обучающихся в группах с разным уровнем организованности позволяет нам констатировать неоднородность развития регуляторных процессов у студентов медицинского вуза.

48% испытуемых имеют средний уровень сформированности процесса планирования. Это свидетельствует о том, что у большинства студентов сформирована базовая потребность в планировании, однако их планы не всегда отличаются достаточной детализированностью и устойчивостью. Студенты в целом способны выделять значимые условия достижения целей, которые характеризуют регуляторный показатель моделирования, однако эта способность не достигает высокого уровня развития также у 48% студентов. Это означает, что часть студентов испытывает трудности с адекватной оценкой условий деятельности, что может негативно сказываться на успешности их действий в изменяющихся обстоятельствах. По шкале программирования действий зафиксировано преобладание среднего уровня развитости этого аспекта саморегуляции: 67% испытуемых демонстрируют базовую способность продумывать последовательность своих действий, однако их программы не всегда отличаются достаточной развернутостью и гибкостью. Результаты по шкале оценивания результатов свидетельствуют о среднем уровне развития способности к адекватной самооценке и анализу результатов деятельности. По данному показателю самоорганизации выявляется самое меньшее количество студентов с низким уровнем его развитости. Большинство испытуемых имеет сформированные субъективные критерии оценивания результатов своей деятельности. По показателю гибкости большинство студентов имеют средней (44%) и высокий (33%) уровень сформированности навыка адаптировать свои планы и программы к изменяющимся условиям. Однако, данный показатель является неоднородным. Относительно низкий результат фиксируется по показателю самостоятельности. Большая часть студентов (52%) имеют низкий уровень автономности при постановке целей и осуществлении деятельности. Такой результат свидетельствует о том, что многие испытуемые демонстрируют зависимость от внешних мнений и оценок, снижение критичности к мнению окружающих. Показатели общего уровня саморегуляции соответствуют умеренному развитию регуляторных способностей. Однако, несмотря на отсутствие статистически значимых различий, можем констатировать высокую вариативность данного показателя среди студентов медицинского вуза.

Анализ выраженности учебной мотивации у студентов медицинского вуза, обучающихся в группах с разным уровнем организованности, показал доминирование внутренней мотивации – стремления к познанию и саморазвитию. При этом показатели экстернальной мотивации и амотивации были существенно ниже, что свидетельствует о преобладании личностно значимых и устойчивых учебных мотивов (таблица 3).

В результате оценки значимости различий достоверно установлено, что показатель мотивации познания студентов медицинского вуза, обучающихся в группах с высоким уровнем организованности, значимо выше как при сравнении со студентами, обучающимися в группах со средним уровнем организованности ($p=0,021^*$), так и при сравнении со студентами, обучающимися в группах с низким уровнем организованности ($p=0,034^*$). Данный показатель свидетельствует о достаточно выраженной познавательной активности у студентов, их стремлении к получению новых знаний и интеллектуальному развитию при обучении в хорошо организованной группе.

По остальным показателям статистически значимых различий выявлено не было. Средний уровень мотивации достижения студентов медицинского вуза, вне зависимости от того, в группе с каким уровнем организованности они обучаются, характеризует умеренную выраженность стремления к успеху и высоким результатам у испытуемых. При этом, можем говорить о разнородности выборки в целом по данному параметру. Показатели мотивации саморазвития соответствуют у большинства высокому и среднему уровню, что отражает стремление студентов к личностному росту и самосовершенствованию.

Таблица 3. Показатели средних тенденций выраженности учебной мотивации студентов медицинского вуза, обучающихся в группах с разным уровнем организованности

Table 3. Indicators of average trends in the expression of academic motivation of medical university students studying in groups with different levels of organization

Показатели	Ср.	М	Md	R	Qr	d	std
Группы с высоким уровнем организованности							
Мотивация познания	19,10	18	17	8	3	6,08	2,47
Мотивация достижения	14,62	17	17	10	5	8,65	2,94
Мотивация саморазвития	15,43	18	21	10	5	9,61	3,10
Мотивация самоуважения	12,04	12	12	14	6	19,03	4,36
Интроецированная мотивация	10,22	11	9	15	7	16,12	4,01
Экстернальная мотивация	9,86	10	10	12	5	12,08	3,48
Амотивация	4,97	5	5	6	3	5,62	2,37
Группы со средним уровнем организованности							
Мотивация познания	17,19	17	16	9	3	5,08	2,25
Мотивация достижения	15,48	16	17	11	5	9,64	3,11
Мотивация саморазвития	16,33	17	20	11	5	9,69	3,11
Мотивация самоуважения	12,96	12	12	15	7	19,34	4,40
Интроецированная мотивация	11,41	11	8	15	7	17,02	4,13
Экстернальная мотивация	10,56	10	10	13	5	12,03	3,47
Амотивация	5,78	5	4	7	3	5,33	2,31
Группы с низким уровнем организованности							
Мотивация познания	16,04	16	15	8	2	4,27	2,07
Мотивация достижения	14,21	15	16	10	4	8,34	2,89
Мотивация саморазвития	15,12	16	18	10	4	8,36	2,89
Мотивация самоуважения	14,26	13	13	14	6	17,21	4,15
Интроецированная мотивация	10,21	10	9	14	6	15,02	3,88
Экстернальная мотивация	8,97	9	9	12	4	11,17	3,34
Амотивация	3,92	4	4	6	2	4,26	2,06

Примечание. ср. — среднее арифметическое; d — дисперсия; std — стандартное отклонение; Md — мода; М — медиана; R — размах; Qr — межквартильный размах.

Результаты по шкале самоуважения демонстрируют средний уровень выраженности данного вида мотивации. Преобладание среднего уровня интроецированной мотивации в выборке (67%) указывает на умеренную выраженность внутреннего давления и чувства долга у испытуемых. Аналогична доля студентов (67%) с преобладанием экстернальной мотивации, что указывает на тенденцию среди студентов оценивать ситуацию учебной деятельности как вынужденную, обусловленную необходимостью следовать требованиям, диктуемым социумом. Данное долевое распределение по показателям интроецированной и экстернальной мотивации свидетельствует о мотивационной неустойчивости и

ситуативности (зависимости от внешних факторов и условий, одним из которых и выступает организованность учебной группы, в которой обучается студент). Большая часть данных по шкале амотивации соответствует низкому уровню выраженности, что говорит преобладании осмысленности учебной деятельности у студентов медицинского вуза.

Решая задачу оценки академической успеваемости студентов медицинского вуза, было установлено, что студенты медицинского вуза, обучающиеся в группах с высоким уровнем организованности, в преобладающем большинстве имеют оценки «отлично». Студенты, обучающиеся в группах со средним уровнем организованности, демонстрируют равное количество оценок «хорошо» и «отлично». Академическая успеваемость студентов, обучающихся в группах с низким уровнем организованности, характеризуется преобладанием оценок «хорошо» по результатам прохождения промежуточной аттестации (таблица 4).

Таблица 4. Показатели средних тенденций академической успеваемости студентов медицинского вуза, обучающихся в группах с разным уровнем организованности

Table 4. Indicators of average trends in academic performance of medical students studying in groups with different levels of organization

Показатели академической успеваемости студентов	Ср.	М	Md	R	Qr	d	std
Группы с высоким уровнем организованности	88,29	88,54	неск	6,24	3,07	4,422	2,10
Группы со средним уровнем организованности	86,59	86,86	неск	7,89	3,04	4,424	2,10
Группы с низким уровнем организованности	83,16	83,22	неск	5,29	3,09	4,432	2,11

Примечание. ср. — среднее арифметическое; d — дисперсия; std — стандартное отклонение; Md — мода; М — медиана; R — размах; Qr — межквартильный размах; неск. — несколько мод

Статистически значимые различия по исследуемому показателю выявлены только между студентами, обучающимися в группах с высоким и низким уровнем организованности ($p=0,011^*$).

Следующим этапом осуществлялась оценка взаимосвязей показателей академической успеваемости, показателей саморегуляции и учебной мотивации студентов медицинского вуза, обучающихся в группах с разным уровнем организованности с использованием процедуры корреляционного анализа.

Общий уровень саморегуляции имеет значимые прямопропорциональные взаимосвязи с мотивацией достижения и академической успеваемостью у студентов медицинского вуза вне зависимости от уровня организованности групп, в которых они обучаются, что подчеркивает важность саморегуляции при стремлении к высоким результатам (Рис. 1). Отсутствие статистически значимых взаимосвязей между саморегуляцией и амотивацией во всех исследуемых группах не выявлено, что свидетельствует о том, что низкая саморегуляция не обязательно связана с отсутствием мотивации.

В группах студентов с высоким уровнем организованности выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между показателями мотивации достижения с регуляторными процессами планирования и программирования; между показателями мотивации познания и гибкостью; между показателями самостоятельности и мотивации саморазвития. В группах студентов со средним уровнем организованно-

Рисунок 1. Схема взаимосвязей показателей академической успеваемости, показателей саморегуляции и учебной мотивации студентов медицинского вуза, обучающихся в группах с разным уровнем организованности

Figure 1. Diagram of the relationships between indicators of academic performance, indicators of self-regulation and academic motivation of medical university students studying in groups with different levels of organization

сти установлено: программирование действий прямо пропорционально коррелирует с мотивацией познания, мотивацией достижения и мотивацией саморазвития, что означает: продумывание последовательности действий для достижения поставленной цели связано с получением удовольствия от новых знаний, достижением высоких результатов и стремлением к чувству компетентности. В группах студентов с низким уровнем организованности выявлена статистически значимая прямо пропорциональная взаимосвязь между показателем академической успеваемости и интроецированной мотивации, характеризующей побуждение к учебной деятельности, обусловленное чувством долга перед собой и другими значимыми людьми (преимущественно родителями); обратно пропорциональная статистически значимая взаимосвязь выявлена между показателями планирования и экстернальной мотивацией, а также между показателями программирования и интроецированной мотивацией.

Выводы. В результате проведенного исследования установлено, что академическая успеваемость студентов медицинского вуза определяется как социально-психологическими, так и индивидуально-психологическими факторами. В качестве социально-психологического фактора выступает организованность группы, в которой обучается студент – в группах с высоким уровнем организованности академическая успеваемость значительно выше, нежели в группах с низким уровнем организованности. Данный факт указывает на то, что комфортный климат и последовательное взаимодействие членов группы создают благоприятные условия для реализации познавательной мотивации, что, в свою очередь, обеспечивает высокие показатели успеваемости.

Выявленные статистически значимые взаимосвязи между показателями академической успеваемости и общим уровнем саморегуляции, а также между общим уровнем саморегуляции и мотивацией достижения, свидетельствуют о том, что в качестве цели, на которую ориентирована мотивация достижения, выступает высокий уровень академической успеваемости («хорошо учиться и получать хорошие оценки»).

ЛИТЕРАТУРА

1. Гордеева, Т. О. Опросник «Шкалы академической мотивации» (ШАМ) / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин // Психологический журнал. — 2014. — Т. 35. — № 4. — С. 96–107. Текст : непосредственный
2. Гордеева, Т. О. Стратегии самомотивации: качество внутреннего диалога важно для благополучия и академической успешности / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев // Психологическая наука и образование. — 2021. — Т. 26. — № 5. — С. 6–16. — DOI: 10.17759/pse.2021260501. Текст : непосредственный
3. Гордеева, Т. О. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: их источники и влияние на психологическое благополучие / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин // Вопросы психологии. — 2013. — № 1. — С. 35–45. Текст : непосредственный
4. Гордеева, Т. О. Внутренняя и внешняя учебная мотивация студентов: их источники и влияние на психологическое благополучие / Т. О. Гордеева, О. А. Сычев, Е. Н. Осин // Вопросы психологии. — 2013. — № 1. — С. 35–45. Текст : непосредственный
5. Дергачева, О. Е. Автономия и самодетерминация в психологии мотивации: теория Э. Деси и Р. Райана / О.Е. Дергачева // Современная психология мотивации; под ред. Д. А. Леонтьева. — М.: Смысл, 2002. — С. 103–122. Текст : непосредственный
6. Конопкин, О. А. Осознанная саморегуляция как критерий субъектности // Вопросы психологии / О.А. Конопкин. — 2008. — № 3. — С. 22–34. Текст : непосредственный
7. Конопкин, О. А. Стилевые особенности саморегуляции деятельности / О.А. Конопкин, В.И. Моросанова // Вопросы психологии. — 1989. — № 5. — С. 18–26. Текст : непосредственный
8. Моросанова, В. И. Стилевая саморегуляция поведения человека / В.И. Моросанова, Е.М. Коноз // Вопросы психологии. — 2000. — № 2. — С. 118–127. Текст : непосредственный
9. Моросанова, В. И. Личностные аспекты саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова // Психологический журнал. — 2002. — Т. 23. — № 6. — С. 5–17. Текст : непосредственный
10. Моросанова, В. И. Опросник «Стиль саморегуляции поведения» (ССПМ): Руководство пользователя / В.И. Моросанова. — М., 2004. — 123 с. Текст : непосредственный
11. Моросанова, В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В.И. Моросанова. Текст : электронный // Вестник Московского университета. Серия 14. Психология. — 2010. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-osobennosti-osoznannoy-samoregulyatsii-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka> (дата обращения: 21.03.2025).
12. Суворова, И. Ю. Эмпирическая проверка модели мотивации Э. А. Деси и Р. М. Райана на примере студентов / И. Ю. Суворова, А. В. Громова, А. С. Толстова // Системная психология и социология. — 2023. — № 4 (48). — С. 102–114. — DOI: 10.25688/2223-6872.2023.48.4.08. Текст : непосредственный
13. Чернышев, А. С. Параметрическая теория коллектива: история создания и тенденции развития / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев. - Текст : электронный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. - 2009. - №3 (11) — URL : <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/11> (дата обращения: 21.03.2025).
14. Сарычев С.В. Внутригрупповое и межгрупповое взаимодействие в студенческих группах разного социально-психологического статуса / С.В. Сарычев, М.И. Логвинова. - Текст : электронный // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Проблемы высшего образования. - 2025. - № 1. - С. 54-58. — URL : <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2025/01/2025-01-11.pdf> (дата обращения: 21.03.2025).
15. Сарычев, С.В. Ориентировка и саморегуляция деятельности группового субъекта в

напряженных условиях / С.В. Сарычев, С.В. Хусаинова, П.В. Лебедчук. Текст : электронный // Казанский педагогический журнал. - 2021. - № 3 (146). - С. 255-261. – URL :c https://kpedj.ru/upload/iblock/aeb/0rkngq8l9qce6sotj2i4j61d7j67e71p/kpj_2021_3.pdf (дата обращения: 21.03.2025).

16. Чернышев, А.С. Социально-психологическая модель учебной группы как субъекта жизнедеятельности / А. С. Чернышев, С. В. Сарычев. - Текст : электронный // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. - 2015. - № 2 (34). - С. 189-198. - URL : [file:///C:/Users/User/Downloads/pdf_039-033%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/pdf_039-033%20(1).pdf) (дата обращения: 21.03.2025).

17. Ryan, R. M., Deci, E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55(1), 68–78.

18. Ryan, R. M., Deci, E. L. (2002). Overview of self-determination theory: An organismic dialectical perspective. In E. L. Deci, R. M. Ryan (Eds.), *Handbook of self-determination research* (pp. 3–33). Rochester, NY: University of Rochester Press.

19. Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 1985, 19(2), 109–134.

20. Deci E.L., Ryan R.M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, 11(4), 227–268.

Получена: 12.05.2025 г.

Принята к публикации: 12.09.2025 г.

SOCIO-PSYCHOLOGICAL AND INDIVIDUAL-PSYCHOLOGICAL FACTORS OF ACADEMIC PERFORMANCE AMONG MEDICAL STUDENTS

© Alla A. Bakeeva

Alla A. Bakeeva — Head of the Department for Work with Applicants, Russian National Research Medical University named after N.I. Pirogov

e-mail: chubko_aa@rsmu.ru

Address: 117513, Moscow, Ostrovityanova St., Building 1, Building 6, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Modern education places high demands on students' independence, self-organization, and responsibility. The ability to effectively manage one's actions (self-regulation) becomes a key factor in successful learning.

Purpose. The study of the relationship between academic performance and the organization of the study group (acting as a socio-psychological factor), the style of self-regulation of behavior and educational motivation (acting as individual psychological factors) of medical university students

Materials and methods. The total size of the research sample was 427 people aged 18-22 years studying at a medical university. The study was carried out using the Arka hardware methodology (A.S. Chernyshev, S.V. Sarychev), the SSPM questionnaire (V.I. Morosanova), and the SHAM academic motivation questionnaire (authors: O.A. Gordeeva et al.).

The results and conclusions. The socio-psychological factor is the organization of the group in which the student studies – in groups with a high level of organization, academic performance is significantly higher than in groups with a low level of organization. Educational motivation and self-regulation act as individual psychological factors.

The revealed statistically significant correlations between academic performance indicators and the general level of self-regulation, as well as between the general level of self-regulation and achievement motivation, indicate that a high level of academic achievement ("study well and get good grades") is the goal that achievement motivation is focused on.

KEYWORDS: group organization; academic performance; self-regulation; educational motivation.

REFERENCES

1. Gordeeva, T. O. Oprosnik «Shkaly akademicheskoy motivacii» (ShAM) / T. O. Gordeeva, O. A. Sychev, E. N. Osin // Psihologicheskij zhurnal. — 2014. — T. 35. — № 4. — S. 96–107. Tekst : neposredstvennyj
2. Gordeeva, T. O. Strategii samomotivacii: kachestvo vnutrennego dialoga vazhno dlya blagopoluchiya i akademicheskoy uspešnosti / T. O. Gordeeva, O. A. Sychev // Psihologicheskaya nauka i obrazovanie. — 2021. — T. 26. — № 5. — S. 6–16. — DOI: 10.17759/pse.2021260501. Tekst : neposredstvennyj
3. Gordeeva, T. O. Vnutrennyaya i vneshnyaya uchebnaya motivaciya studentov: ih istochniki i vliyanie na psihologicheskoe blagopoluchie / T. O. Gordeeva, O. A. Sychev, E. N. Osin // Voprosy psihologii. — 2013. — № 1. — S. 35–45. Tekst : neposredstvennyj
4. Gordeeva, T. O. Vnutrennyaya i vneshnyaya uchebnaya motivaciya studentov: ih istochniki i vliyanie na psihologicheskoe blagopoluchie / T. O. Gordeeva, O. A. Sychev, E. N. Osin // Voprosy psihologii. — 2013. — № 1. — S. 35–45. Tekst : neposredstvennyj
5. Dergacheva, O. E. Avtonomiya i samodeterminaciya v psihologii motivacii: teoriya E. Desi i R. Rajana / O.E. Dergacheva // Sovremennaya psihologiya motivacii; pod red. D. A. Leont'eva. — M.: Smysl, 2002. — S. 103–122. Tekst : neposredstvennyj
6. Konopkin, O. A. Osoznannaya samoregulyaciya kak kriterij sub"ektnosti // Voprosy psihologii / O.A. Konopkin. — 2008. — № 3. — S. 22–34. Tekst : neposredstvennyj
7. Konopkin, O. A. Stilevyje osobennosti samoregulyacii deyatel'nosti / O.A. Konopkin, V.I. Morosanova // Voprosy psihologii. — 1989. — № 5. — S. 18–26. Tekst : neposredstvennyj
8. Morosanova, V. I. Stilevaya samoregulyaciya povedeniya cheloveka / V.I. Morosanova, E.M. Konoz // Voprosy psihologii. — 2000. — № 2. — S. 118–127. Tekst : neposredstvennyj
9. Morosanova, V. I. Lichnostnye aspekty samoregulyacii proizvol'noj aktivnosti cheloveka / V.I. Morosanova // Psihologicheskij zhurnal. — 2002. — T. 23. — № 6. — S. 5–17. Tekst : neposredstvennyj
10. Morosanova, V. I. Oprosnik «Stil' samoregulyacii povedeniya» (SSPM): Rukovodstvo pol'zovatelya

/ V.I. Morosanova. — М., 2004. — 123 с. Текст : непосредственный

11. Morosanova, V. I. Individual'nye osobennosti osoznannoy samoregulyacii proizvol'noj aktivnosti cheloveka / V.I. Morosanova. Текст : электронный // Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14. Psihologiya. — 2010. — № 1. — URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/individualnye-osobennosti-osoznannoy-samoregulyatsii-proizvolnoy-aktivnosti-cheloveka> (data obrashcheniya: 21.03.2025).

12. Suvorova, I. Yu. Empiricheskaya proverka modeli motivacii E. L. Deci i R. M. Rajana na primere studentov / I. Yu. Suvorova, A. V. Gromova, A. S. Tolstova // Sistemnaya psihologiya i sociologiya. — 2023. — № 4 (48). — С. 102–114. — DOI: 10.25688/2223-6872.2023.48.4.08. Текст : непосредственный

13. Chernyshev, A. S. Parametricheskaya teoriya kollektiva: istoriya sozdaniya i tendencii razvitiya / A. S. Chernyshev, S. V. Sarychev. - Текст : электронный // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2009. - №3 (11) – URL : <https://tl-ic.kursksu.ru/magazine/archive/number/11> (data obrashcheniya: 21.03.2025).

14. Sarychev S.V. Vnutrigrupповое i mezhhрупповое vzaimodejstvie v studencheskih gruppah raznogo social'no-psihologicheskogo statusa / S.V. Sarychev, M.I. Logvinova. - Текст : электронный // Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Problemy vysshego obrazovaniya. - 2025. - № 1. - С. 54-58. – URL : <http://www.vestnik.vsu.ru/pdf/educ/2025/01/2025-01-11.pdf> (data obrashcheniya: 21.03.2025).

15. Sarychev, S.V. Orientirovka i samoregulyaciya deyatel'nosti gruppovogo sub"ekta v napryazhennyh usloviyah / S.V. Sarychev, S.V. Husainova, P.V. Lebedchuk. Текст : электронный // Kazanskij pedagogicheskij zhurnal. - 2021. - № 3 (146). - С. 255-261. – URL : https://kpedj.ru/upload/iblock/aeb/0rkngq8l9qqe6sot-j2i4j61d7j67e71p/kpj_2021_3.pdf (data obrashcheniya: 21.03.2025).

16. Chernyshev, A.S. Social'no-psihologicheskaya model' uchebnoj gruppy kak sub"ekta zhiznedeyatel'nosti / A. S. Chernyshev, S. V. Sarychev. - Текст : электронный // Uchenye zapiski. Elektronnyj nauchnyj zhurnal Kurskogo gosudarstvennogo universiteta. - 2015. - № 2 (34). - С. 189-198. - URL : [file:///C:/Users/User/Downloads/pdf_039-033%20\(1\).pdf](file:///C:/Users/User/Downloads/pdf_039-033%20(1).pdf) (data obrashcheniya: 21.03.2025).

17. Ryan, R. M., Deci, E. L. (2000). Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychologist*, 55(1), 68–78.

18. Ryan, R. M., Deci, E. L. (2002). Overview of self-determination theory: An organismic dialectical perspective. In E. L. Deci, R. M. Ryan (Eds.), *Handbook of self-determination research* (pp. 3–33). Rochester, NY: University of Rochester Press.

19. Deci E.L., Ryan R.M. The general causality orientations scale: Self-determination in personality. *Journal of Research in Personality*, 1985, 19(2), 109–134.

20. Deci E.L., Ryan R.M. The "what" and "why" of goal pursuits: Human needs and the selfdetermination of behavior. *Psychological Inquiry*, 2000, 11(4), 227–268.

Received: 12.05.2025

Accepted: 12.09.2025

DOI: 10.21626/j-chr/2025-3(44)/6
УДК: 796.071.424.4

Педагогическая психология

ИЗУЧЕНИЕ ЭМОЦИОНАЛЬНОГО ИНТЕЛЛЕКТА И ПЕДАГОГИЧЕСКИХ СПОСОБНОСТЕЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА

© Е.А. Сорокоумова, Т.Н. Скрябина, Е.А. Кобзев, О.Г. Федоров, В.К. Виттенбек

Сорокоумова Е.А. - доктор психологических наук, профессор кафедры психологии труда и психологического консультирования, ФГБОУ ВО МПГУ «Московский педагогический государственный университет»

e-mail: cea51@mail.ru

Скрябина Т.Н. – магистр, ФГБОУ ВО МПГУ «Московский педагогический государственный университет»

e-mail: t_skryabina@internet.ru

Адрес: 119435, Москва, ул. Малая Пироговская, д. 1, стр. 1, Российская Федерация

Кобзев Е.А. – кандидат психологических наук, старший преподаватель кафедры начального образования, ФГАУ ВО ГУП «Государственный университет просвещения»

e-mail: g.kobzew@yandex.ru

Федоров О.Г. - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры начального образования, ФГАУ ВО ГУП «Государственный университет просвещения»

e-mail: og.fedorov@guppros.ru

Виттенбек В.К. - кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры начального образования, ФГАУ ВО ГУП «Государственный университет просвещения»

e-mail: v.vittenbek@mail.ru

Адрес: 105005, Москва, ул. Радио, д. 10А, стр. 2, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Присутствие эмоционального интеллекта, наличие эмоциональной компетентности специалиста в различных сферах деятельности и коммуникации определяет его профессиональную и личностную успешность. Современные исследования показывают, что для педагогов высокая психоэмоциональная культура является необходимым атрибутом эффективности в работе с обучающимися. Создаются объективные условия изучения взаимосвязи выраженности эмоционального интеллекта и педагогического мастерства. В практике обучения и образования студентов должны быть использованы методы более подробного знакомства с проявлениями, факторами наличия и развития эмоционального интеллекта. Это может способствовать увеличению уровня педагогических способностей обучающихся и в дальнейшем обеспечить высокую продуктивность работы в школе.

Цель. Обозначить показатели способностей к педагогической деятельности, уровня развития эмоционального интеллекта у обучающихся. Проанализировать взаимосвязь уровня развития эмоционального интеллекта и педагогических способностей студентов вуза.

Материалы и методы. В пилотажном психодиагностическом исследовании приняло участие 37 студентов-бакалавров. Психодиагностика способностей к педагогической деятельности у студентов осуществлялась с помощью опросника определения степени выраженности педагогических способностей А.Н. Аминова. Для изучения особенностей эмоционального интеллекта у испытуемых использовался опросник эмоционального интеллекта «Эмин» (Д.В. Люсин). Взаимосвязь уровня развития педагогических способностей и эмоционального интеллекта обозначалась и описывалась с применением корреляции r – Пирсона.

Результаты. В результате проведенного исследования у студентов первого курса подавляющим является средний уровень выраженности педагогических способностей. Среди испытуемых по всей выборке наблюдается снижение способности к управлению, пониманию, принятию своих и чужих эмоций. Обозначена способность контролировать

свои эмоциональные проявления, свою экспрессию. Снижены проявления межличностного и внутриличностного эмоционального интеллекта. В ходе проведенного исследования выявлены значимые прямые корреляции между показателями способностей к педагогической деятельности и развитием эмоционального интеллекта по шкалам: способность управлять чужими эмоциями, инспирировать мотивировать других людей, осуществлять внешний контроль, управлять своими и чужими эмоциями

Выводы. Высокий уровень педагогических способностей у будущих учителей по их представлениям на первом курсе обучения в университете связан с высоким уровнем умения руководить своими и чужими эмоциями, также проявлениями экспрессии, способностью в целом влиять на окружающих людей, манипулировать ими. Вместе с этим, высокий уровень педагогических способностей, у респондентов в меньшей степени связан с эмпатией, состраданием, принятием своих и чужих подлинных чувств.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: студенты вузов; эмоциональный интеллект; управление эмоциональными проявлениями; экспрессия; саморазвитие, успех в педагогической деятельности; принятие эмоций..

Работа педагога среди различных профессиональных видов деятельности является для многих людей достаточно понятной. В тоже самое время необходимо отметить, что она является сложной и крайне специфичной. Учителя обучающихся начальной, средних и старших классов остаются востребованными специалистами на рынке образовательных услуг. Возникает вопрос, как готовят такие кадры. Какие факторы при обучении студентов учитываются в первую очередь. Какова роль в этом процессе определенных задатков и способностей личности в этой области. Возможно ли найти значимые детерминанты наиболее эффективного обучения будущих профессионалов, способных учить, воспитывать и развивать личности детей, подростков и молодежи. Крайне важным остаётся вопрос оптимизации процесса обучения в высшей школе, который непосредственным образом связан с оценкой академической успеваемости обучающихся.

Основная идея заключается в том, что успешность в выбранной профессии личности студентом будет непосредственно связана с выраженностью у нее определенных педагогических способностей. Необходимым компонентом среди прочих в структуре этих способностей, на наш взгляд, это будет наличие высокого уровня развития эмоционального интеллекта. Мы также полагаем, что наличие этих двух составляющих: выраженность педагогических способностей и эмоционального интеллекта, будет значимо влиять на уровень академической успеваемости студентов в положительную сторону. Предположительно, что уровень академической успеваемости при овладении любой профессией у способных и одаренных студентов будет качественно выше, чем у тех, кто пришел учиться не по призванию.

В различных публикациях рассматриваются различные классификации педагогических способностей [2, 15]. Актуальным остается определение способностей педагога через призму его субъективных свойств. Отечественные (А.С. Шарова, Н.Д. Левитова, И.А. Зимняя и т.д.) и зарубежные психологи (Й. Джианг, М. Лин и Л. Гао) [10] предлагают различные традиции и подходы по определению соответствующих педагогических способностей и их структуры.

Очевидно, основополагающим компонентом в классификации способностей различных авторов является наличие в ее структуре эмоционального интеллекта.

В ряде публикаций обозначаются различные характеристики, характеризующие эмоциональный интеллект [1, 4, 5, 6]. Немало работ об актуальности и необходимой атрибутивности эмоционального интеллекта в деятельности педагога, и в обучении студентов на педагогических специальностях [6, 7, 11, 12, 14, 15].

Материалы и методы. Исследование проводилось на базе университетов г. Москвы и Московской области. В пилотажном психодиагностическом исследовании приняло участие 37 студентов-бакалавров. Это были респонденты женского пола первого курса средний возраст, которых составил 18 лет. Психодиагностика способностей к педагогической

деятельности у студентов осуществлялась с помощью опросника определения степени выраженности педагогических способностей А.Н. Аминова. Для изучения особенностей эмоционального интеллекта у испытуемых использовался опросник эмоционального интеллекта «Эмин» (Д.В. Люсин). По этой методике эмоциональный интеллект является способностью к пониманию и управлению своими и чужими эмоциями и трактуется как когнитивная способность. При этом не учитываются личностные черты, которые могли бы влиять на понимание эмоций. Статистическую обработку проводили с использованием пакетов программ Microsoft Excel и SPSS 22.

Результаты и их обсуждение

Согласно полученным данным по общей выборки испытуемых высокий уровень педагогических способностей составляет 29,72 %, средний – 56,75%, низкий – 13 % (рис. 1).

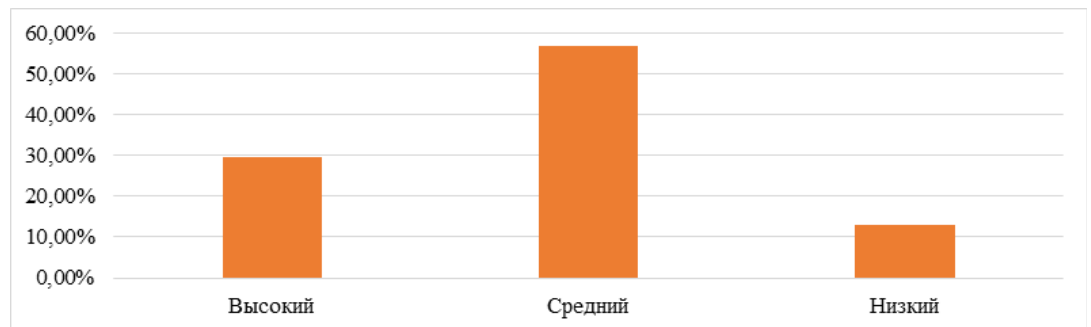

Рисунок 1. Показатели уровней педагогических способностей
Figure 1. Indicators of levels of teaching abilities

На рисунке 2 обозначены значения способности понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций. К ним относятся: мимика, жестикуляция, звучание голоса и/или интуитивное восприятие. Представлены значения чуткости, эмпатичности испытуемых к внутренним состояниям других людей.

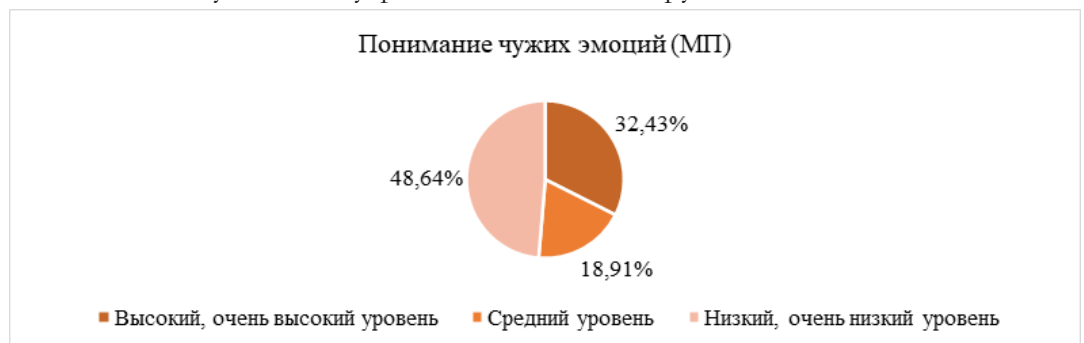

Рисунок 2. Показатели значений понимания чужих эмоций (эмпатия)
Figure 2. Indicators of the meaning of understanding other people's emotions (empathy)

уровень способности понимать эмоциональное состояние человека на основе внешних проявлений эмоций, в тоже время наблюдается немалый процент респондентов (32,43%) с высоким уровнем развития способности понимания чужих эмоций. Представляет интерес поляризация значений по этой шкале (рис.2).

На рисунке 3 обозначены значения способности вызывать у других людей те или иные эмоции, снижать интенсивность нежелательных эмоций. Склонность к манипулированию людьми.

Подавляющее количество испытуемых имеют низкий уровень управления чужими людьми и эмоциями (78,30%). Только 2,7% склонны к манипулятивному общению (рис.3).

На рисунке 4 представлены показатели понимания своих эмоций.

Способность к высокой степени осознания своих эмоций, их распознавание, иден-

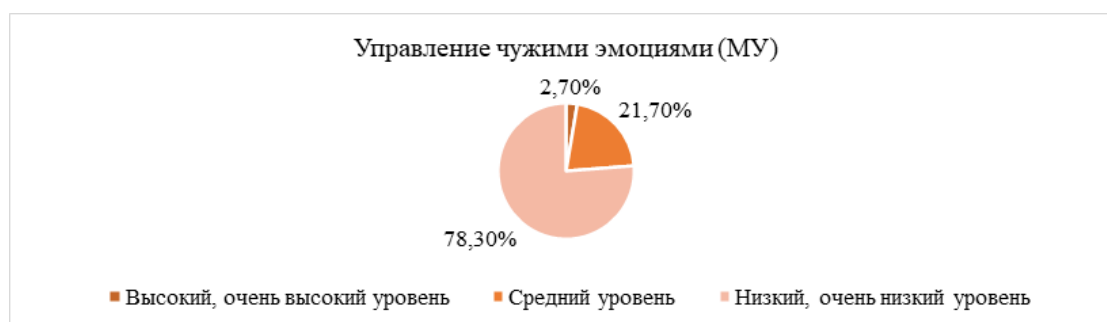

Рисунок 3. Показатели управления чужими эмоциями, манипулирования другими людьми
Figure 3. Indicators of managing other people's emotions and manipulating others

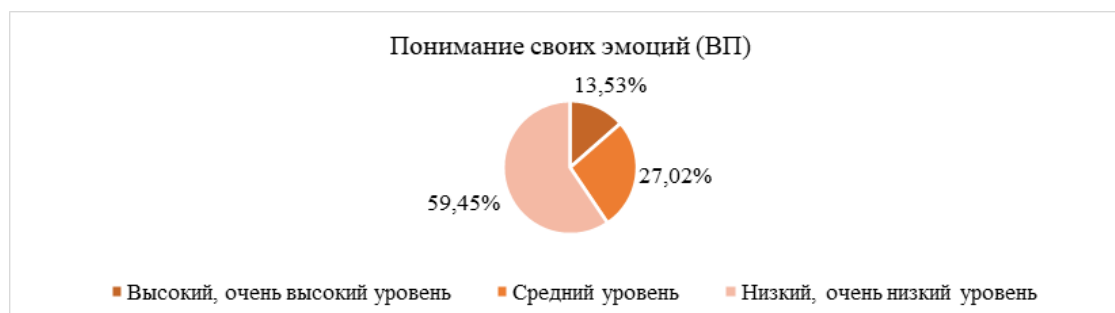

Рисунок 4. Показатели понимания своих эмоций их источников, вербализация эмоций
Figure 4. Indicators of understanding one's emotions and their sources, verbalization of emotions

тификация их вербальное описание присуще 13,53% респондентов. 59,45% - низкий и очень низкий уровень способности понимать свои эмоции (рис.4). На рисунке 5 диаграмма управления своими эмоциями.

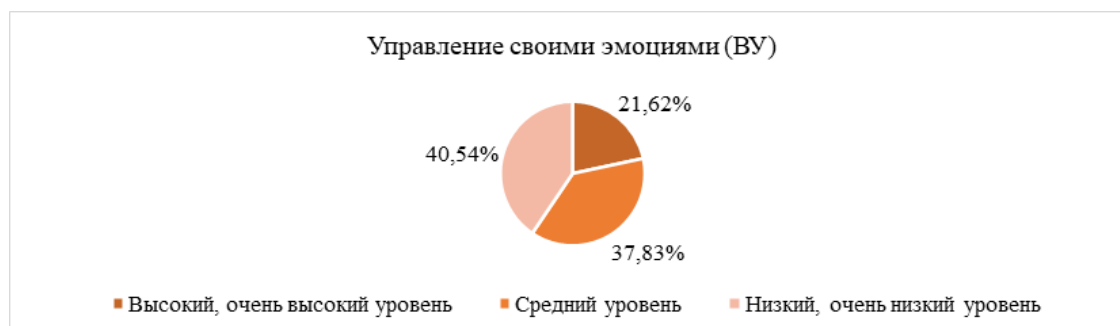

Рисунок 5. Показатели управления своими эмоциями
Figure 5. Indicators of managing your emotions

Высокая и очень высокая способность, потребность управлять своими эмоциями, моделировать и модулировать свои устойчивые полезные эмоциональные состояния свойственны 21,62 % респондентам. По-прежнему 40,54% и это большинство, имеют низкие показатели (рис.5).

Рисунок 6. Показатели контроля экспрессии
Figure 6. Expression control indicators

На рисунке 6 представлена диаграмма, на которой видно, что 43,94% респондентов-студентов будущих педагогов склонны высоко и очень высоко контролировать свои эмоциональные проявления и 10,81 % это студенты с ослабленным контролем собственной экспрессии (рис.6). На рисунке 7 рассматриваются особенности межличностного эмоционального интеллекта.

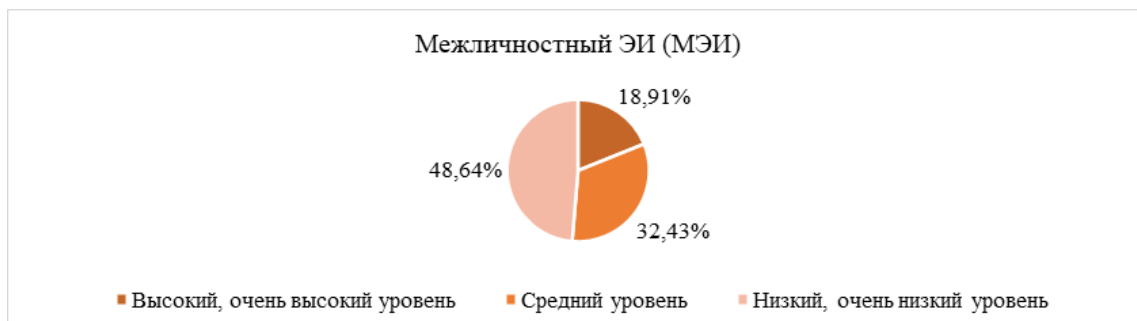

Рисунок 7. Показатели межличностного эмоционального интеллекта
Figure 7. Indicators of interpersonal emotional intelligence

48,64% - респонденты с низким уровнем компетентностью в межличностных отношениях. 18,91 % - высокий и очень высокий уровень социальной аттрактивности и межличностной коммуникации в эмоциональном общении респондентов (рис.7).

Для подтверждения гипотезы значимости взаимосвязей по предложенным шкалам методик использовался коэффициент корреляции r -Пирсона. Нормальность распределения полученных данных была подтверждена оценкой степени отклонения эмпирических показателей асимметрии и эксцесса от нулевых значений. Показатели оценки асимметрии и эксцесса в этом случае не превышали свою ошибку репрезентативности в три раза по формуле Е.И. Пустыльника.

Были получены значимые корреляции по субшкалам опросника Д.В. Люсина: 1. «управление чужими эмоциями» (МУ), 2. «контроль экспрессии» (ВЭ), 3. «способность к пониманию собственных эмоций» (ВЭИ), 4. «управление эмоциями» (УЭ), 5. «межличностный ЭИ» (МЭИ) с уровнем развития педагогических способностей (ПС) по методике А.Н. Аминова. Соответственно: 1. $R(\text{эмфир}) = 0,4359$, при $p \leq 0,01$. 2. $R(\text{эмфир}) = 0,3812$, при $p \leq 0,05$. 3. $R(\text{эмфир}) = 0,3878$, при $p \leq 0,05$. 4. $R(\text{эмфир}) = 0,5584$, при $p \leq 0,01$. 5. $R(\text{эмфир}) = 0,2986$, при $p \leq 0,1$. Можно сделать качественный вывод из приведенных числовых корреляционных значений по означенным шкалам.

Высокий уровень педагогических способностей связан: с умениями управлять и влиять на эмоциональные состояния других людей, высокой экспрессивностью и в тоже время сдержанностью, контролем в её проявлениях, способностью к пониманию собственных эмоций и управлению ими. Успешность в педагогической деятельности будущие учителя представляют во взаимосвязи с активной социальной перцепцией, интерактивностью.

В тоже время необходимо отметить незначимую корреляцию между «пониманием чужих эмоций» по внешним проявлениям эмоций таких как: мимика, жестикация, звучание голоса и педагогических способностей. Респонденты юношеского возраста выстраивают свою, так называемую концепцию педагогической успешности без учета интуиции, чуткости к внутренним состояниям других людей ($r=0,0188$). Наблюдается также низкая значимость корреляции между «пониманием своих эмоций», т. е. способности к распознаванию, идентификации, пониманию причин их возникновения, способности к вербальному их описанию и педагогическими способностями ($r=0,0932$). Отсутствует значимая связь между умением поддерживать необходимые, желательные эмоциональные состояния и представленностью педагогических способностей ($r=0,1649$).

Закономерно возникает о вопрос о слагаемых педагогических способностей, таланте,

одаренности и успешности среди студентов высшего педагогического учебного заведения. Как следует из результатов исследовательской работы, обучающиеся первого курса при определении эффективности труда педагога как обобщенной фигуры специалиста, так и себя в профессии предлагают модели, паттерны поведения активного внешнего управления, влияния, манипулирования другими людьми. Причинами таких пробных далеко не полных представлений первокурсников о педагоге, педагогической деятельности может являться восприятие, преломление соответствующих качеств через призму современных, социальных общих установок на влиятельное, «трендовое», современное «социально-успешное» взаимодействие. В этом случае не учитывается роль эмпатичного, чуткого, понимающего включения в общение. И в этом уже состоит психолого-педагогическая задача, которую стоит решать для конструктивной направленности в становлении будущей профессии обучающейся молодежи. Согласно отечественным психолого-педагогическим традициям в обучении, воспитании и социализации личности, именно, понимающее взаимодействие, педагогический такт интуитивное знание и безусловное принятие в наибольшей степени раскрывает не только того, кто учится, но того, кто занимается преподаванием проявляет свои педагогические способности и талант. К этому необходимо добавить умение модулировать и моделировать довольно устойчивые положительные психоэмоциональные состояния, как основу так называемой «педагогической» стабильности, личностной уравновешенности специалиста, чего, конечно еще так не хватает первокурсникам. Отдельным вопросом является раскрытие темы экспрессии в жизни личности и педагога. Может ли высокая степень контроля за экспрессивными проявлениями быть неотъемлемым условием совершенства педагога. С точки зрения психологии профессионального и личностного здоровья, ответ напрашивается сам за себя. И это еще одна задача, которую также предстоит решать специалистам высшей школы, которые готовят молодых людей к работе в школе.

Выводы. В репрезентативной выборке по результатам тестирования испытуемых 1 курса педагогических вузов по их собственным представлениям более пятидесяти процентов составляют, студенты-бакалавры со средними способностями к педагогической деятельности, около тридцати процентов из общей выборки имеют высокий уровень педагогических способностей, около 10-11% - низкий. По восьми шкалам опросника «эмин» от 40 - до 78% испытуемых демонстрируют низкий и очень низкий уровень развития эмоционального интеллекта, способности управлять, понимать, принимать чужие и свои эмоции. Около 46 % испытуемых имеют высокий и очень высокий уровень контроля экспрессии своих эмоциональных проявлений. Более того, согласно выявленной значимой корреляции, высокий контроль эмоций служит для студентов первоосновой увеличения педагогического мастерства. С увеличением уровня педагогических способностей растет уровень умений и навыков управления проявлениями чужими и собственными эмоциями, склонность к манипулированию. Вместе с этим необходимо отметить, что сама способность к манипулированию у студентов, с их точки зрения представлена слабо, низкого уровня. Можно предположить, учитывая полученные результаты, что способность к манипулированию людьми как ценность и необходимая составляющая педагогической способности может противоречить личностным особенностям первокурсников, которым сложно осуществлять подобную практику общения с людьми.

Остаются без внимания корреляции подчеркивающие связь педагогических способностей и умения аутентично понимать свои эмоции, источники их происхождения, более точного описания и вербализации. У обучающихся с первого курса может наблюдаться предпосылка к подавлению эмоций и возрастанию алекситимии.

В качестве рекомендаций можно продолжить исследование по отдельным группам испытуемых, с целью выяснения взаимосвязи выраженности эмоционального интеллекта

и уровня педагогических способностей. Вероятно, для студентов со средними показателями выраженности способности к педагогической деятельности будут получены более конкретные результаты причинности и взаимосвязи когнитивных и личностных компонентов. Это позволит конкретизировать обучающие программы для образовательного контингента каждого курса и различного уровня выраженности педагогических способностей личности студентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Андерсон, М.Н. Исследование эмоционального интеллекта студентов педагогического профиля / М.Н. Андерсон, Г.В. Радченко // XXI Царскосельские чтения: сб. материалов Международной научной конференции. – 2017. – Т.2. – С. 288 – 291. Текст : непосредственный.
2. Волгуснова, Е.А. Общие и специфические особенности показателей эмоционального интеллекта в юношеском возрасте / Е.А. Волгуснова, Д.С. Личман. - Текст : электронный // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2017. № 4 (36). – С.100 – 106. – URL : https://shspu.ru/files/nauka/vestnik/2017/4_36/21.pdf (дата обращения : 22.01.2025).
3. Воробьева, М. А. Связь эмоционального интеллекта и синдрома эмоционального выгорания у студентов / М.А. Воробьева // Образование и наука. – 2016. – № 4 (133). – С. 80 – 94. Текст : непосредственный.
4. Воробьева, Е.В. Исследование взаимосвязи принятия агрессии и эмоционального интеллекта / Е.В. Воробьева, М.А. Перков, Д.П. Щетинина // Российский психологический журнал. – 2017. – Т.14, № 2. – С. 28 – 50. Текст : непосредственный.
5. Гукаленко, О.В. Развитие эмоционального интеллекта будущих учителей как инструмент повышения качества высшего педагогического образования / О.В. Гукаленко. - Текст : электронный // Отечественная и зарубежная педагогика. – 2022. - Т. 1, № 6 (88). - С. 33–42. – 2022. Т. 1, № 6 (88) (дата обращения : 22.01.2025).
6. Двойнин, А.М. Эмоциональный интеллект и рефлексивность студентов-психологов / А.М. Двойнин, Г.И. Данилова. - Текст : электронный // Вестник ПСТГУ. Серия IV: Педагогика. Психология. – 2012. - Вып. 1 (24). – С. 121–134. – URL : <https://periodical.pstgu.ru/ru/series/issue/4/24/article/1703?ysclid=mg2i9qej0865877482> (дата обращения : 22.01.2025).
7. Истофеева, Ж.Н. Эмоциональный интеллект в психологической культуре студентов педагогических вузов / Ж.Н. Истофеева. - Текст : электронный // Наука и социум: сб. материалов Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием (1 июня 2019 г.): в 2 ч.; отв. ред. Е.А. Сорокина. – Новосибирск: Изд-во АНО ДПО «СИППИСП», – 2019. – Ч. 2. – С. 61-67. - URL : <https://elibrary.ru/item.asp?id=38588205&ysclid=mg2idtsequ645481671> (дата обращения : 22.01.2025).
8. Курсовые и исследовательские работы по психологии: учебно-методическое пособие // Омский государственный педагогический университет. - Омск: Изд-во ОмГПУ, 2008. — 273 с.
9. Люсин, Д. В. Опросник на эмоциональный интеллект ЭМИн: новые психометрические данные / Д.В. Люсин // Психологическая диагностика. – 2006. – № 4. – С. 264 - 278. - URL : [lucin.indd](#) (дата обращения : 22.01.2025).
10. Мазиллов, В.А. Проблема педагогических способностей в современной зарубежной психологии / В.А. Мазиллов, А.А. Костригин. - Текст : электронный // Психология и Психотехника. – 2021. – № 2. - URL: Проблема педагогических способностей в современной зарубежной психологии | Библиотека Института психологии РАН (дата обращения : 22.01.2025).
11. Молчанова, Л.Н. Профилактика эмоционального выгорания молодых преподавателей высшей школы / Л.Н. Молчанова, А.А. Кузнецова, К.В. Касьянова. - Текст : электронный //

Коллекция гуманитарных исследований. Электронный научный журнал. – 2024. – №4 (41). – С. 59 – 69. – URL: Профилактика эмоционального выгорания молодых преподавателей высшей школы | Молчанова | Электронный научный журнал "Коллекция гуманитарных исследований" (дата обращения : 22.01.2025).

12. Панькова, А. М. Исследование специфики эмоционального интеллекта студентов вузов разных направлений подготовки как условие эффективного взаимодействия в профессиональной деятельности / А. М. Панькова, Р. А. Валиев, Л. А. Максимова, В. Г. Каримова, М. С. Астахов // Педагогическое образование в России. – 2022. – № 2. – С. 131 – 140. Текст : непосредственный.

13. Солдатова, Г.У. Особенности восприятия и воспроизведения эмоций у лиц с разным уровнем эмоционального интеллекта / Г.У. Солдатова, А.Ф. Гасимов. - Текст : электронный // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Психологические науки. – 2018. – № 4. – С. 62 – 73. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=36707757&ysclid=m-g2iux97tz892612793> (дата обращения : 22.01.2025).

14. Солоднева, Д.А. Специфика развития эмоционального интеллекта у студентов вуза / Д.А. Солоднева. - Текст : электронный // Ярославский педагогический вестник. – 2022. – № 2 (125). – С. 150–157. – URL: Специфика развития эмоционального интеллекта у студентов вуза (дата обращения : 22.01.2025).

15. Сорокопуд, Ю.В. К вопросу о современных концепциях эмоционального интеллекта и факторах его формирования и развития у студентов вуза / Ю.В. Сорокопуд // Мир науки, культуры, образования. – 2022. – № 4 (95). – С. 5 –7. Текст : непосредственный.

16. Степанов, И.С. Психологические факторы становления эмоционального интеллекта / И.С. Степанов. - Текст : электронный // Вестник ЧГПУ. – 2012. – № 11. – С. 205 – 217. – URL: <https://tesble.com/10.0000/cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskie-factory-standovleniya-emotsionalnogo-intellekta> (дата обращения : 22.01.2025).

17. Цибульникова, В.Е. Взаимосвязь величины двигательной активности, уровня эмоционального интеллекта и эмоционального выгорания учителя / В.Е. Цибульникова, А.Н. Богатикова. - Текст : электронный // Наука и спорт: современные тенденции. – 2019. – Т. 22, № 1. – С. 41 – 46. – URL: !N22-2019.indd (дата обращения : 22.01.2025).

18. Эмоциональный интеллект как ресурс саморазвития педагога в условиях цифровизации образования: коллективная монография / С. А. Миньорова, Н. С. Белоусова, Р. А. Валиев [и др.]; под общей редакцией С. А. Миньоровой; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург: УрГПУ, –2024. – 286 с. Текст : непосредственный.

Получена: 18.04.2025 г.

Принята к публикации: 25.09.2025 г.

THE STUDY OF EMOTIONAL INTELLIGENCE AND PEDAGOGICAL ABILITIES OF UNIVERSITY STUDENTS

© Elena A. Sorokoumova, Tatiana N. Scriabina, Evgeny A. Kobzev, Oleg G. Fedorov, Viktor K. Wittenbeck

Elena A. Sorokoumova – Doctor of Sciences in Psychology, Professor of the Department of Labor Psychology and Psychological Counseling, Moscow Pedagogical State University
e-mail: cea51@mail.ru

Tatiana N. Scriabina – Master's Degree Student, Moscow State Pedagogical University, Institute of Pedagogy and Psychology
e-mail: t_skrabina@internet.ru

Address: 119435, Moscow, Malaya Pirogovskaya St., Building 1, Russian Federation

Evgeny A. Kobzev – Candidate of Sciences in Psychology, Senior Lecturer at the Department of Primary Education, State University of Enlightenment
e-mail: g.kobzew@yandex.ru

Oleg G. Fedorov – Candidate of PSciences in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Primary Education, State University of Enlightenment
e-mail: og.fedorov@guppros.ru

Viktor K. Wittenbek – Candidate of Sciences in Pedagogy, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Primary Education, State University of Enlightenment
e-mail: v.vittenbek@mail.ru

Address: 105005, Moscow, Radio St., Building 10A, Building 2, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. The presence of emotional intelligence, the presence of emotional competence of a specialist in various fields of activity and communication determines his professional and personal success. Modern research shows that for teachers, a high psycho-emotional culture is a necessary attribute of effectiveness in working with students. Objective conditions are being created for studying the relationship between the severity of emotional intelligence and pedagogical skills. In the practice of teaching and educating students, methods of more detailed acquaintance with the manifestations, factors of the presence and development of emotional intelligence should be used. This can help to increase the level of pedagogical abilities of students and further ensure high productivity in school.

Purpose. To identify indicators of the ability to teach, the level of development of emotional intelligence among students. To analyze the relationship between the level of development of emotional intelligence and pedagogical abilities of university students.

Materials and methods. 37 undergraduate students participated in the pilot psychodiagnostic study. Psychodiagnostics of students' pedagogical abilities was carried out using a questionnaire to determine the degree of severity of A.N. Aminov's pedagogical abilities. To study the characteristics of emotional intelligence in the subjects, the emotional intelligence questionnaire "Emin" (D.V. Lyusin) was used. The relationship between the level of development of pedagogical abilities and emotional intelligence was indicated and described using the r-Pearson correlation.

Results. As a result of the conducted research, the average level of pedagogical abilities among first-year students is overwhelming. Among the subjects throughout the sample, there is a decrease in the ability to manage, understand, and accept their own and others' emotions. The ability to control one's emotional manifestations and expression is indicated. The manifestations of interpersonal and intrapersonal emotional intelligence are reduced. The study revealed significant direct correlations between indicators of pedagogical abilities and the development of emotional intelligence on the following scales: the ability to control other people's emotions, inspire other people, exercise external control, manage their own and others' emotions.

Conclusions. According to their ideas, the high level of pedagogical abilities of future teachers in their first year of study at the university is associated with a high level of ability to manage their own and other

people's emotions, as well as expressions, the ability to generally influence and manipulate people around them. At the same time, the respondents' high level of pedagogical abilities is less associated with empathy, compassion, and acceptance of their own and others' genuine feelings.

KEYWORDS: university students; emotional intelligence; expression; self-development; self-motivation and success in teaching; acceptance of their own and others' emotions.

REFERENCES

1. Anderson, M.N. Issledovanie emocional'nogo intellekta studentov pedagogicheskogo profilya / M.N. Anderson, G.V. Radchenko // XXI Carskosel'skie chteniya: materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii. – 2017. T.2. – S. 288 – 291.
2. Volgusnova, E.A. Obschie i specificheskie osobennosti pokazatelej emocional'nogo intellekta v yunosheskom vozraste / E.A. Volgusnova, D.S. Lichman // Vestnik Shadrinskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta. – 2017. – S.100 – 106.
3. Vorob'eva, M. A. Svyaz' emocional'nogo intellekta i sindroma emocional'nogo vygoraniya u studentov / M.A. Vorob'eva // Obrazovanie i nauka. – 2016. – № 4 (133). – S. 80 – 94.
4. Vorob'eva, E.V. Issledovanie vzaimosvyazi prinyatiya agressii i emocional'nogo intellekta / E.V. Vorob'eva, M.A. Perkov, D.P. Shchetinina // Rossijskij psihologicheskij zhurnal. – 2017.T.14, № 2. – S. 28 – 50.
5. Gukalenko, O.V. Razvitie emocional'nogo intellekta budushchih uchitelej kak instrument povysheniya kachestva vysshego pedagogicheskogo obrazovaniya / O.V. Gukalenko // Otechestvennaya i zarubezhnaya pedagogika. – 2022. T. 1, № 6 (88). – S. 33–42. Domestic and foreign pedagogy. – 2022. Vol. 1, no. 6 (88). – P. 33–42.
6. Dvojnin, A.M. Emocional'nyj intellekt i refleksivnost' studentov-psihologov / A.M. Dvojnin, G.I. Danilova // Vestnik PSTGU IV: Pedagogika. Psihologiya. – 2012. Vyp. 1 (24). – S. 121–134.
7. Istyufeeva, Zh.N. Emocional'nyj intellekt v psihologicheskoy kul'ture studentov pedagogicheskikh vuzov / Zh.N. Istyufeeva // Nauka i socium: materialy Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii s mezhdunarodnym uchastiem (1 iyunya 2019 g.): v 2 ch. / otv. red. E.L. Sorokina. – Novosibirsk: Izd-vo ANO DPO «SIPPIISR», – 2019. – Ch. 2. – 200 s.
8. Kursovye i issledovatel'skie raboty po psihologii: uchebno-metodicheskoe posobie / Omskij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. — Omsk: Izd-vo OmGPU, 2008. — 273 s.
9. Lyusin, D. V. Psihologicheskaya diagnostika. – 2006. – № 4. – S. 3 – 22.
10. Mazilov, V.A. Problema pedagogicheskikh sposobnostej v sovremennoj zarubezhnoj psihologii / V.A. Mazilov, A.A. Kostargin // Psihologiya i Psihotekhnika. – 2021. – №2. DOI: 10.7256/2454-0722.2021.2.35434 URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=35434
11. Molchanova, L.N. Profilaktika emocional'nogo vygoraniya molodyh prepodavatelej vysshej shkoly / L.N. Molchanova, A.A. Kuznecova, K.V. Kas'yanova // Kollekcija gumanitarnykh issledovanij. Elektronnyj nauchnyj zhurnal. – 2024. – №4 (41). – S. 59 – 69. [https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-4\(41\)/6](https://doi.org/10.21626/j-chr/2024-4(41)/6)
12. Pan'kova, A. M. Issledovanie specifiki emocional'nogo intellekta studentov vuzov raznykh napravlenij podgotovki kak uslovie effektivnogo vzaimodejstviya v profesional'noj deyatel'nosti / A. M. Pan'kova, R. A. Valiev, L. A. Maksimova, V. G. Karimova, M. S. Astashov // Pedagogicheskoe obrazovanie v Rossii. – 2022. – № 2. – S. 131 – 140.
13. Soldatova, G.U. Osobennosti vospriyatiya i vosproizvedeniya emocij u lic s raznym urovnem emocional'nogo intellekta / G.U. Soldatova, A.F. Gasimov // Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta. Seriya: Psihologicheskie nauki. – 2018. – № 4. – S. 62 – 73.
14. Solodneva, D.A. Specifika razvitiya emocional'nogo intellekta u studentov vuza / D.A. Solodneva // Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik. – 2022. – № 2 (125). – S. 150–157. <http://dx.doi.org/10.20323/1813-145X-2022-125-150-157>. <https://elibrary.ru/bobpce>.
15. Sorokopud, Yu.V. K Voprosu o sovremennykh koncepciyah emocional'nogo intellekta i faktorah ego formirovaniya i razvitiya u studentov vuza / Yu.V. Sorokopud // Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya. – 2022. – № 4 (95). – S. 5 – 7.
16. Stepanov, I.S. Psihologicheskie faktory stanovleniya emocional'nogo intellekta / I.S. Stepanov // Vestnik ChGPU. – 2012. – № 11. – S. 205 – 217.
17. Cibul'nikova, V.E. Vzaimosvyaz' velichiny dvigatel'noj aktivnosti, urovnya emocional'nogo intellekta i emocional'nogo vygoraniya uchitelya / V.E. Cibul'nikova, A.N. Bogatikova // Nauka i sport: sovremennye tendencii. – 2019. – T. 22, № 1. – S. 41 – 46.
18. Emocional'nyj intellekt kak resurs samorazvitiya pedagoga v usloviyakh cifrovizacii obrazovaniya: kollektivnaya monografiya / S. A. Minyurova, N. S. Belousova, R. A. Valiev [i dr.]; pod obshchej redakciej S. A. Minyurovoj; Ural'skij gosudarstvennyj pedagogicheskij universitet. – Ekaterinburg: UrGPU, – 2024. – 286 s.

DOI: 10.21626/j-chr/2025-3(44)/7
УДК: 159.9.07

Педагогическая психология

ВЗАИМОСВЯЗЬ АГРЕССИИ И САМООЦЕНКИ В ПОДРОСТКОВОМ ВОЗРАСТЕ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ

© А.А. Кузнецова, К.Ф. Миракян

Кузнецова А.А. - проректор по воспитательной работе, социальному развитию и связям с общественностью, заведующий кафедрой психологии здоровья и нейропсихологии, ФГБОУ ВО «Курский государственный медицинский университет» Минздрава России
e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Адрес: 305041, Курск, ул. К. Маркса, д. 3, Российская Федерация

Миракян К.Ф. – доцент кафедры специальной психологии и коррекционной педагогики, Курский государственный университет
e-mail: telfi@yandex.ru

Адрес: 305000, Курск, ул. Радищева, д. 33, Российская Федерация

АННОТАЦИЯ

Актуальность. Многие исследователи подчеркивают значительное влияние самооценки на поведение и деятельность человека, а также на его социально-психологическую адаптацию. Формирование самооценки в процессе развития личности занимает длительное время и играет ключевую роль. Особенно важным этапом для этого является подростковый возраст. В этот период активно развивается самосознание, что проявляется в стремлении правильно оценивать себя, использовать свои возможности и достигать уровня зрелости. Однако подростковый возраст также является уязвимым к развитию различных форм отклоняющегося поведения. Это связано с повышенной чувствительностью к мнению и оценкам окружающих, что делает социальные факторы особенно значимыми у мальчиков и девочек подросткового возраста.

Цель: изучить гендерные различия агрессии и самооценки подростков.

Материалы и методы. Теоретический анализ научных источников; организационные методы: метод поперечных срезов; эмпирические методы: методика самооценки личности С.А. Будасси и опросник Басса-Дарки для анализа агрессивных реакций (в адаптации С.Е. Ениколопова); методы статистической обработки данных.

Результаты. При завышенной самооценке у мальчиков и девочек подросткового возраста наблюдается высокий уровень агрессии. При заниженной самооценке у обоих полов выявлен высокий уровень враждебности, проявляющийся в виде реакций обиды и подозрительности.

Взаимосвязь между самооценкой подростков и их агрессивным поведением отличается у мальчиков и девочек. У девочек наблюдается положительная корреляция с высокой плотностью связей. Это означает, что повышенная самооценка часто проявляется в косвенной и вербальной агрессии. В то же время у мальчиков преобладает отрицательный вектор, что свидетельствует о противоположной тенденции. При низкой самооценке у мальчиков чаще возникают враждебные реакции в межличностных отношениях, проявляющиеся в обидах и подозрительности.

Выводы. Результаты работы могут быть использованы для разработки эффективных профилактических программ, направленных на оптимизацию уровня самооценки и снижение риска проявления агрессии, а также улучшение психологического здоровья подростков.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: самооценка; агрессия; агрессивные реакции; подростковый возраст.

Исследования влияния самооценки на поведение и деятельность человека, а также на его социально-психологическую адаптацию междисциплинарны и имеют основательную базу изучения. По мнению специалистов, формирование самооценки в процессе развития личности занимает длительное время и играет ключевую роль. Особенно важным этапом для этого является подростковый возраст. В этот период активно развивается самосознание, что проявляется в стремлении правильно оценивать себя, использовать свои возможности и достигать уровня зрелости. Однако подростковый возраст также является уязвимым к развитию различных форм отклоняющегося поведения. Это связано с повышенной чувствительностью к мнению и оценкам окружающих, что делает социальные факторы особенно значимыми.

Как считают исследователи, самооценка может негативно сказаться на личности в целом, включая уровень агрессивности. В отечественной психологии изучением причин агрессии занимались такие ученые, как И.Б. Бойко, Д.И. Фельдштейн [18], Т.Г. Румянцева, Л.М. Семенюк. Повышенный интерес к изучению агрессивного поведения подростков обусловлен тем, что этот возрастной период является сензитивным для формирования способов психосоциальной адаптации, которые определяют дальнейшее развитие личности. В отсутствие обучения адекватным способам реагирования дети становятся уязвимыми к закреплению неконструктивных форм поведения.

Агрессивность, по определению А. Басса, представляет собой свойство личности, проявляющееся в деструктивных паттернах во взаимодействии с другими людьми. Одной из основных причин агрессивного поведения подростков является их самооценка. Затруднения с объективной оценкой собственных качеств и способностей могут привести к агрессии, что, в свою очередь, осложняет их взаимодействие с окружающими [5].

Цель исследования — изучение гендерных различий агрессии и самооценки подростков.

Методологической основой исследования выступают общепсихологические принципы: принцип детерминизма, принцип системности, принцип развития. Теоретико-методологической основой исследования также выступают: субъектно-деятельностный подход, согласно которому психическое развитие, включая формирование самооценки, происходит в процессе деятельности (С.Л. Рубинштейн [14], А.Н. Леонтьев [12]); обоснование проявления агрессивности как свойства личности в субъектно-объектных отношениях, имеющих деструктивные тенденции, (А. Басс, А. Дарки [5]); концепция о строении и формировании личности, основанная на культурно-историческом подходе и Я-концепции (А.И. Божович [7], И.С. Кон [11], Л.С. Выготский [8] и др.).

Агрессивность как психологическое явление исследуется в различных направлениях психологии. Психоаналитическая теория, представленная З. Фрейдом, рассматривает агрессию через призму бессознательных процессов. Эволюционная теория, разработанная К. Лоренцем, связывает агрессию с биологическими факторами и инстинктами выживания. Поведенческий подход к агрессии, предложенный А. Бассом и А. Бандурой, акцентирует внимание на влиянии социального окружения и обучения [4]. Когнитивный подход, разработанный Л. Берковицем, изучает роль когнитивных процессов в формировании агрессивного поведения [6]. Фрустрационная теория агрессии, сформулированная Д. Доллардом и Н. Миллером, объясняет агрессию как результат фрустрации [21].

В отечественной психологии изучением агрессивных реакций занимались И.Б. Бойко, Д.И. Фельдштейн, Т.Г. Румянцева, Л.М. Семенюк и другие.

Основываясь на проведенном категориально-понятийном анализе феномена агрессии, можно выделить два основных направления, различающихся в обозначении данного феномена. Первое направление рассматривает агрессию, как интенсивную активность, направленную на самоутверждение (Л. Бендер, 1963; Ф. Аллан, 1964); второе направ-

ление определило агрессию как деструктивные намерения и действия, наносящие вред объекту или другому лицу (А. Басс, 1961; Д. Зильман, 1979).

В основе данного исследования лежит поведенческий подход к анализу агрессии, разработанный А. Бассом. Согласно которому, формирование агрессивного поведения обусловлено различными аспектами темперамента, такими как интенсивность реакций, импульсивность, уровень активности и стремление к независимости. Исследование типологии агрессивности опиралось на методологические основы, заложенные теорией А. Басса. Он разграничил понятия «агрессия» и «враждебность», определив последнюю как реакцию, вызывающую негативные чувства и оценки по отношению к людям и событиям [20]. На основе этого разделения А. Басс и А. Дарки выделили несколько видов реакций: два типа враждебности: обида и подозрительность; пять типов агрессии: физическая, косвенная, раздражение, вербальная и негативизм [5].

А. Басс классифицировал агрессивные реакции по нескольким критериям. Во-первых, он учитывал направление агрессии: она может быть физической или вербальной. Во-вторых, важным аспектом была степень активности: активная и пассивная агрессивность. В-третьих, Басс выделял форму проявления агрессии: она может быть прямой или косвенной. В 1957 году А. Басс, разрабатывая диагностический опросник для оценки агрессивных и враждебных реакций, разграничил понятия «враждебность» и «агрессия». Согласно теории А. Басса, агрессия является ответом, включающим деструктивные намерения и действия, способные причинить вред другому организму [5].

На формирование и проявление агрессивного поведения у подростков влияют различные факторы. Среди них можно выделить социально-семейные условия, воздействие окружения сверстников, особенно в школах-интернатах, а также влияние средств массовой информации, включая социальные сети. Подростки склонны перенимать модели агрессивного поведения как путем наблюдения за агрессивными действиями других, так и через прямые поощрения со стороны сверстников и взрослых [10].

В рамках персонологического анализа изучения самооценки личности значительный вклад внесли такие ученые, как Л. И. Божович, Л. С. Выготский, И. И. Чеснокова, Е.А. Сорокоумова, И. С. Кон, А. Г. Спиркина, В. В. Столин, У. Джеймс, Р. Бернс и другие. В работах отечественных исследователей самооценка личности рассматривается как один из механизмов реализации активности личности в контексте изучения самосознания и общего процесса развития (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, Л.И. Божович, М.С. Неймарк, Л.С. Славина, Е.А. Серебрякова и другие) [2,7,13,15,16,19]. На основе работ У. Джеймса, А.В. Захарова, В.А. Ядова и других ученых была разработана структура самооценки личности, включающая когнитивный, эмоциональный и поведенческий аспекты [9].

С.А. Баклушинский, Д.И. Фельдштейн подчеркивали индивидуальные и возрастные особенности самооценки, которые формируются под воздействием социальных факторов [3; 18].

Особенности самооценки в подростковом возрасте исследовали А.Ю. Агафонов, Л.И. Божович, И.С. Кон, Р. Берне и А.И. Липкина. Этот возраст важен для формирования процессов самопознания, самосовершенствования и поиска смысла жизни, так как в этот период происходят значительные качественные изменения самооценки [1]. Качественные показатели самооценки подразделяются на три уровня: адекватная, заниженная и завышенная самооценка.

В данном исследовании мы будем рассматривать самооценку как комплексное личностное качество, относящееся к основополагающим характеристикам индивида. Самооценка включает в себя информацию, которую человек получает о себе от окружающих, а также его собственную активность, направленную на осознание своих действий и личностных черт.

Методы исследования. В исследовании приняли участие 60 обучающихся 7-8 классов образовательных учреждений в возрасте 12-14 лет (34 девочки, 26 мальчиков).

Исследование проводилось в три этапа. На первом этапе проводился библиографический анализ по ключевым словам «агрессивность подростков», «самооценка подростков» с целью актуализации проблемы исследования и анализа состояния изученности данного проблемы. Также на данном этапе анализировались показатели самооценки подростков с учетом гендерного фактора. Второй этап был посвящен изучению особенностей агрессивных реакций подростков путем сравнения показателей по половому признаку. На этом этапе каждая группа испытуемых (мальчики и девочки подросткового возраста) была разделена на три подгруппы по уровню самооценки: с заниженной самооценкой, адекватной самооценкой и завышенной самооценкой. Анализ различий в агрессивных реакциях проводился путем попарного сравнения показателей внутри каждой подгруппы с учетом пола. На третьем этапе исследовалась взаимосвязь между уровнем самооценки подростков и их агрессивными реакциями с использованием метода корреляционного анализа.

В работе были использованы следующие методы: теоретический анализ научных исследований; организационные методы: метод поперечных срезов, при котором обследовались испытуемые одного возрастного этапа; эмпирические методы: методика самооценки личности С.А. Будасси и опросник Басса-Дарки для анализа агрессивных реакций (в адаптации С.Е. Ениколопова); методы статистической обработки данных. В исследовании использовался также библиометрический, тематический, категориально-понятийный анализ.

Результаты исследования

Источником для библиометрического анализа стала публикации, размещенные в базе научной электронной библиотеки Elibrary.

В результате поиска по ключевому слову «агрессивность» было обнаружено 16899 публикаций за последние 10 лет, что составляет 0,041% от общего объема научных работ в данной базе данных. По ключевым словам «агрессивность подростков» найдено 8610 публикаций, что свидетельствует о высокой значимости исследований в этой области.

Как видно из диаграммы, изображенной на Рисунке 1, прослеживается волнообразная динамика публикационной активности по проблемам агрессивности подростков,

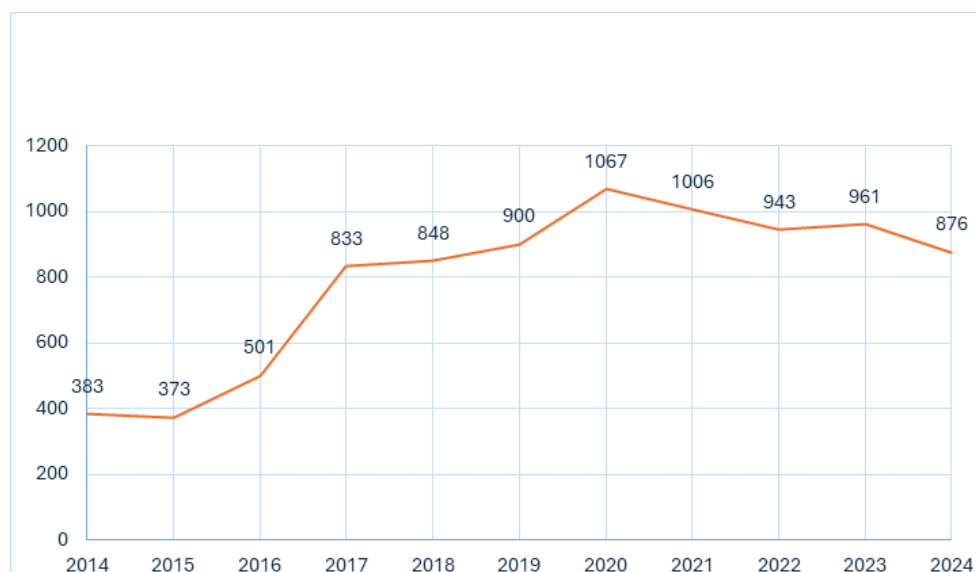

Рисунок 1. Диаграмма публикационной активности по ключевому слову «агрессивность подростков» за период 2014 г. - 2024 г.

Figure 1. Publication activity chart for the keyword "teenage aggression" for the period 2014-2024.

с пиком в 2020 году. Среди исследованных публикаций 231 статья была опубликована в журналах, индексируемых в Web of Science или Scopus, а 330 статей — в журналах, входящих в ядро РИНЦ. Тематический анализ показал, что большинство статей сосредоточено на описании различных видов агрессивного поведения и его влиянии на социально-психологическую адаптацию подростков. В последние годы значительное количество публикаций посвящено буллингу и кибербуллингу как проявлениям агрессии.

За последние десять лет (2014 г. – 2024 г.) в научной электронной библиотеке eLibrary.ru по запросу «самооценка» было найдено 18 034 публикации, что составляет 0,044 % от общего числа материалов на этом ресурсе. За данный период по запросу «самооценка подростков» было найдено 1095 публикаций.

Анализ публикационной активности показывает положительную динамику количества публикаций в период с 2014 по 2024 г.г., пик активности приходится на 2020 год (Рис. 2). Представленные данные позволяют оценить уровень значимости исследований, направленных на изучение самооценки личности подростков.

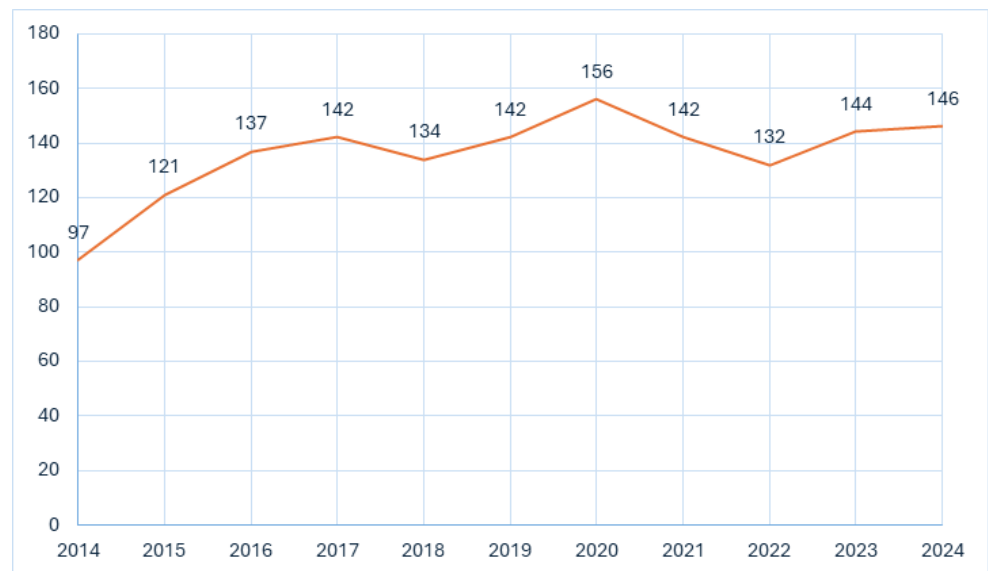

Рисунок 2. Диаграмма публикационной активности по ключевому слову «самооценка подростков» за период 2014 г. - 2024 г.

Figure 2. Publication activity chart for the keyword "teenage self-esteem" for the period 2014-2024.

Анализ тематики показал, что большинство публикаций по ключевому слову «самооценка подростков» сосредоточены на исследовании уровня самооценки, ее влиянии на академическую успеваемость и развитие личностных качеств подростков.

В рамках исследования самооценки подростков с учетом гендерных различий был проведен статистический анализ, включающий методы общей и сравнительной статистики. У девочек подросткового возраста средний уровень самооценки составил $0,55 \pm 0,35$, у мальчиков подросткового возраста — $0,51 \pm 0,34$. Результаты показали, что уровень самооценки подростков как у мальчиков, так и у девочек соответствует адекватному с тенденцией к завышению. Однако на уровне статистической тенденции ($U_{\text{эмп}} = 403,5$, $p = 0,565$) было выявлено, что у девочек уровень самооценки немного выше, чем у мальчиков.

В группе мальчиков преобладает заниженный уровень самооценки (38,4%), при этом адекватный и завышенный уровни представлены в равных долях по 30,8% каждый. В группе девочек наблюдается обратная тенденция: завышенная самооценка преобладает (44,1%), адекватный уровень выявлен у 26,5%, а заниженный — у 29,4%.

Таким образом, самооценка подростков характеризуется адекватностью, что выражается в соответствии представлений о себе объективным основаниям, позитивном

отношении к себе, самоуважении и ощущении собственной полноценности. Однако на уровне статистической тенденции наблюдаются гендерные различия в самооценке подростков: у девочек чаще встречается завышенная самооценка, тогда как у мальчиков — заниженная.

Далее нами был проведен статистический анализ агрессивных реакций у подростков с учетом пола (таб. 1).

Таблица 1. Показатели средних тенденций агрессивных реакций подростков в гендерном аспекте

Table 1. Indicators of the average trends of aggressive reactions among adolescents in the gender aspect

*Условные обозначения: X—средние значения; σ —среднее квадратическое отклонение

Параметры Parameters	X		σ	
	Девочки подростков ого возраста teenage girls	Мальчики подростков ого возраста teenage boys	Девочки подростков ого возраста teenage girls	Мальчики подростково го возраста teenage boys
физическая агрессия	6,71	7,38	2,05	1,47
косвенная агрессия	7,65	6,77	2,24	2,60
вербальная агрессия	6,47	6,31	1,64	1,74
негативизм	4,18	4,04	0,72	0,72
обида	4,12	3,92	1,23	1,41
подозрительность	4,29	5,15	2,38	2,38
раздражение	8,97	8,04	0,76	0,72
чувство вины	6,88	8,00	0,84	1,30
индекс агрессивности	20,82	20,46	5,17	4,83
индекс враждебности	8,41	9,08	2,91	2,95

Средние значения большинства показателей агрессивных реакций, таких как физическая и вербальная агрессия, негативизм, обида, подозрительность и чувство вины, находятся в пределах нормы и соответствуют средним значениям. Однако при анализе интегративных показателей, таких как индекс агрессивности и индекс враждебности, у обоих полов выявлен высокий уровень агрессивности при средних значениях индекса враждебности. Косвенная агрессия, которая не направлена на конкретного человека, вносит основной вклад в индекс агрессивности подростков.

Для изучения особенностей агрессивных реакций у подростков с разным уровнем самооценки было сформировано шесть исследовательских групп. Мальчики (26 человек) были разделены на три группы: с завышенной самооценкой — 8 человек, с заниженной самооценкой — 10 человек и с адекватной самооценкой — 8 человек. Девочки (34 человека) также были разделены на три группы: с завышенной самооценкой — 15 человек, с заниженной самооценкой — 10 человек и с адекватной самооценкой — 9 человек. Для

оценки значимости различий в проявлениях агрессивных реакций использовался непараметрический U-критерий Манна-Уитни ($p \leq 0,05$), который применялся для попарного сравнения исследовательских групп с учетом гендерного признака.

В группе девочек-подростков с завышенной самооценкой показатели физической, косвенной и вербальной агрессии были значительно выше по сравнению с девочками с адекватной ($U_{мп1}=14,0$; $U_{мп2}=6,5$; $U_{мп3}=21,0$) и заниженной самооценкой ($U_{мп1}=0,50$; $U_{мп2}=0,00$; $U_{мп3}=3,50$). В группе девочек с заниженной самооценкой преобладали реакции обиды ($U_{мп1}=17,5$) и подозрительности ($U_{мп1}=0,0$) (рис.3).

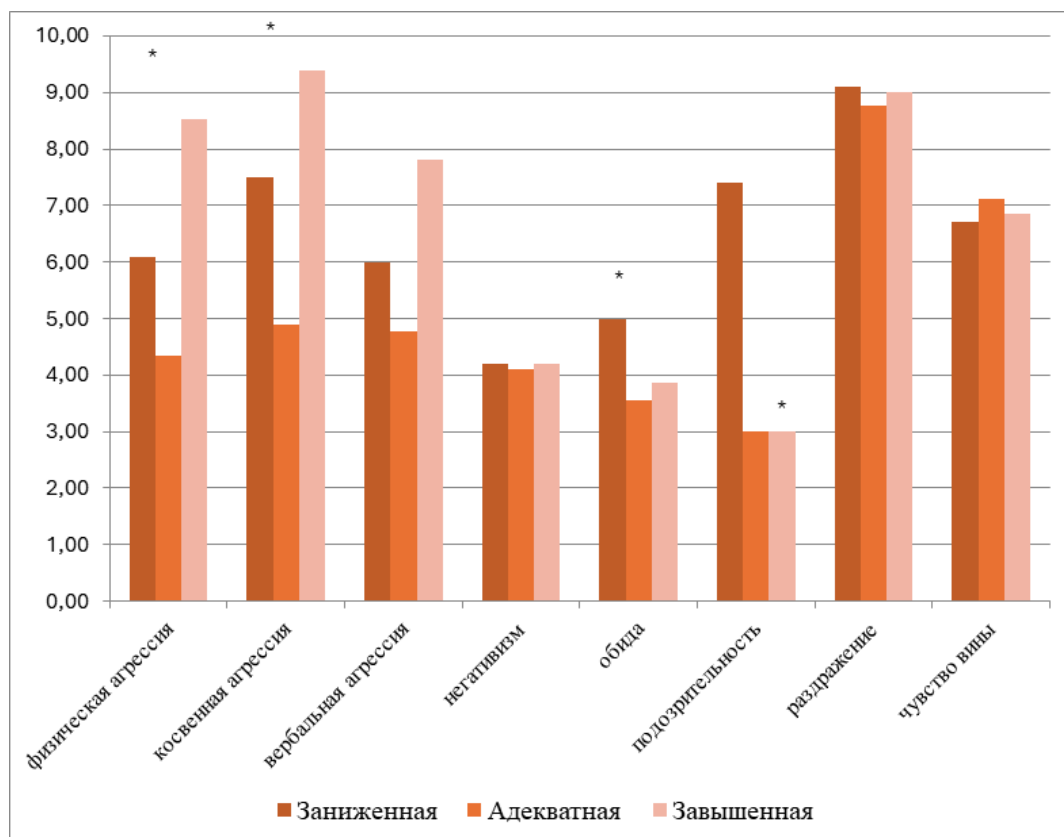

Рисунок 3. Средние значения показателей агрессивных реакций девочек с различным уровнем самооценки
Figure 3. Average values of aggressive reactions in girls with different levels of self-esteem

*— значимость различий ($p \leq 0,05$)

В группе мальчиков-подростков, как и в группе девочек, самые высокие показатели были зафиксированы по параметрам физической, косвенной и вербальной агрессии ($U_{мп1}=3,5$; $U_{мп2}=0,0$; $U_{мп3}=1,0$). Кроме того, были обнаружены значимые различия по параметрам обиды и подозрительности: эти показатели значительно выше у подростков с заниженной самооценкой (Рис. 4).

В результате сравнительного анализа индексов агрессивности и враждебности мальчиков и девочек подросткового возраста с учетом уровня самооценки личности выявлены различия на высоком уровне статистической значимости ($p \leq 0,05$) между всеми группами (Рис. 5).

Индекс агрессивности, согласно концепции авторов методики (А. Басс, А. Дарки), объединяет такие виды агрессии, как вербальная, физическая и косвенная. В группе девочек с завышенной самооценкой зафиксирован высокий уровень индекса агрессивности ($X \pm \sigma = 25,73 \pm 5,38$). При адекватной самооценке у девочек индекс агрессивности находится в диапазоне низких значений ($X \pm \sigma = 14,00 \pm 3,42$). У девочек с заниженной самооценкой индекс агрессивности соответствует среднему уровню ($X \pm \sigma = 19,60 \pm 4,81$). В группе мальчиков показатели индекса агрессивности несколько выше, чем у девочек. Тенденция сохраняется: у мальчиков с завышенной самооценкой индекс агрессивности

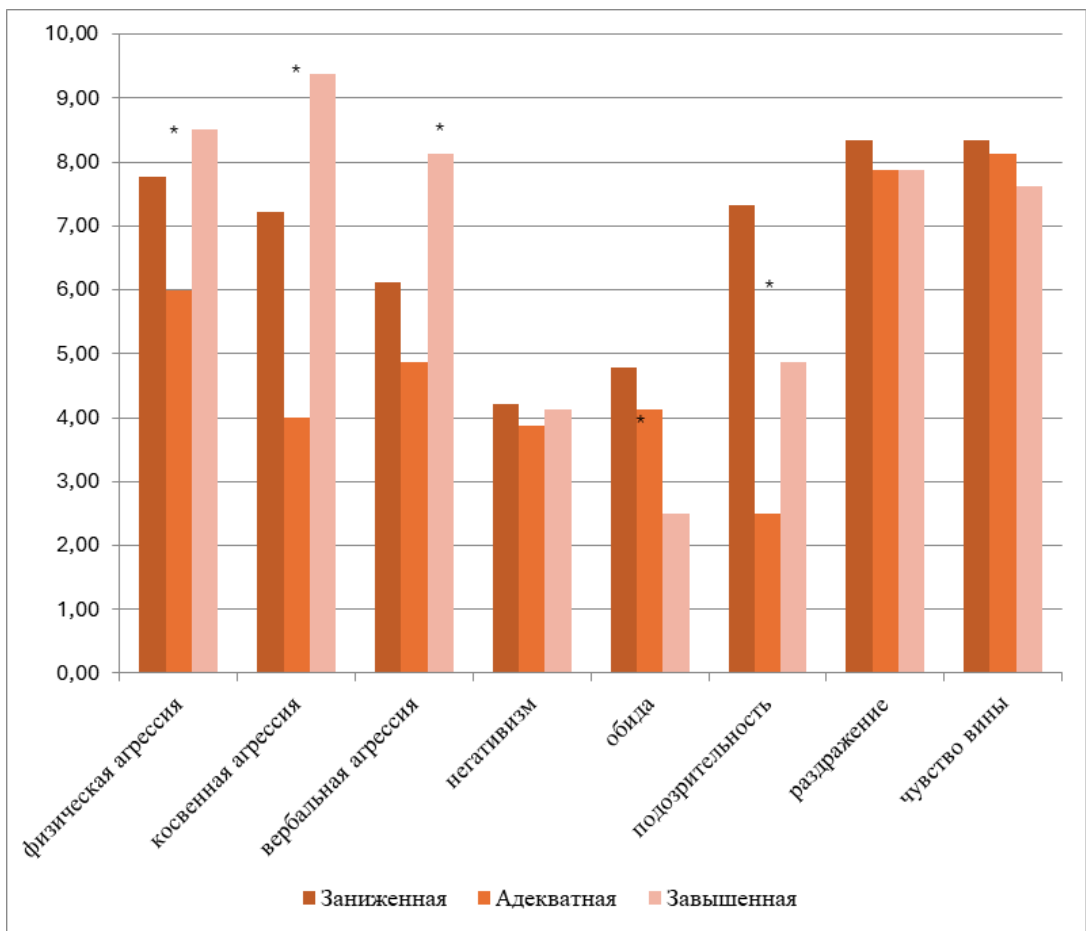

Рисунок 4. Средние значения показателей агрессивных реакций мальчиков с различным уровнем самооценки

Figure 4. Average values of aggressive reactions in boys with different levels of self-esteem

*– значимость различий ($p \leq 0,05$)

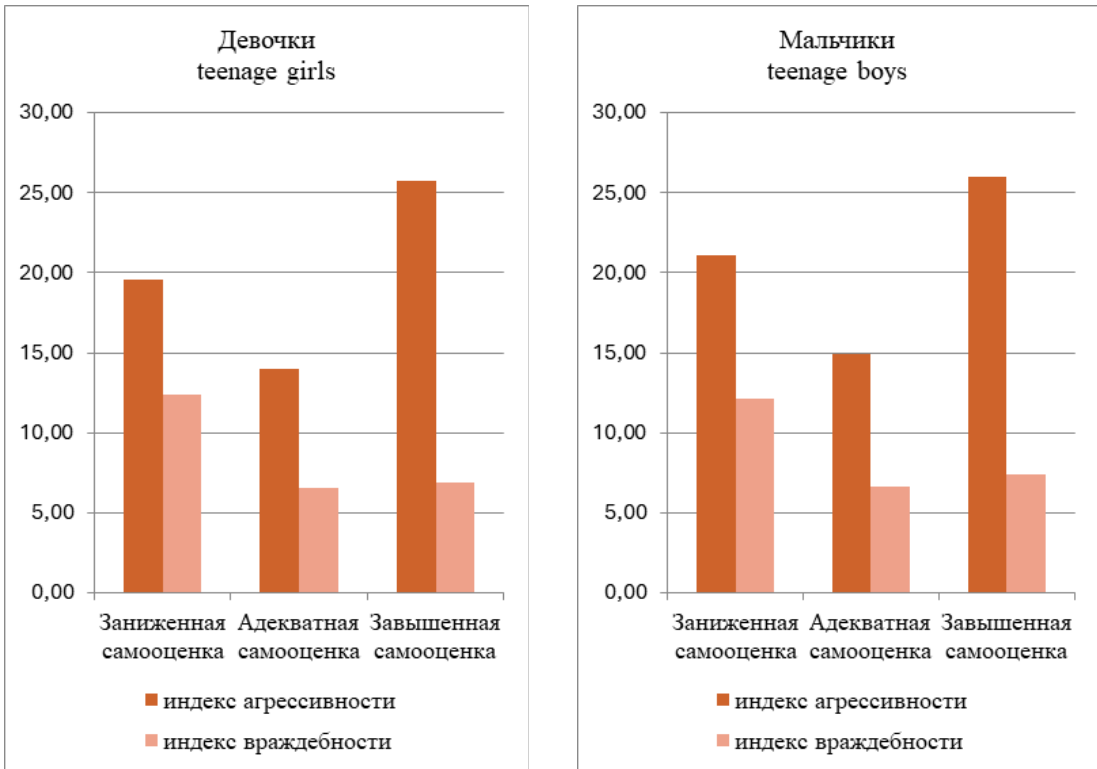

Рисунок 5. Средние значения индексов агрессивности и враждебности подростков с различным уровнем самооценки

Figure 5. Average values of indices of aggression and hostility of adolescents with different levels of self-esteem

*– значимость различий ($p \leq 0,05$)

высокий ($X \pm \sigma = 26,00 \pm 6,12$). При заниженной самооценке индекс агрессивности находится в среднем диапазоне ($X \pm \sigma = 21,11 \pm 4,57$). У мальчиков с адекватной самооценкой индекс агрессивности низкий ($X \pm \sigma = 14,88 \pm 2,72$).

Индекс враждебности, который включает показатели обиды и подозрения, демонстрирует обратную тенденцию у девочек и мальчиков. Высокие значения индекса враждебности наблюдаются у подростков с заниженной самооценкой как у мальчиков ($X \pm \sigma = 12,11 \pm 2,86$), так и у девочек ($X \pm \sigma = 12,40 \pm 3,71$). При завышенной и адекватной самооценке у подростков (как у мальчиков, так и у девочек) индекс враждебности низкий.

Таким образом, в результате исследования гендерных различий агрессивных реакций подростков и уровня самооценки выявлено, что высокий уровень агрессивности характерен для подростков с завышенной самооценкой. При заниженной самооценке у мальчиков и девочек наблюдается высокий уровень враждебности, проявляющийся в обидах и подозрительности.

Далее представим результаты оценки взаимосвязей между уровнем самооценки подростков и их агрессивными реакциями с учётом пола. В группе мальчиков выявлены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между самооценкой и вербальной агрессией ($r = 0,48$), а также обратно пропорциональные взаимосвязи между самооценкой и обидой ($r = -0,73$), подозрительностью ($r = -0,51$) и индексом враждебности ($r = -0,76$). В группе девочек также обнаружены статистически значимые прямо пропорциональные взаимосвязи между самооценкой и вербальной ($r = 0,45$), косвенной ($r = 0,38$) и физической ($r = 0,45$) агрессией, а также индексом агрессивности ($r = 0,49$). Данные корреляционного анализа представлены в таблице 2.

Между уровнем самооценки и показателями враждебности и подозрительности обнаружены статистически значимые обратно пропорциональные связи: индекс враждебности имеет коэффициент корреляции $r = -0,73$, а показатель подозрительности — r

Таблица 2. Коэффициенты корреляции гендерных различий уровня самооценки и агрессивных реакций подростков (r-критерий ранговой корреляции Спирмена, $p \leq 0,05$)

Table 2. Correlation coefficients of gender differences in self-esteem levels and aggressive reactions among adolescents (r-Spearman rank correlation test, $p \leq 0.05$)

*— значимость взаимосвязи

Агрессивные реакции Aggressive reactions	Уровень самооценки The level of self-esteem	
	Мальчики teenage boys	Девочки teenage girls
Физическая агрессия	0,12	0,45*
Косвенная агрессия	0,20	0,38*
Вербальная агрессия	0,48*	0,45*
Негативизм	-0,05	0,04
Обида	-0,73*	-0,29
Подозрительность	-0,51*	-0,74*
Раздражение	-0,28	0,10
Чувство вины	-0,20	0,00
Индекс агрессивности	0,32	0,49*
Индекс враждебности	-0,76*	-0,73*

= - 0,74, что является основным компонентом индекса враждебности.

Таким образом, в результате анализа агрессивных реакций подростков с учетом пола и уровня самооценки установлено, что при завышенной самооценке у мальчиков и девочек наблюдается высокий уровень агрессии. При заниженной самооценке у обоих полов выявлен высокий уровень враждебности, проявляющийся в виде реакций обиды и подозрительности.

Взаимосвязь между самооценкой подростков и их агрессивными реакциями характеризуется преобладанием положительного вектора и высокой плотностью связей у девочек. Это означает, что завышенная самооценка у девочек подросткового возраста проявляется в агрессивных реакциях, преимущественно в форме косвенной и вербальной агрессии. У мальчиков подросткового возраста, напротив, преобладает отрицательный вектор взаимосвязей, что указывает на их обратный характер. При заниженной самооценке у мальчиков наиболее интенсивно проявляются реакции враждебности в межличностных отношениях, выражающиеся в обидах и подозрительности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Агафонов, А.Ю. Исследование Я-концепции учащихся подросткового возраста как средства качественной оценки образовательных систем / Андрей Юрьевич Агафонов // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.07 Педагогическая психология. - Казань, 2000. - 18 с. Текст : непосредственный.
2. Ананьев, Б.Г. О проблемах современного человекознания / Б.Г. Ананьев. – 2ое изд. – СПб.: Питер, 2001. – 263 с. Текст : непосредственный.
3. Баклушинский, С.А. Я-концепция и ценностно-нормативные ориентации подростка в условиях быстрых социальных изменений / Сергей Александрович Баклушинский // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук по специальности 19.00.11 Психология личности. – М., 1996. - 24 с. Текст : непосредственный.
4. Бандура, А. Подростковая агрессия / А. Бандура, Р. Уолтерс. – М., 2000. – 509 с. Текст : непосредственный.
5. Басс, А. Концепция агрессии / враждебности / А. Басс, А. Дарки. – Екатеринбург: Феникс, 2003. – 585 с. Текст : непосредственный.
6. Берковиц, Л. Агрессия: причины последствия и контроль / Л. Берковиц. – СПб.: прайм-ЕВРОЗНАК, 2001. – С. 53–73. Текст : непосредственный.
7. Божович, Л.И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – СПб.: Питер, 2008. – 398 с. Текст : непосредственный.
8. Выготский, Л.С. Вопросы детской психологии / Л.С. Выготский. – М.: Союз, 2004. – 321с. Текст : непосредственный.
9. Захарова, А.В. Психология формирования самооценки / А.В. Захарова. - Минск, 1993.- 100 с. Текст : непосредственный.
10. Кольцов, М.В. Особенности агрессивности подростков с различным уровнем развития эмпатических способностей / М.В. Кольцов. - Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. – 2013. - № 1.– С. 82 - 84. – URL : <https://archive.dom-hors.ru/teoria-praktika/2013/1?ysclid=mgbcf4w9a3524353851> (дата обращения : 28.08.2025)
11. Кон, И.С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И.С. Кон. — М.: Политиздат, 1984. — 336 с. Текст : непосредственный.
12. Леонтьев, А.Н. Деятельность. Сознание. Личность / А.Н. Леонтьев. – М. : Смысл, Академия, 2005. – 352 с. Текст : непосредственный.
13. Неймарк, М.С. Психологический анализ эмоциональных реакций школьников на

трудности в работе / М.С. Неймарк // Вопросы психологии личности школьников. - М.: Просвещение, 1973. – С. 13-19. Текст : непосредственный.

14. Рубинштейн, С.Л. Основы общей психологии / С.Л. Рубинштейн. - Питер, 2007. - 720 с. Текст : непосредственный.

15. Серебрякова, Е.А. Уверенность в себе и условия ее формирования у школьников / Е.А. Серебрякова. - Текст : электронный // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата педагогических наук (по психологии). – М., 1955. - 18 с. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005909289/?ysclid=mgbcmqvrfl475066037 (дата обращения : 28.08.2025)

16. Славина, Л.С. Индивидуальный подход к неуспевающим и недисциплинированным ученикам / Л.С. Славина. – М.: АПН РСФСР, 1958. – 212 с. Текст : непосредственный.

17. Сорокоумова, Е.А. Исследование жизнестойкости как свойства личности современных подростков / Е.А. Сорокоумова. - Текст : электронный // Коллекция гуманитарных исследований. - 2018. - № 3. (12). - С. 70 - 76. – URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/38> (дата обращения : 28.08.2025)

18. Фельдштейн, Д.И. Проблемы возрастной и педагогической психологии / Д.И. Фельдштейн. – М., 1999. – 300 с. Текст : непосредственный.

19. Чеснокова, И.И. Проблема самосознания в психологии / И.И. Чеснокова, Е.В. Шорохова. – М. : Наука, 1977. – 144 с. Текст : непосредственный.

20. Buss, Arnold H.; Durkee, Ann An inventory for assessing different kinds of hostility// Journal of Consulting Psychology. -1957.-21 (4): p.343–349

21. Miller, N. The frustration-aggression hypothesis/Symposium on the Frustration / N. Miller // Psychological Review, 1948. – Vol. 4. – p. 337–366.

Получена: 22.04.2025 г.

Принята к публикации: 25.09.2025 г.

THE RELATIONSHIP BETWEEN AGGRESSION AND SELF-ESTEEM IN ADOLESCENCE: THE GENDER ASPECT

© A.A. Kuznetsova, K.F. Mirakyan

Alesya A. Kuznetsova – Vice-Rector for Educational Work, Social Development and Public Relations, Head of the Department of Health Psychology and Neuropsychology, Kursk State Medical University
e-mail: Kuznetsova.a80@mail.ru

Address: 305041, Kursk, Karl Marx St., 3, Russian Federation

Karina F. Mirakyan – Associate Professor, Department of Special Psychology and Correctional Pedagogy, Kursk State University
e-mail: telfi@yandex.ru

Address: 305000, Kursk, Radisheva St., 33, Russian Federation

ABSTRACT

Relevance. Many researchers emphasize the significant impact of self-esteem on human behavior and activity, as well as on their socio-psychological adaptation. The formation of self-esteem in the process of personality development takes a long time and plays a key role. Adolescence is a particularly important stage for this. During this period, self-awareness is actively developing, which is manifested in the desire to properly evaluate oneself, use one's abilities and reach a level of maturity. However, adolescence is also vulnerable to the development of various forms of deviant behavior. This is due to increased sensitivity to the opinions and assessments of others, which makes social factors especially significant.

Purpose. To study the peculiarities of the influence of the level of self-esteem of a personality on the severity and types of aggression in adolescents, taking into account gender.

Materials and methods. Theoretical analysis of scientific publications on the research topic; organizational methods: cross-sectional method, in which subjects of the same age group were examined; empirical methods: S.A. Budassi's self-assessment methodology and the Bass-Darkey questionnaire for analyzing aggressive reactions (adapted by S.E. Enikolopov); methods of statistical processing of the collected data.

Results. Boys and girls have high levels of aggression when they have high self-esteem. With low self-esteem, both sexes have a high level of hostility, manifested in the form of reactions of resentment and suspicion. The relationship between adolescents' self-esteem and their aggressive reactions is characterized by a predominance of a positive vector and a high density of connections among girls. This means that girls' overestimated self-esteem manifests itself in aggressive reactions, mainly in the form of indirect and verbal aggression. In boys, on the contrary, the negative vector of interrelations prevails, which indicates their reverse nature. With low self-esteem, boys exhibit the most intense reactions of hostility in interpersonal relationships, expressed in resentment and suspicion.

Conclusions. The results of the work can be used to develop effective preventive programs aimed at optimizing the level of self-esteem and reducing the risk of aggression, improving the psychological health of adolescents.

KEYWORDS: self-esteem; aggression; aggressive reactions; adolescence.

REFERENCES

1. Agafonov, A.Y. Research of the Self-concept of adolescent students as a means of qualitative assessment of educational systems / Andrey Yurievich Agafonov // Abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological Sciences in the specialty 19.00.07 Pedagogical psychology. - Kazan, 2000. - 18 p. Text : direct.
2. Ananyev, B.G. On the problems of modern human knowledge / B.G. Ananyev. – 2nd ed. – St. Petersburg: Peter, 2001. – 263 p. Text : direct.
3. Baklushinsky, S.A. I am the concept and value-normative orientations of a teenager in the context of rapid social changes / Sergey Alexandrovich Baklushinsky // Abstract of the dissertation for the degree of candidate of psychological sciences in the specialty 19.00.11 Psychology of personality. – M., 1996. - 24 p. Text : direct.
4. Bandura, A. Adolescent aggression / A. Bandura, R. Walters, Moscow, 2000 – 509 p. Text : direct.

5. Bass, A. The concept of aggression / hostility / A. Bass, A. Darki. Yekaterinburg: Feniks Publ., 2003, 585 p. Text : direct.
6. Berkowitz, L. Aggression: Causes, consequences and control / L. Berkowitz, St. Petersburg: prime-EUROZNAK, 2001, pp. 53-73. Text : direct.
7. Bozhovich, L.I. Personality and its formation in childhood / L. I. Bozhovich. – St. Petersburg.: Peter, 2008. – 398 p. Text : direct.
8. Vygotsky, L.S. Questions of child psychology / L.S. Vygotsky. – M.: Soyuz, 2004. – 321s. Text : direct.
9. Zakharova, A.V. Psychology of self-esteem formation / A.V. Zakharova. - Minsk, 1993. - 100 p. Text : direct.
10. Koltsov, M.V. Features of aggressiveness of adolescents with different levels of development of empathic abilities / M.V. Koltsov. - Text : electronic // Theory and practice of social development. – 2013. - No. 1.– pp. 82-84. – URL : <https://archive.dom-hors.ru/teoria-praktika/2013/1/?ysclid=mgbcf-4w9a3524353851> (accessed : 08/28/2025)
11. Kon, I.S. In search of himself. Personality and its self—awareness / I.S. Kon. — M.: Politizdat, 1984. - 336 p. Text : direct.
12. Leontiev, A.N. Activity. Conscience. Personality / A.N. Leontiev, Moscow : Smysl, Akademiya, 2005, 352 p. Text : direct.
13. Neymark, M.S. Psychological analysis of emotional reactions of schoolchildren to difficulties in work / M.S. Neymark // Questions of personality psychology of schoolchildren. - M.: Prosveshchenie, 1973. – pp. 13-19. Text : direct.
14. Rubinstein, S.L. Fundamentals of general psychology / S.L. Rubinstein. - St. Petersburg, 2007. 720 p. Text : direct.
15. Serebryakova, E.A. Self-confidence and the conditions of its formation in schoolchildren / E.A. Serebryakova. - Text : electronic // Abstract of the dissertation for the degree of Candidate of pedagogical Sciences (in psychology). – M., 1955. - 18 p. – URL : https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_005909289/?ysclid=mgbcmqvrfl475066037 (date of reference : 08/28/2025)
16. Slavina, L.S. Individual approach to underachieving and undisciplined students / L.S. Slavina. – M.: APN RSFSR, 1958. – 212 p. Text : direct.
17. Sorokumova, E.A. Investigation of the life situation as one of the main problems of our time / E.A. Sorokumova. - Text : electronic // Association of Analytical Research. - 2018. - № 3. (12). - Pp. 70-76. – URL : <https://www.j-chr.com/jour/article/view/38> (date of reference : 08/28/2025)
18. Feldstein, D.I. Problems of age and educational psychology / D.I. Feldstein. – M., 1999. – 300 p. Text : direct.
19. Chesnokova, I.I. The problem of self-awareness in psychology / I.I. Chesnokova, E.V. Shorokhova. – M. : Nauka, 1977. - 144 p. Text : direct.
20. Buss, Arnold H.; Durki, Ann: A methodology for assessing various types of hostility // Journal of Counseling Psychology. -1957.-21 (4): p.p.343-349
21. Miller, N. The hypothesis of frustration-aggression/Symposium on frustration / N. Miller // Psychological Review, 1948. – Volume 4. – p.p. 337-366.

Received: 22.04.2025

Accepted: 25.09.2025